

Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра
Российской академии наук

О.М. Давудов

**АНТРОПОМОРФНАЯ ПЛАСТИКА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
КАВКАЗА**

АЛЕФ



Махачкала 2016

УДК 903(479)
ББК 63.4(24)
Д-13

Ответственный редактор:

Маммаев Мисрихан Маммаевич – доктор искусствоведения

Рецензенты:

Гмыря Людмила Борисовна – доктор исторических наук
Сефербеков Руслан Ибрагимович – доктор исторических наук, проф.
Кольцов Петр Михайлович – доктор исторических наук, проф.

Давудов О.М.

Д-13 Антропоморфная пластика Северо-Восточного Кавказа / Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. – Махачкала: АЛЕФ, 2016. – 160 с.

ISBN 978-5-4447-0043-3

В монографии дается характеристика антропоморфных статуэток, выявленных на территории Северо-Восточного Кавказа, их классификация, хронология и объяснение смысла и значения фигур.

Работа рассчитана на археологов, этнографов, историков, учащихся высших и средних специальных учебных заведений и широкий круг читателей, интересующихся древней и средневековой историей Дагестана.

ISBN 978-5-4447-0043-3

© Давудов О.М., 2016
© ИИАЭ ДНЦ РАН, 2016

Светлой памяти замечательного человека, археолога, директора Археологического центра Грузии, доктора исторических наук Виссариона Майсурадзе посвящаю.

ВВЕДЕНИЕ

Антропоморфные статуэтки представляют собой один из самых интересных и информативных археологических источников. Они дают большие возможности для освещения различных сторон материальной и духовной культуры населения. Интерес к ним в Дагестане и Чечне появился еще с начала второй половины XIX века. Коллекционеры и ученые стали собирать антиквариат и вместе с ним статуэток. В результате к настоящему времени в различных музеях и в частных коллекциях накопилось более двух тысяч статуэток. Вместе с публикацией первых находок появились примитивные, порою фантастические и ничем не аргументированные рассуждения по их интерпретации и историческим выводам. Но было очевидно, что они имеют большое значение для изучения материальной и духовной культуры, искусства и служит свидетельством о высокоразвитой металлургии и металлообработке. Позже с накоплением новых материалов и развитием науки появились более взвешенные и научно состоятельные исследования (А.А. Захаров, А.А. Иессен, А.П. Круглов, Д.М. Атаев, В.И. Марковин, О.М. Давудов, М.М. Маммаев, М.С. Гаджиев, Р. Ченсинер, О.А. Брилева и др). Накопилась значительная литература. Стало возможным приблизиться к решению проблем историко-культурного толкования, выяснению их значения для исторической науки. После моих работ появились новые высказывания, были поставлены новые вопросы, которые требуют соответствующего ответа. Особенно остро дискутировался вопрос о хронологии статуэток. Поэтому возникла необходимость подытожить результаты дискуссий. Выявились и новые статуэтки, которые не стали предметом внимания специалистов. Более того, до сих пор нет обоснованного решения вопросов по семантике антропоморфных статуэток. При этом отсутствие мифологического материала, вытравленного из сознания людей мировыми религиями, осложняет задачу исследователя.

Все это и определяет актуальность темы исследования.

При изучении антропоморфных и зооморфных статуэток Северо-Восточного Кавказа мы поставили перед собой задачу – определить ареал распространения статуэток «дагестанского типа», определить их характер, дать классификацию, предложить хронологию и, наконец, попытаться выяснить смысловое значение анализируемых фигурок.

Для изучения привлечены антропоморфные статуэтки, обнаруженные на территории Северо-Восточного Кавказа, из районов Дагестана и горной Чечни. Их довольно много и представлены самыми разнообразными формами мужских и женских фигур, а также гермафродитов, женщин с признаками животных, всадников и всадниц и т.д. Основная часть их происходит из культовых мест. Но есть находки, обнаруженные в могилах в сопровождении хорошо датирующих предметов.

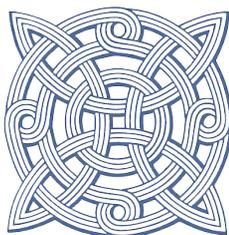
В основной своей массе эти находки относятся к I тысячелетию до н.э. и I тысячелетию н.э., ограничив временем появления мусульманской религии, запретившей идолов и идолопоклонство. Этим временем и определены хронологические рамки нашей работы. Изучение артефактов этого времени имеет большое значение для археологии Кавказа.

При исследовании статуэток мы использовали сравнительно-типологический метод. Для объяснения смысла статуэток привлечены сохранившиеся мифы многих евразийских народов, фольклорные сведения, разные пережитки языческих верований, суеверия и т.д. В работе систематизируются имеющиеся материалы, предлагаются даты статуэток и дается объяснения изображениям. Работа состоит из трех глав, введения и заключения. К ним приложены иллюстрации и список использованной литературы.

Следует отметить, что такая монографическая работа, посвященная изучению антропоморфной пластики Кавказа недавно опубликовала О.А. Брилева. Но наша монография, в которой освещаются важнейшие проблемы исследования антропоморфных статуэток Северо-Восточного Кавказа в комплексе, в Дагестане издается впервые.

Ее издание важно для древней и средневековой истории и археологии, искусствоведения, а также для реконструкции идеологических представлений населения Дагестана в древности.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

ГЛАВА I

ИЗУЧЕНИЕ МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Антропоморфные и зооморфные статуэтки обратили на себя внимание исследователей еще в 70-х гг. XIX в. С самого начала они рассматривались как источник для изучения материальной и духовной культуры и, самое главное, как свидетельство высокоразвитой металлургии и металлообработки.

На территории Кавказа встречается много антропоморфных и зооморфных статуэток. Много здесь и очагов их производства. Северо-Восточный Кавказ, занятый современным населением Дагестана и Чечни, составляет особый вариант их производства и использования.

Первая находка предметов мелкой пластики из тонкого листа бронзы – «с изображение женщины, сидящей на лошади боком», «была встречена среди находок, обнаруженных в могилах, разрушенных при проведении дороги между селениями Верхний Дженгутай и Урма, то ли на горе Кызыл-яр, то ли на Атлыбоюнском перевале. Эту фигурку увидел большой любитель древностей, генерал А.В. Комаров [*Комаров А.В.*, 1882.С. 436–437], что и побудил его интерес к статуэткам. Другие находки – это статуэтки, обнаруженные «на отрогах хребта, служащего водоразделом между реками Андийское Койсу и Шаро-Аргун». В 1867 г. они были доставлены А.П. Ипполитову и опубликованы им. Эта коллекция составляла 4 фигурки обнаженных людей в шлемах с дротиками в руках и фигурки животных: козлов, оленей и баранов. Ссылаясь на форму шлемов, употреблявшихся горцами Ичкерии в более позднее время, он считает их грубым подражанием изображениям божеств греческой мифологии. А греки, по его мнению, были здесь, о чем якобы свидетельствуют предания о «греческом происхождении некоторых чеченских фамилий» [*Ипполитов А.П.*, 1868.С. 49–52]. Несколько иначе воспринимал этих статуэток П.И. Головинский. Он приписывал их изготовление сначала древним «мидам», позже – предкам осетин, которые появились, как он полагал, в горах Кавказа раньше чеченцев, «имели богатую мифологию и умели выделывать из меди разные вещи» [*Головинский П.И.*, 1878.С. 251]. Все эти взгляды спорны и, как позже выяснилось, ничем не обоснованы. Не имели тогда представления и об ареале распространения этих статуэток, как, впрочем, и об их семантической нагрузке. С накоплением новых материалов стало возможно приблизиться к их пониманию, выяснению их значения.

Новый шаг к изучению бронзовых фигурок был сделан благодаря находкам 1870 г. изображений оленей в Ункратле [*Аргутинский-Долгоруков Н.В.*, 1875.С. 184], а также приобретению фотографом А.С. Роиновым 12 бронзовых фигурок, найденных близ сел. Асахо и Кидеро Дидойского общества и в Каратинском наибстве. Шесть из них опубликовал ген. А.В. Комаров. Большинство фигур не имело обозначения пола, но часть имела мужские половые признаки, часть – жен-

ские. Из опубликованных фигурок четыре относились к фертообразным, две – к типам с поднятыми к вискам руками [*Комаров А.В.*, 1884. С. 41. Рис. Н.И. Цилосани].

Интересные статуэтки были обнаружены академиком Д. Анучиным во время его пребывания в Дагестане в 1882 г. «с целью отыскания в пещерах следов чело- века каменного века». На вершине горы Зуберха, вблизи сел. Гергебиль им были найдены бронзовые украшения и подвески в виде головок оленей и быков. Вме- сте с ними на заложенном им небольшом раскопе были обнаружены кости жи- вотных. В сел. Ратлуб (ныне Шамильский район) он обнаружил статуэтку обна- женной женщины, сидящей на стульчике [*Анучин Д.Н.*, 1884. С. 444–445]. Позже эта статуэтка была куплена фотографом А.С. Роиновым [*Zakharov A.*, 1933. P.98], однако в состав публикаций А.В. Комарова она не попала. О ее дальнейшей судь- бе ничего не известно. Она достигала 0,155 м. высоты. Головной убор имел вид капюшона с маленькой точкой впереди и выступом, от которого на спину ниспа- дала коса или лента. На шее было ожерелье, или витая гривна. Женщина держала ребенка левой рукой, а правой давала ему грудь. Д.Н. Анучин полагает, что она изображает богиню Астарту [*Анучин Д.Н.*, 1884. С. 444–445].

Более результативными были работы П.Д. Татарина. Им был раскопан в 1882 г. около селения Чаляихо (Чалях Цунтинского района) «небольшой курган», счи- тавшийся среди местного населения «священным местом» и куда «на богомолье» (скорее речь идет об обряде выпрашивания дождя) собирались окрестные жители во время засухи и народных бедствий. Раскопки продолжались в течение только одного дня и были прекращены из-за выпавшего снега. Так что, работы здесь не были завершены. Но к вечеру им были обнаружены остатки какого-то строения и 88 статуэток, отлитых из бронзы [*Комаров А.В.*, 1884. С. 40. Рис. Н.И. Цилосани]. А.А. Иессен справедливо считает, что здесь было обнаружено культовое место [*Иессен А.А.*, 1935. С. 35].

Вскоре появились сообщения о работах французского исследователя Г. Бапста у с. Ретло (Ретлоб Цунтинского района). Г. Бапст, направляясь в Закавказье, про- вел небольшие раскопки на вершине остроконечной горы (Кидилашан) на круг- лой площадке диаметром 4 м. Ему удалось обнаружить 33 бронзовых статуэток, в том числе людей с «руками на животе» и поднятыми к голове руками так, чтобы большие пальцы касались ушей. Статуэтки казались брошенными. Одна из них имела пояс и перевязь (портупею) [*Bapst G.*, 1885. P. 38–40; Табл. III–V]. А до это- го на этой горе по поручению генерала А.В. Комарова копал наиб из сел. Кидеро и обнаружил 200 фигурок [*Bapst G.*, 1885. P. 38–40]. Судьба этих находок неиз- вестна.

Появились в печати сообщения и о находках штабс-капитана Кузьминского. Около селения Ботлих он собрал большое количество медных идолов «наподобие игрушек», числом около 50. Среди них отмечены фигурки оленя, козлов, мужчин и женщин в разных позах [Укрепление Хунзах, 24 августа].

В 1886 г. в Дидойском обществе вел работы действительный член Русского географического общества К.Н. Россиков. В «Ассахском ущелье в скале» (сел. Асах Цунтинского района) он выявил до 30 статуэток, называемых им «предме- тами обожания», высотой от 36 до 95 мм [*C.P.*, 1886. 10 мая. № 129; Письмо..., 15

декабря 1886 г. № 35-Архив ЛОИА, Д. Археологической комиссии № 6. 1886. Л. 38, 39].

В это же время немецкий ученый языковед Р. Эркерт передал в Берлинский музей две статуэтки (один ферт, другой с руками, поднятыми вверх), обнаруженные около сел. Асах [Adorantenfigurundidol, 1980. Из каталожной записи: Кавказ. Дагестан. Асахо. Дидо. Бронза. Н=7см и 6см].

Имеются сообщения известного этнографа, исследователя Чечено-Ингушетии Н.С. Семенова о «фигурке с бараньей головкой», увиденной им в 1887 г. в сел. Хатуни [Семенов Н.С., 1887. 8 дек. № 325]. Тогда же в чеченском селении Химой собрал коллекцию антропоморфных статуэток полковник К.И. Ольшевский [Архив ЛОИА. Ф-1. Д. 68. Л. 123. Литографически выполненный рисунок Штробиндера], а полковник Шетихин нашел в районе Хасавюрта подвеску в виде головки барана [Смирнов Я.И., 1889. Архив ЛОИА. Ф-1. Д. 44. 1889. Л. 67, об.].

Большой интерес представляют статуэтки, доставленные из Андийского округа врачом Е.С. Вашикидзе и описанные И.И. Пантюховым. Автор предупреждает, что они добыты из указанного округа, но «не из могильников, а при естественных разрушениях почвы в оврагах». Он опубликовал 6 антропоморфных и три зооморфных фигурок, указав, что состав металла, из которого они отлиты, отличается от состава металла Закавказских изделий. Вместе с тем он считает, что «вид фигур, а особенно развитие penis-а, показывает, что в одну из эпох бронзы на Кавказе был распространен южный, малоазиатский религиозный культ. По черепному показателю, господствовавший тип был ирано-курдский» [Пантюхов И.И., 1896. С. 57–59, 142, 148; Табл. XV 1, 1–10].

В 1900 г. П.С. Уварова опубликовала результаты исследований могильников Северного Кавказа, ввела в научный оборот археологические коллекции различных музеев и частных лиц. Среди материалов Кобанского, Кумбултского и других могильников встречаются статуэтки женщины с ребенком в руках, женщины с руками по бокам, на груди и животе [Уварова П.С., 1900. С. 144, 148, 308; Табл. XXXV, 6; CXII, I; XCII, 8]. Возможно, некоторые из них происходят из дагестанского очага производства и завезены сюда еще в древности. Они близки к ним по многим параметрам. Из работ П.С. Уваровой необходимо упомянуть и каталог Кавказского музея (ныне Государственный музей Грузии). В него включены и статуэтки из Дидо [Уварова П.С., 1902. С. 12 и след. № 3679].

Полный для того времени свод памятников, откуда происходят антропоморфные и зооморфные статуэтки, дал Е.И. Козубский. Он называет селения Асахо, Кидеро, Чаляих и др., а также местность Беркла Мик на левом берегу Казикумухского Койсу, вблизи сел. Хаджал-Махи [Дагестанский сборник, 1902. С. 157, 158].

В 1903 г. А.М. Завадский, работавший преимущественно в Грозненской области, собрал небольшую археологическую коллекцию в Андийском округе. Среди его находок особый интерес представляют статуэтка обнаженной женщины из сел. Тинди с сосудом в руках и фигурка мужчины в «фригийском колпаке» (хр. в ГИМ, инв. № 57771) [Древности, 1906. Протоколы. С. 57; Известия Археологической комиссии, 1904. С. 16, 17].

В 1910–1912 гг. в Дагестане наряду с этнографическими материалами собирал археологические находки сотрудник Русского музея в Санкт-Петербурге А.К.

Сержпутовский. Ныне его коллекция хранится в ГЭ. Среди его находок имеются статуэтки, обнаруженные в Цунтинском (сел. Хупри), Ахвахском (сел. Карата) и Ботлихском (сел. Анди) районах. В течение 1911–1914 гг. в Дагестане работала А.Л. Млокосевич, имевшая специальное задание от Археологической комиссии. Ее сборы археологических материалов оказались более плодотворными. Среди материалов, собранных ею в селах Хашархота, Тлядал, Хупро, Китури, Шаитль, Асахо, Ин[хоквари], Гетатль (вероятно Гениятль), были изображения людей и животных. Среди этих изображений имеются статуэтки мужчин и женщин, а также животных. Особый интерес представляет черпак с короткой ручкой в виде головы оленя. Она полагает, что эти вещи происходят из «пещерных могил», где, по словам лезгин, хоронили лиц духовного звания» [Известия Археологической комиссии, 1904. С. 160, 210–211; Архив ЛОИА. Д. 296, 1914. Л. 1–2, 15]. Список предметов металлопластики вскоре пополнился за счет трех статуэток обнаженных людей, которых житель гор. Телави С.М. Попов обнаружил у Кодорского перевала. В 1915 г. эти статуэтки были переданы в Государственный музей Грузии (инв. № 32–15). Позже этих находок связывали с Кодорской крепостью вблизи гор. Сухуми [Отчет Археологической комиссии за 1913–1915 гг., 1918. С. 30. Рис. 4–6]. Однако по характеру изделий и позам они составляют часть дагестанских статуэток и не могут быть связаны со статуэтками Грузии или Абхазии.

В 1921 г. художник М. Джемал нашел в одном из разрушенных погребений Каратинского могильника одну бронзовую фигурку мужчины, 4 фигурки женщины и одну миниатюрную ритуальную ложечку. Эти находки интересны тем, что позволяют связать статуэток с конкретными датирующими материалами. Некоторые бронзовые вещи, в том числе человеческие фигурки из этого могильника, хранятся в ГЭ (раньше они хранились в Русском музее). Сам могильник известен издавна. В начале XX столетия местный житель шейх Сулейман оглы в одном из разрушенных земляными работами погребений обнаружил 19 хрустальных бус, 4 обломка медных браслетов (хр. в Гос. музее Грузии). В 1923 г. на этом же могильнике несколько погребений раскопал А.С. Башкиров [Архив ЛОИА. 1914. Д. 296, Л. 1–2, 15. С. 130; Каталог археологических материалов Государственного музея Грузии, 1955. (1904–1920); *Комаров А.В.*, 1884. Рис. С. 41. Н.И. Цилоссани; *VapstG.*, 1885. С. 34, 16; Отчет императорской археологической комиссии за 1906 г., 1909. С. 87, 1071; Архив ИА, 1906. Д. 115. С. 38; *Исаков М.И.*, 1966. С. 85]. В 1956 г. из Каратинского могильника сотрудниками Горного отряда экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР были получены интересные находки скифского времени [*Пикуль М.И.*, 1956. С. 194, 195]. Они были обнаружены в разрушенной могиле.

Среди экспонатов ДГОИАМ хранится статуэтка человека с поднятыми вверх руками. Она была приобретена в 1924 г. Н.Ф. Яковлевым.

В 1928 г. в печати появилась статья этнографа Л.П. Семенова о находке изображения оленя возле святилища у ингушского сел. Джерах [*Семенов Л.П.*, 1928. С. 13, 14; 1963]. По П.А. Головенскому, в сел. Шатое находили до нескольких десятков статуэток баранов, козлов, оленей, голых людей в шапочках, «уложенных не в могиле, а особо в земле». В собранную П.С. Уваровой коллекцию входят

бронзовые литые статуэтки людей – хр. в ГИМ, инв. № 57 766 [Головинский П.Д., 1878. С. 251].

Так постепенно возрастало количество находок антропоморфной и зооморфной металлопластики из памятников Северо-Восточного Кавказа. Накапливаются они и в различных музеях страны и в частных коллекциях. В статьях А.А. Захарова были обобщены все находки антропоморфных статуэток, обнаруженных на Кавказе. В этих статьях он дал подробную характеристику известным к тому времени статуэткам и предложил их классификацию по категориям, группам и вариантам в зависимости от деталей (итифаллические, рогатые или с подставками) [Захаров А.А., 1928. С.34,35; Zakharov A.A., 1933. С. 65–115]. При этом строгой критерии для включения фигурок в ту или иную таксонометрическую группу или категорию у него нет. В результате фигурки одного и того же типа оказываются в разных классификационных группах. Ценность же его труда несомненна. Она впервые познакомила читателей с разными статуэтками, в изобилии встречаемыми в Дагестане и сопредельных районах Кавказа. Самое важное – он издал их изображения.

В 1935 г. вышла статья А.А. Иессена, посвященная обзору памятников, попадающих в зону строительства гидроэлектростанций в бассейне р. Сулак и его притоков. Он привел сведения о находках антропоморфных и зооморфных статуэток около селений Тисси (приобретение А.М. Завадского 1903 г.), Карата (колл. Русского музея – ныне хранится в ГЭ, Дагмузее, раск. худ. М. Джамала, Тинди, Инхоквари, Чаляихо, Асахо – собр. К.Н. Россикова, А.А. Млокосевич, с «кургана» между селениями Амиятль (Гениятль) и Кетури (Китури), у сел. Ретло (Ретлоб) на горе «Кидилашан», у сел. Хупро (Хупри – сборы А.К. Сержпутовского 1910 г.), на горе Зуберха (привески в виде головок оленей и быков) [Иессен А.А., 1935. С. 34–36, 16–18, 20–25, 45].

Интересные открытия были сделаны в 1937 г. Северокавказской археологической экспедицией. Начальник Дагестанского отряда этой экспедиции А.П. Круглов получил от начальника землеустроительной партии Пригородовского сведения о найденных им на вершине горы Берак, недалеко от сел. Арчо Ахвахского района при выкапывании шурфа для триангуляционного знака (около 1 кв. м.) бронзовых статуэток человека и козла. Человеческая фигурка интересна своеобразным головным убором, из-под которого на спину ниспадают распущенные волосы. Она имеет выступающую длинную бороду, на талии – пояс, ниже – выразительный торчащий фаллос. В этом же году А.П. Круглов заложил здесь раскоп, размером около 5 кв. м. В результате раскопок он обнаружил еще одну бронзовую статуэтку бородатого мужчины с остатком какого-то предмета в правой руке, видимо, копья, железное навершие в виде трезубца, точильный каменный брусок и мелкие обломки костей. В следующем 1938 г. памятник был раскопан полностью. Удалось выяснить, что культовым местом здесь служила вершина горного хребта. Никаких наружных признаков святилища не имело. Здесь встречено большое количество плит из песчаника, видимо, оставшегося от разрушенного древнего сооружения [святилища]. Слой земли на вершине был сильно насыщен углем, костями животных – быка, овцы, свиньи, лошади, представленными в основном зубами, астралами и фалангами. Находки были концентрированы вблизи верши-

ны и реже попадаются ниже. Среди находок, как выше уже упоминалось, имеются бронзовая фигурка мужчины в шлеме с правой рукой, поднятой вверх как бы для нанесения удара копьем, навершия, склепанные из тонких железных полос (три целых и пять обломанных), железный черешковый трехгранный наконечник стрелы, обломок железного черешкового меча без навершия и перекрестья рукоятки, а также обломок точильного камня, длиной 12 см [Круглов А.П., 1946. С. 31–32. Рис.11,а-д;12;13].

Второе культовое место, осмотренное экспедицией, находится в 7 км по прямой на юго-запад от сел. Согратль Гунибского района. Жителем этого селения Усманом Товакл на склоне горы Хурцы-Гааль (Хурил раал), вблизи ее вершины (18×8–9 м), была найдена бронзовая статуэтка обнаженной женщины с руками, поднятыми как бы для обьятия. Никаких наружных признаков строений здесь не отмечено [Круглов А.П., 1946. С. 35–36; Рис.14].

Среди находок, учтенных Северокавказской экспедицией, следует назвать бронзовую фигурку лошади, найденную еще в 1904 г. вблизи сел. Гагатль Ботлихского района, в 1 км к востоку от деревни, в местности Речол. По сообщению местных жителей, фигурка была найдена при земляных работах вместе с рогами оленя, двумя стеклянными сосудами и бронзовым кольцом. По словам ее владельца, статуэтка была положена в могилу. Другие жители этот факт отрицают [Круглов А.П., 1946. С. 38–39; Рис. 15; Исаков М.И., 1966. С. 85, № 1053]. Она хранится в ДГОИАМ. По мнению М.И. Артамонова, это место можно рассматривать как древнее жертвенное место [Артамонов М.И., 1937–1938. Л. 15].

Другая аналогичная фигурка лошади была приобретена А.П. Кругловым в сел. Согратль у местной жительницы Бутаевой. Место ее находки осталось невыясненным [Круглов А.П., 1946. С. 39–40; Рис. 16]. По характеру моделировки ног, опирающихся на сходящиеся к тонкому стержню основе, кончики статуэтки представляли собой навершия культовых жезлов. А.П. Круглов определил их хронологию в пределах V в. до н.э. [Круглов А.П., 1946. С. 31–40].

По итогам изучения всех этих культовых мест и статуэток А.П. Кругловым была опубликована статья, где представил тщательный анализ культовых находок с территории Северо-Восточного Кавказа. Это была первая статья аналитического характера, положившая основу изучения подобного рода находок и оказавшая влияние на последующих исследователей в датировке и историко-культурной и семантической их интерпретации.

В.И. Марковин приводит дневниковую запись А.П. Круглова, где даются сведения о находке в каменном ящике на хуторе Беледи фигурок мужчины, козла и ложечки, украшенной двумя утолщениями [Марковин В.И., 1986. С. 78]. Об этих находках как о приобретении Северокавказской экспедиции, хранящихся в ДГИ-АМ, сообщал М.И. Исаков в 1966 г. [Исаков М.И., 1966. С. 86. № 1061].

В 1938–1939 г. сотрудник Грузинского филиала АН СССР И.В. Мегрелидзе занимался изучением дидойского фольклора, этнографии и археологии. К концу своей поездки в Дидойские районы он обследовал культовое место у высокогорного озера Орзен, окрестности селения Хупри и гору Кидилашан у сел. Ретло. С озера происходят разные бронзовые предметы, в том числе головы оленя, тура, фигурки маленького коня и человека, а также изображение руки человека и т.д.

Это место (озеро Орзен и его окрестности) почитается местными жителями. Во время засухи здесь собираются окрестные жители и приносят жертву, выпрашивая дождя. Автор опубликовал фигурку коня, обнаруженную у северного берега озера.

У сел. Хупри, вблизи мельницы, в подножье горы, на склонах которой расположено селение, обнаружена другая фигурка коня. Из разрушенной могилы, встреченной здесь, помимо статуэтки происходят керамический кувшин и бронзовые стрелы. Проводил И.В. Мегрелидзе раскопки (14–27 июля 1939 г.) на вершине горы Кидилашан, где на глубине от 5 до 35 см обнаружил 45 целых и 6 поломанных бронзовых статуэток. Среди них имеется фигура воина с колчаном, бляха, головка оленя, 10 обломков бронзовых украшений и 6 обломков черной керамики [Мегрелидзе И.В., 1951. С. 281–291; Рис. 1,а,б; 2; 4, 1–7; 5, 1–8; 6, 1–8; 9, 1–10; 10; 11; 12). Автор дает подробное описание статуэток и их классификацию. Разбив их на две группы по половым признакам, он связывает их появление с широким распространением фаллического культа на Кавказе. Датировку статуэток он не уточняет, но разделяет точку зрения А.П. Круглова и А.А. Иессена [Мегрелидзе И.В., 1951. С. 290–291].

Бронзовые антропоморфные статуэтки, происходившие преимущественно из территории Цунтинского и Цумадинского районов, Д.М. Атаев сопоставлял с рудоносными очагами в верховьях Андийского Койсу. Отметив проблематичность их датировки, он высказал мнение о принадлежности плоско-вогнутых и плоских статуэток к эпохе средневековья. При этом он полагал, что не получила своего объяснения серия более древних статуэток, обычно объемных, трактованных реалистически и отлитых сложными приемами. Одновременно он сближал часть дагестанских статуэток с закавказскими, с сирийскими и даже греческими, наметив, таким образом, путь развития дагестанского искусства на раннем этапе. Позже дагестанское искусство оказывает влияние на искусство сопредельных народов Северного Кавказа [Атаев Д.М., 1965. С. 115–117]. В «Истории Дагестана» статуэтки рассматриваются как образцы художественного литья «сложных очертаний», развившихся к рубежу II–I тысячелетия в Бежтинско-Дидойском очаге металлургии [История Дагестана, 1967. С. 92–93].

Статуэтки становились объектом внимания различных исследователей и позже.

В 1966 г. в Чечено-Ингушетии и Дагестане были опубликованы материалы к археологическим картам, в которых были приведены известные к тому времени сведения об археологических памятниках и находках, обнаруженных на территории Северо-восточного Кавказа. М.И. Исаков, например, в своей монографии «Археологические памятники Дагестана» привел сведения о зооморфных и антропоморфных статуэтках, обнаруженных на территории Дагестана [Исаков М.И., 1966. №№ 1053, 1059, 1060, 1061, 1062, 1066, 1070, 1071, 1072, 1094, 1100, 1102, 1104, 1105, 1107, 1110, 1111, 1112, 1113, 1114, 1116, 1121, 1132]. Сведения о таких же находках привели в своей книге «Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР» В.Б. Виноградов и В.И. Марковин, отмечали находки бронзовой статуэтки овцы (окончания ног свернуты в виде колечек, h=8 см) и сильно стилизованной фигурки оленя (ноги соединены попарно, h=11 см), подвески в ви-

де птицы, фибулы и обломки гривны (ГИМ, № 54746) в ныне покинутом селении Химой в верховьях реки Шаро-Аргун [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С. 70. № 346], статуэтки людей и животных (опубликованных А.П. Ипполитовым как найденных в междуречье Шаро-Аргун и Андийское Койсу, Д.Н. Анучиным – в местечке Шарый), а также ритон V в. до н.э., оканчивающийся головой оленя – в сел. Шарой [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С. 69; № 341], бронзовых литых фигурок людей и животных VI–IV вв. до н.э. (впоследствии утеряны) в окрестностях Шарой, но на вершине горы (найлены в 1928 г. местным жителем А.Д. Шериповым) [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С. 69–70. № 343], статуэтки оленя среди руин Джерахского святилища (выше мы уже отмечали эту находку этнографа Л.П. Семенова от 1925 года) [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С. 26–27; № 12], статуэтки женщины (h=ок. 20 см) с широкими плечами, отлитая из бронзы и двуликая мужская фигурка из железа (h=ок. 32 см) – в окрестностях селения Шатой (ныне Советское) [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С. 70,71; № 348,349]. К этим статуэткам В.И. Марковин возвращался неоднократно. В 1966 г. он дал обзор статуэток из Чечни, высказал предположение об их происхождении с древних святилищ и об их связи с культурами плодородия [Марковин В.И., 1966. С. 128–131. Рис. 4,1–10]. Позже он повторил эту мысль, добавив, однако, что для их интерпретации необходимо привлечь библейский текст, и сам высказал об отношении библии к идолам [Марковин В.И., 1969. С. 10–12,71–72]. Он и меня упрекал за то, что я не привлек для их исследования Библию [Марковин В.И. 1976. С. 345–348]. Надо заметить, что не только Библия, но и Коран одинаково отрицательно относится к идолам, как к символам политеизма. При этом ни Библия, ни Коран ничего не дают для хронологии и семантики статуэток Северо-Восточного Кавказа.

Писал В.И. Марковин и о статуэтках из Дагестана (в 1974, 1988 гг.), выявленных на горной вершине Зиберха у сел. Гергебиль, около Ботлиха, Гагатль, Согратль и т.д. После их характеристики он отметил, что они, как правило, встречаются на культовых местах, расположенных на горных вершинах, связывал их с верованиями древних дагестанцев [Марковин В.И., 1974. С. 58–62; Марковин В.И., 1988. С. 65–71].

Характеристикой, историко-культурной и семантической интерпретацией дагестанских объемных статуэток заниматься пришлось и мне. Для меня было очевидно, что эти фигурки передавали образы языческих божеств и обожествленных Героев древних дагестанцев. Мною же была предложена дата объемных статуэток в рамках IX–IV вв. до н.э. Прежде всего, тогда к древним я относил только объемных статуэток. Плоских и плоско-вогнутых статуэток как средневековых я не рассматривал в работе "Культуры Дагестана скифского времени". В ней дано описание статуэток мужчин и женщин, а также разнообразных животных, приведены им аналогии из сопредельных регионов, особенно из районов древнего Востока, предложена их смысловая интерпретация [Давудов О.М., 1974 а. С. 84–94, 133].

Интересные и весьма плодотворные мысли высказал В.Б. Виноградов о статуэтках, обнаруженных в Чечне – в окрестностях Шатой (Советское), Шарой, Химой, Шали, Самашки и др. Он также отмечает их связь со святилищами, расположенными на горных вершинах, указывает их принадлежность (некоторых жен-

ских) к божествам плодородия. Фигурку воина в шлеме, одетого в полушубок с луком в руках и головой горного козла за спиной он связывает с божеством войны. Хронологию статуэток он определяет в рамках середины I тысячелетия до н.э., считает необудительной попытка автора настоящей работы углубить их дату до IX в. до н.э. [*Виноградов В.Б.*, 1972. С. 280–283. Рис.37;48,3,5;67,1,2]. Из упомянутых им статуэток совершенно новыми были находки в Шали, всадника из сел. Семашки, воина из Ичкерии. Справедливой представляется нам его мысль о находках предметов металлопластики не по всей территории Юго-Восточной Чечни, а в районах естественных границ (Андийский хребет и Аргунское ущелье) с Дагестаном и Грузией [*Виноградов В.Б.*, 1972. С. 283].

В 1973 г. вышла статья Е.Е. Кузьминой о навершии, увенчанной двумя обнаженными всадниками. Это навершие было приобретено ГЭ в 1926 г. (инв. № 13 761) у Саида Магомед-оглы из Кубачи. Автор статьи считает, что всадники передают образы близнецов, культ которых был широко распространен по Анатолии, Ирану и Закавказью в конце II – начале I тысячелетия до н.э. [*Кузьмина Е.Е.*, 1973. С. 178–183].

В 1978 г. сотрудница Музея народов востока З.И. Нечушкина опубликовала статуэтку женщины с ритонном в руке. Она дает ее описание, датировку в рамках середины I тысячелетия до н.э. и семантическую интерпретацию [*Нечушкина З.И.*, 1978. С. 13–23]. По ее мнению, статуэтка передает образ божества воды, дождя, атмосферных явлений и плодородия [*Нечушкина З.И.*, 1978. С. 19].

Ряд работ В.И. Козенкова посвятила изучению антропоморфной и зооморфной пластики, а также глиняных фигурок из Сержень-Юртовского могильника [*Козенкова В.И.*, 1966. С. 74–78; 1972. С. 12–15; 1982; С. 58,69–71. Табл. 25,35,42,43]. Но все они по характеру и стилю изображения принадлежат к кобанской культуре. Для нас представляют интерес суждения автора об их характере, типологии и семантике.

Также к другой хронологической и историко-культурной группе относятся статуэтки людей и животных, обнаруженных нами на Хосрехском святилище. Это святилище расположено в высокогорном Кулинском районе Дагестана. Оно представляло собой квадратное в плане каменное сооружение (8×8 м), ориентированное углами по странам света. Внутри него был выложен круг с «алтарем» из каменного блока (1×0,35 при высоте 0,7 м) в центре. Приалтарная площадка и дорога, соединяющая алтарь с проходом в середине юго-западной стены, были выложены песчаниковыми плитами. Под алтарем и приалтарной вымосткой обнаружены прямоугольные тайники, заполненные землей, насыщенной угольками. В одном из них обнаружены астрагалы крупных и мелких животных и обломок точильного бруска с отверстием на одном конце. К северо-западной стене квадратного сооружения примыкало возвышение, шириной до 1,15 м, где под тонкими песчаниковыми плитами и их обломками в золе найдены кости жертвенных животных, их черепа с распиленными в основании рогами и астрагалами (1172 экз.), а также разнообразные вотивные предметы. Среди этих находок были обнаружены парные фигурки обнаженных людей без выделенных половых признаков, статуэтки оленя и быка. Комплекс датируется VIII–VII вв. до н.э. Среди находок имеются наконечники копий, характерные для предскифского времени. Кроме

того, под слоем циркульной выкладки обнаружены следы другой, более древней выкладки такой же формы. Это позволяет допустить более архаичную дату этого сооружения. По своему характеру и особенностям находок сооружение может быть признано святилищем [Давудов О.М., 1978. С. 115–116; 1980. С. 20, 21; 1980а. С. 277–285; 1983. С. 43–56]. В связи с ним могут быть интерпретированы и сами парные человеческие статуэтки как изображения близнецов.

После 1982 г. вышла из печати серия статей В.И. Марковина, посвященных кавказским антропоморфным статуэткам [Марковин В.И., 1982. С. 358–359; 1984; 1986. С. 74–124]. Наиболее обстоятельной среди них является статья «Культурная пластика Кавказа». В ней он дал краткую историю изучения металлопластики, классификацию фигур, общую характеристику всех статуэток и особенности отдельных категорий, их сравнительный анализ. Для сопоставления он привлек статуэтки древнего Востока. Хронологию кавказских статуэток он определил в рамках времени от II тысячелетия до н.э. до V в. до н.э. [Марковин В.И., 1986. С. 74–124]. При всех достоинствах этой работы и проработке ее деталей, обоснованной датировке основных фигур. Проблема хронологии дагестанских статуэток все еще нуждалась в доказательстве.

Окончательно свои взгляды на природу антропоморфных статуэток Дагестана и их датировку В.И. Марковин сформулировал в очерке "Дагестан и юго-восточная Чечня в скифо-сарматское время", опубликованном в очередном томе "Археологии СССР" [Марковин В.И., 1989. С. 286 – 287].

При этом надо отметить, новые находки статуэток продолжали накапливаться. Правда, они чаще всего попадались в частные руки и отдельные музеи. Соответственно появлялись новые публикации.

В 1984 г. вышла монография Я. Доманского, посвященная художественной бронзе Кавказа. В ней он рассмотрел изделия кобанской культуры, но были включены две антропоморфные статуэтки из дагестанского культового места Арчо [Доманский Я., 1984. Рис. 187, 188].

В этом же году сотрудники ГЭ Я. Доманский и Ю. Пиотровский опубликовали статью о находках у сел. Чадаколюб Тляртинского района ДАССР. Речь идет о кладе, обнаруженном директором местной средней общеобразовательной школы Омаром Мансуровичем Омаровым на окраине своего селения. В керамическом горшке он обнаружил клад из бронзовых высокохудожественных предметов, общим весом 62 кг. Находки он передал в Государственный эрмитаж, где они в настоящее время и хранятся. Я. Доманский и Ю. Пиотровский в своей статье указывали, что в составе коллекции в Эрмитаже находятся 220 предметов хорошей сохранности. Среди них 27 бронзовых блях, 21 головная булавка с навершием в виде скульптурных фигурок животных, одна бронзовая фигурка с навершием в виде скульптурного изображения человека, 70 бронзовых булавок с волютообразным навершием, 14 бронзовых привесок (в виде головы животного, двухголовой фигурки, очковидные и шарообразные), 22 экз. бронзовых браслетов, бронзовые колокольчики, цепочки, более 40 каменных бус, бронзовая чаша, бронзовая ложка, бронзовые иглы, две пуговицы – одна из бронзы, другая из железа, маленькое железное колечко. Бронзовые предметы покрыты зеленой патиной. На некоторых предметах встречаются следы окислов железа, а на других – отпечатки

ткани. Датируют они памятник второй четвертью I тыс. до н.э., вполне справедливо полагая, что памятник представляет собой святилище [Доманский Я., Пиотровский Ю., 1984. С. 36–38].

Свои исследования, начатые в начале 70-х гг., мы продолжили, изданием серии статей, посвященных женским и мужским антропоморфным статуэткам, в том числе статуэткам женщин с ритонами в руках, женщин в разных позах, воинов и фигур из Гигатля. Статьи посвящены также связям с киммерийцами и скифами, анализу ажурных пряжек и т.д. [Давудов О.М., 1987. Ч. I; 1988. С. 35–36; 1991. С. 62–86; 2000. С. 26–63; 2004. С. 3–7; 2008. С. 102–128; Давудов О.М., Маммаев М.М., 2005. С. 166–195; 2011. 150 с.; Davudov O.M., 1996. S. 47–56]. Мы высказали свои соображения о датировке статуэток в одной из своих работ, посвященных анализу статуэток в позе адорации. В ней предложена своя версия о семантике фигур [Давудов О.М., 1991. С. 62–86].

В «Археологической карте», изданной в 1993 г., мы привели все образцы антропоморфных и зооморфных статуэток, обнаруженных на территории Дагестана [Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 23; 24; 25; 26].

Интересная дискуссия развернулась вокруг гигатлинских статуэток в связи с их датировкой. Нашли их на террасе вблизи дороги, ведущей на гигатлинский хутор, расположенный у реки Андийское Койсу. По данным учетной записи музея, всего было найдено жителем селения Гигатль Цумадинского района М. Музаевым пять бронзовых фигур людей и животных и один бронзовый диск [Кажлаев Д., 1988. С. 10,11]. Их опубликовал В.И. Марковин [Марковин В.И., 1986. С. 86–90. Рис.6,2; 10,9; 12,24; 14,3-а,б.]. Две из этих статуэток – воина и женщины в короне – достаточно подробно проанализированы в работах М.В. Горелика [Горелик М.В., 1987. С. 50–53] и автора настоящей работы [Давудов О.М., 1987. С. 55–57; 1988. С. 35–36; 1991; Davudov O.M., 1996. S. 47–56]. В этих работах кинжал на поясе воина единодушно был определен как скифский акинак с сердцевидным или почковидным перекрестьем и прямым навершием. Соответственно, все три автора предложили датировать их раннескифским временем [Марковин В.И., 1986. С. 86–90; Горелик М.В., 1987. С. 50–53; Давудов О.М., 1987. С. 55–57]. Настораживало только то, что навершие у «акинака» было цилиндрическим. Это воспринималось за счет небрежности и несовершенного литья или недостаточно высокого искусства мастера.

В 1996 г. М.С. Гаджиев выступил со своим видением хронологии и интерпретации антропоморфных статуэток из Дагестана и горной Чечни. И кинжал на поясе воина он рассмотрел не как акинак, а как меч с цилиндрическим навершием [Гаджиев М.С., 1996. С.49–50]. В следующем году он опубликовал свою аргументированную статью в журнале «Российская археология» [Гаджиев М.С., 1997. С. 222–228]. В ней он обосновал датировку статуэток ранним средневековьем: «уже сейчас, по нашему мнению, можно считать, что большая часть статуэток названных серий, происходящих с данной территории, относится к раннесредневековому времени» [Гаджиев М.С., 1997. С. 225]. Речь шла о плоских, плосковогнутых и объемных статуэтках. В.И. Марковин отреагировал на эту статью следующими словами: «Мнение М.С. Гаджиева, что подобные статуэтки являются средневековыми (VI–X вв.), слабо аргументировано. Оно не подкреплено спе-

циальным сравнительным художественно-стилистическим анализом с предметами эпохи. Это не исключает возможности использования в средние века вещей более раннего времени» [Марковин В.И., 1999. С. 213]. Действительно, было бы некорректным считать, что он (М.С. Гаджиев) один увидел факт нахождения некоторых антропоморфных и зооморфных статуэток вместе с средневековыми вещами. А.П. Круглов нашел раннесредневековый железный черешковый наконечник стрелы, железные трезубцы вместе с объемными антропоморфными статуэтками. Тем не менее, счел возможным датировать их серединой I тысячелетия до н.э. Трудно поверить, что А.П. Круглов не знал даты указанной стрелы. Здесь он, как и многие другие последующие авторы, учел особенности самого памятника. В культовых местах клад накапливался в течение продолжительного времени из предметов, приносимых в жертву почитателями или из специальных заказов. Поэтому не исключена находка древних вещей на средневековых памятниках. Вместе с тем М.С. Гаджиев привел вполне серьезные аргументы, к которым надо прислушиваться. В 2001 г. он издал статью, где привел более убедительные аргументы своей датировке – кафтан или по терминологии М.С. Гаджиева "халат" гигатлинской статуэтки [Гаджиев М.С., 2000. С.34–37; 2001. С.76–86; Gadjiev M.S., 2006. P. 199–212]. В сочетании с датой кинжала с шимширчестим наверху он дает более убедительную дату. При обосновании даты гигатлинской статуэтки я привлекал аналогии из скифской среды. В скифской культурной среде встречаются все атрибуты, характерные для гигатлинской статуэтки воина. У скифов также встречаются кафтаны с разрезами подола. Но эти разрезы другого характера. Подол кафтана гигатлинского воина аналогичен кафтанам с боковыми вырезами подола и выемками спереди и сзади, характерными для позднеасанидской знати. Этот кафтан и заставляет иначе рассмотреть кинжал на поясе гигатлинского воина и определить дату гигатлинской статуэтки и соответственно всего клада позднеасанидским временем.

В 1999 г. английский исследователь Роберт Ченсинер опубликовал 13 ранее неизвестных плоских и плоско-вогнутых статуэток фертов и орантов, происходящих из Дуль-содорайн-Татсала (Сев. Вост. Кавказ). Изучение этих статуэток, проводит их анализ, привлекает сведения об объемных статуэтках. Но самое ценное – он впервые провел химический анализ металла публикуемых статуэток [Chenciner R., 1999. P. 59–79]. Р. Ченсинер полагает, что даты, предложенные М.С. Гаджиевым, могут показаться убедительными при отсутствии других археологических свидетельств [Chenciner R., 1999. P. 75].

Начиная с 2006 г. стала издавать свои статьи, посвященные кавказской мелкой пластике, ученица В.И. Марковина, выпускница Ставропольского университета О.А. Брилева, работающая в Государственном музее искусств народов востока (Москва). Первые же публикации позволяют судить, что мы имеем дело с внимательным и перспективным исследователем. Она обратила внимание на две вышеупомянутые статуэтки из окрестностей чеченского селения Шатой (Советская), хранящихся в ГИМе: одна из них, женская отлита из бронзы, имеет медвежьи ушки и ногу, заканчивающую копытом, вывернутым задом наперед, другая, биметаллическая (из железа и бронзы), фигура принадлежит двуликому мужчине в шлеме. Она полагает, что эти статуэтки отражают образы оборотней [Брилева О.А., 2006. С. 29–31; 2005. С. 65–66]. Позже она подробнее описала их, воспроизвела

технику их изготовления и предположила, что женская статуэтка передает образ хозяйки зверей, мужская – хозяина зверей [Брилева О.А., 2006. С. 162–167]. Она же провела периодизацию многочисленных статуэток со всей территории Кавказа и их половое распределение, отметила их датировку [Брилева О.А., 2007. С. 363–366]. Большую работу она проделала по классификации антропоморфной пластики, датированных в рамках XV–III вв. до н.э. При этом она учла 720 статуэток [Брилева О.А., 2006. С. 29–31; 2007. С. 155–169], провела обстоятельный стилистический анализ плоской односторонней антропоморфной пластики Дагестана [Брилева О.А., 2007 а. С. 106– 11].

В 2008 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа» [Брилева О.А., 2008. 22 с.]. Основные положения своей проделанной работы она отразила в этой работе. Решала она и проблему культурной интерпретации антропоморфной пластики Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железного века. При этом вывела индекс связи между кавказскими археологическими культурами по количеству общих типов пластики [Брилева О.А., 2008 а. С. 67–70], провела сравнительный анализ антропоморфных статуэток Центрального, Западного и Восточного вариантов кобанской культуры [Брилева О.А., 2009. С. 172–183], обосновала положение о распространении всаднического культа на территории Кавказа [Брилева О.А., 2009. С. 28–30]. В 2012 г. она опубликовала свою доработанную диссертацию, где обобщила взгляды на проблему антропоморфной пластики Кавказа [Брилева О.А., 2012. 424 с.]. Работа эта получила положительный отклик научного сообщества [Скаков А.Ю., 2014. С. 45–48; Панцхава Л.Н., 2014. С. 250–252; Магомедов Р.Г., 2013. С. 49 – 53]. Это фундаментальная монография, посвященная антропоморфной пластике Кавказа. В ней приведена история открытия и изучения статуэток на территории Кавказа, подробно описаны и проанализированы образцы антропоморфной пластики, разработана типология и классификация, предложены датировки в пределах XV в. до н.э.– X в. н.э. Приведены сведения об одежде и украшениях изображений, об орнаменте на фигурах. Особую ценность представляет каталог статуэток, в котором дано описание фигурок, история их открытия и изучения, предлагаемые даты, литература. В целом автором проделана огромная работа. Как в большой работе при детальном рассмотрении будут обнаружены ошибки и недочеты. К ней возникнут замечания, претензии, но надо отметить, что работа О.А. Брилевой представляет значительный шаг вперед по изучению антропоморфной пластики Кавказа.

Существенную роль работа О.А. Брилевой в будущем сыграет в выборе оптимальных решений в спорных вопросах о хронологии и семантике статуэток.

В последнее время к датировке антропоморфных статуэток Дагестана вернулся автор настоящей работы. Немаловажную роль в этом сыграли исследования М.С. Гаджиева и Роберта Ченсинера, о которых выше уже говорилось. Мы в своих статьях изложили историю формирования и развития представлений о хронологии статуэток, предложили их новую, более дробную классификацию и даты в пределах раннего средневековья, уточнив, что объемные статуэтки из Гигатлинского культового места, Арчо и других мест более древние, чем плоские и плоско-вогнутые. При этом не исключали, что объемные статуэтки могут относиться к

более древнему времени, чем средневековье. Многие зооморфные (козлы) и антропоморфные (воины) статуэтки передают сюжеты из мифов горцев восточной Грузии и Западного Дагестана, образ воина с копьями – Иахсари, лучника – Копала, связанного с культом плодородия [Давудов О.М., 2012. С. 308–310; 2012а. С. 104–132; 2012б. С. 38–42].

Надо заметить, что по хронологии и семантике к статуэткам близок клад из святилища Чада-колоб и многочисленные ажурные бежтинские пряжки. Мы посетили сел. Чадаколо и осмотрели место, где было обнаружено святилище и клад с художественным металлом. О.М. Омаров, обнаруживший клад, показал нам часть находок, не переданной им в Эрмитаж и позволил зарисовать и сфотографировать часть сохранившихся у него находок. Среди них была фибула, хорошо датирующаяся VII–IX вв. С этим святилищем связаны находки статуэтки воина в гребенчатом шлеме с хорошо выраженными женскими и мужскими половыми признаками и скульптурная композиция восседающего на троне божества и впереди стоящего мужчины. Эти статуэтки также относятся к VII–IX вв. [Давудов О.М., 2013. С. 84–97; 2013 а. С. 795–800].

При анализе антропоморфной пластики кобанской культуры Г.И. Вольная также затронула антропоморфные статуэтки Дагестана (Арчо) и отнесла их к IX–VIII вв. до н.э. [Вольная Г.И., 2000. С. 6–9. Рис. 2,1]. Затронул вопрос о статуэтках Северо-восточного Кавказа и А.П. Мошинский в ряде своих трудов [Мошинский А.П., 2010; 2006. 208 с.; 1996. С. 111–113; 1995. С. 27 - 39]. В них он определил их даты в пределах хронологии кобанской культуры.

Отдельно следует сказать об искусствоведческой характеристике антропоморфной пластики Дагестана. В альбоме, составленном Д. Чирковым, опубликована одна фигурка человека с поднятыми вверх руками и другая – женщины с ритонном в правой руке. В связи с ними автор отмечает, что владение сложными техническими приемами и высокий художественный уровень бронзовых фигурок, поясных пряжек с зооморфным орнаментом и украшений свидетельствует о тенденции к выделению ремесла в самостоятельную отрасль хозяйства [Декоративное искусство Дагестана, 1971. С. 80–83. Рис.1;2]. Позже в другом альбоме, составленном Д.М. Магомедовым и др., опубликованы фигурки людей с руками, поднятыми вверх к голове и с руками на поясе, женщина с ритонном в руке и статуэтку коня из горного перевала Речол у с. Гагатль, а также женщин с руками «в позе объятия» из Согратлинского культового места, с сосудом в руках из сел. Тинди Цумадинского района. Д.М. Магомедов связывает с ними культ плодородия. В этой же работе Р.Ш. Микаилова восхваляет их художественные достоинства и связывает их с языческими представлениями горцев [Искусство Дагестана, 1981. С. 18, 32. Рис.9; 64; 65; 66; 67]. Из среды упомянутых работ резко выделяются работы М.М. Маммаева. Прекрасную искусствоведческую характеристику и анализ антропоморфной металлопластики дает он в работе «Декоративно-прикладное искусство Дагестана» [Маммаев М.М., 1980. С. 23–27]. Однако это не снимает задачу их дальнейшего археологического изучения. Тем более, что искусствоведческие работы решают одни проблемы, археологические – другие. Но они существенно дополняют друг друга.



ГЛАВА II

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КУЛЬТОВОЙ ПЛАСТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Вопрос о культовых местах горных районов Северо-Восточного Кавказа, как правило, связанных с находками антропоморфной и зооморфной пластики, в археологической литературе поднимался неоднократно [*Круглов А. П.*, 1946. С. 31–40; *Мегрелидзе И. В.*, 1951. XV. С. 281 – 291; *Давудов О. М.*, 1980. С. 277–285; 1983. С. 43–56; 1974; 1991. С. 62 – 86; *Марковин В. И.*, 1986. С. 74–124]. Тем не менее, места эти продолжают привлекать к себе внимание исследователей. Специальную статью посвятил святилищам на горных высотах этнограф М.А. Агларов. Он упоминает культовые места, расположенные на вершинах Шалбуздаг, Тлимеэр, Адалашухгельмеэр, Цоболгох (Гумбетовский район), Ханибатль (Цумадинский район), Хилариквана на горе Бахарган (граница андийских и гумбетовских земель [*Агларов М.А.*, 1984. С. 36–42]). С культовым местом Хилариккуна у андийцев связана интересная легенда: На вершине горы Бахарган, на месте, где ныне расположено скопление камней, которого считают святилищем, ранее располагалось селение Хилариккуна (ГьиларикIкIуна – анд. Верхнее Риквани). Счастливы жили здесь сельчане. Вместо снега здесь выпадала мука, тучные отара овец паслись на ее альпийских лугах. Не ведали жители селения тяготы труда, в праздности и распутстве проводили они свою жизнь. Но вот однажды в селение наведалься нищий. Никто не дал ему подаяния, закидали его камнями и затравили собаками. И лишь одна бедная одинокая женщина укрыла его в своем убогом жилище, на окраине села. Она разожгла огонь в очаге, чтобы обогреть и прокормить гостя, но в котел опустила бульжник, потому что ничего не нашлось съестного. Бульжник превратился в мясо, и хозяйка с гостем славно поужинали. Нищий оказался ангелом Джабраилом (библейский архангел Гавриил). Он дал женщине перстень и велел скатить его с горы, и там, где он остановится обосновать новое селение. Женщина так и поступила. Она построила дом там, где остановился перстень, и тем самым заложила основу современного селения Риквани (РикIкIуана). А жителей Хиларккуни постигла суровая кара: начался потоп, с неба низвергались каменные и ледяные глыбы, ураганный

ветер уничтожал на земле все живое. Село окаменело. Часть жителей ветром выбросило на склон дальней противоположной горы Биччинльи и там из их праха выросла березовая роща. Ее никто не трогает, но она не увеличивается, хотя бы на одно дерево. Окрестные ущелья и фореальное озеро постигла та же участь, что и Хилариккуни [Агларов М.А., 1984. С. 38].

С Тлимеэр связаны легенды о Будуал-ал. Цоболгох считается горой верховного Бога аварцев Цоб ("Ц1об" от ав. Зоб – небо) и т.д. Недавно по некоторым из культовых мест прошли молодые археологи О.А. Брилева, Ш.О. Давудов и А.А. Чижова и визуально обследовали их [Брилева О.А., Давудов Ш.О. и Чижова А.А., 2014. С. 128 – 132]. Они собрали дополнительные сведения о святилищах. Такой интерес к культовым местам отчасти объясняется их связью с выявленными на них статуэтками, их интерпретацией и языческими религиозными представлениями о горах. Как известно, у многих народов мира гора олицетворяет идею духовного возвышения. Горные вершины – это место пребывания богов и святых. По космогоническим представлениям кавказских народов земля окружена морем или горами, на краю света стоит древо жизни, соединяющее по вертикали небо, землю и подземный мир [Очиаури Г. А. и Сургуладзе И. К., 1997. С. 603]. Иными словами, гора на Кавказе, в том числе в Дагестане связывается с мировой осью, древом жизни. Горы – это наиболее предпочтительные места для отправления религиозных культов; там часто располагаются алтари, святилища, храмы, религиозные символы. Не все тайны горных святилищ разгаданы исследователями, не выявлены их генезис и этапы развития. Изучение культовых мест позволит понять природу культа гор, идолов, связанных с языческими божествами и представлений, связанных с их природой, представлениями о мироздании. Есть мнение о том, что первоначально в качестве святилищ рассматривались священные пещеры и рощи, расположенные на возвышенных местах, поляны и перевалы, а также вершины гор, где по «представлению горцев, обитали самые почитаемые языческие божества [Мужухоев М.Б., 1981. С. 62]. Возможно, среди них были святилища и со строениями. Тем более, что в Дагестане со скифского времени известно святилище, оформленное на высоком архитектурном уровне (Хосрехское святилище). Здесь, на территории Северо-Восточного Кавказа на культовых местах встречаются антропоморфные и зооморфные статуэтки, передающие образы святых и богов [Виноградов В.Б., 1977. С. 60]. А появление божества в человеческом облике неизбежно повлекло за собой и возведение специальной постройки-жилища для него, т. е. святилища, в котором хозяйничали жрецы [Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Руснаев Г.И., 1981. С. 34–35].

Почти все культовые места Северо-Восточного Кавказа расположены на господствующих высотах, на террасах и полянах или горных перевалах, откуда открывается широкая панорама окружающей местности. Эти места, видимо, считались обиталищами богов. На такие культовые места, расположенные на «высоких местах», до этнографической современности в Дагестане совершали восхождение местные жители при затянувшейся засухе и молились, приносили жертвы, просили у Бога дождя. В этих обрядах отчетливо прослеживается языческая подоснова. Но вопрос, с каким божеством связаны культовые места на горных вершинах решается в каждом конкретном случае отдельно.

Для понимания природы дагестанских культовых мест большой интерес представляют грузинские святилища «Хати», расположенные в высокогорной части

страны. Для них характерны специальные ниши, возведенные сухой кладкой. Вокруг них укладывались жертвенные предметы [Пицхелаури К.Н., 1979. С. 52; Цитланадзе Л. Г., 1976. С. 112]. Со временем накапливался клад Хати, за которым следили его служители хевисбери и деканоzi. Здесь встречаются и сооружения для обслуживающего персонала, паломников, для хранения продуктов питания. С ними исследователи сопоставляют святилища второй половины II – первой половины I тысячелетия до н. э., встреченные на территории Кахетии. В каждом из них обнаружено до нескольких тысяч разнообразных предметов материальной культуры, в том числе антропоморфные бронзовые статуэтки. На святилище Мелигели, например, найдено 86 000 предметов и их обломков, на святилище Шильда – 3 457, на святилище Мелани – 3 273 [Пицхелаури К. Н., 1979. С. 51– 58; Майсурадзе В.Г., Паницхава Л.В., 1984. С. 4–114. Табл. I–XXXV].

Другой пример – в самых различных местах Армянского нагорья, как правило, у горных перевалов, встречаются сохранившиеся до нашего времени т.н. «перевальные святыни», где совершают жертвоприношения: режут баранов, коз, петухов, проводят народные пиршества сэксальтированными ритуальными хороводами [Лисициан Ст., 1936. № 4–5. С. 210–212].

В горах Северо-Восточного Кавказа найдены различные культовые места. Некоторые из них раскопаны (частично), а некоторые просто выявлены, а отдельные отмечены по находкам антропоморфных и зооморфных статуэток. Природу этих горных святилищ предстоит выяснить. В отдельных случаях обнаружены погребальные сооружения, содержащие статуэтки вместе с хорошо датированными предметами. Отдельные находки статуэток указывают на возможности нахождения культовых мест в непосредственной близости от места их обнаружения.

Цель настоящего раздела – дать характеристику каждого местонахождения статуэток и тем самым создать основу для обоснованной хронологии и периодизации антропоморфной пластики. В конечном счете это направлено на раскрытие природы святилищ и выяснения семантики скульптурных изображений.

В результате археологических исследований на территории Северо-Восточного Кавказа выявлен целый ряд культовых мест, с которыми связаны находки антропоморфных и зооморфных статуэток (см. карту). В двух погребальных комплексах обнаружены статуэтки в сопровождении хорошо датированных предметов. Случайные находки предметов мелкой пластики указывают на существовании в непосредственной близости святилищ, с которыми они связаны.



instituteofhistory.ru



Карта находок антропоморфной пластики на территории Северо-Восточного Кавказа

Антропоморфные статуэтки встречены на следующих памятниках:

Чечня

1. Шароевское культовое место. В 1868 году А.П. Ипполитовым были опубликованы бронзовые статуэтки людей и животных, а также ритон с рукояткой, оканчивающийся навершием в виде головы оленя. В его публикации указывается, что они были найдены в междуречье Шаро-Аргуна и Андийское Койсу [Ипполитов А.П., 1868. С. 51, 52]. Д. Н. Анучин пишет, что они были обнаружены у местечка Шарый (сел. Шарой) [Анучин Д.Н., 1884. С. 380]. В 1928 г. в окрестностях селения Шарой, на вершине горы местным жителем А.Д. Шериповым были найдены бронзовые литые фигурки людей и животных. Впоследствии они были утеряны. Близ селения Шарой, в башне, не доезжая 42 км до аула Кенхи, лесник Д. Баматгиреев в 1963 году нашел бронзовую итифаллическую статуэтку стоящего мужчины. Хранилась она в ныне разгромленном во время войны Чеченском краеведческом музее [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С. 69. № 344]. В.Б. Виноградов и В.И. Марковин полагают, что на вершине горы в древности находилось языческое капище, атрибутами которого и являлись найденные статуэтки [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С. 69].

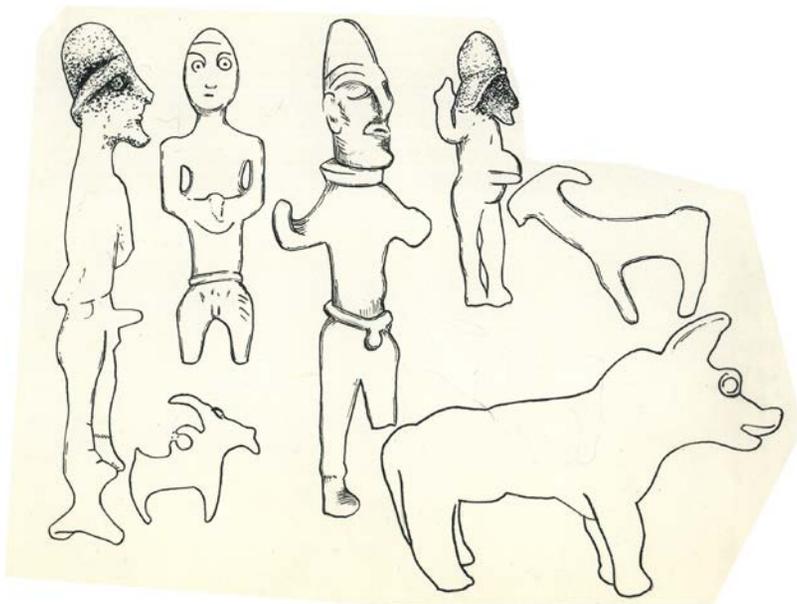


Табл. 1. Бронзовые статуэтки людей и животных, обнаруженные в междуречье Шаро-Аргуна и Андийского Койсу

2. Химойское культовое место. Из ныне покинутого селения Химой Чеченской республики в верховьях реки Шаро-Аргун происходят бронзовые фигурки овцы (окончания ног у нее свернуты в виде колечек. Высота 8 см), оленя (ноги соединены попарно, высота 11 см). Здесь же были найдены подвески в виде птицы, фибулы и обломки гривны (Государственный исторический музей, № 54746) [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С. 70. № 346]. Отсюда же происходит статуэтка воина в гребенчатом шлеме с круглым щитом, закинутым за спину и мечом на поясе [Zakharov A. A., 1933. Fig. 61- 62; Марковин В. И., 1986. Рис. 12-25; Давудов О.М., 1991. Рис. 2, 2; Гаджиев М.С., 1997. Рис. 3, 12]. Особый интерес представляет статуэтка всадника на баране из собрания Г.Д. Филимонова в ГИМ (инв. № Б 406/122) [Мошинский А.П., 2005. С. 75; Брилева О.А., 2012. Кат. 476]. Всадник в образе обнаженного воина в гребеньчатом шлеме с рогом в правой руке и фигура круторогого барана отлиты раздельно и соединены вместе путем проковки (высота фигурки мужчины – 9,7 см; высота фигурки барана – 4,1 см; длина фигурки барана – 5,2 см) [Бронзовый век. Кат. 109].

По сей вероятности в окрестностях селения было языческое культовое место.



Табл. 2. Бронзовая статуэтка всадника на баране из Химойского культового места

3. Шатоевское культовое место. Из окрестностей селения Советское (Шатой) Чеченской республики происходит бронзовая статуэтка женщины с подчеркнутыми половыми признаками, медвежьими ушами и копытами вместо стоп ног. У нее широкие плечи, расставленные, согнутые в локтях руки. Высота около 20 см. По О.А. Брылевой она найдена в 1911 году местным жителем М. Гаирбековым в пещере во время охоты и поступил в ГИМ в 1913 г. [Брылева О.А., 2012. С. 337. № 415]. По П.А. Головинскому, в Шатое находили по несколько десятков медных статуэток, «уложенных тщательно не в могиле, а особо в земле» [Головинский П.Д., 1878. С. 251]. Это, по его словам, фигурки баранов, козлов, оленей, голых людей в шапочках. В собрание П. Уваровой входят бронзовые литые статуэтки людей (Хранятся в Государственном историческом музее за № 57766). По сведениям О.А. Брылевой в 1911 году в той же пещере М. Гаирбековым была найдена и другая статуэтка – плоская откованная из железа фигурка двуликого воина с головкой из бронзы в колпаке (шлеме), напоминающем пилотку. Правая рука прижата к груди, левая отломана. Высота – около 32 см. [Головинский П.Д., 1878. Вып. 1. С. 251; Zakharov A. A., 1933. Fig. 129; Марковин В. И., 1986. Рис. 11, 2; Брылева О.А., 2006. С. 162 – 167; 2012, С. 337. 414. Мошинский А.П., 2010. Кат. 207]. Древние святилища археологами не исследовались [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С. 70. № 348]. Здесь очерчивается два очага находок: в непосредственной близости от селения и в пещере, несколько удаленной от селения. Скорее всего, здесь надо видеть два культовых места.

4. Хатунинские находки. В 1887 году около сел. Хатуни Чеченской республики были обнаружены «фигурки с бараньей головой» [Семенов М.С., 1887; Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С. 97. № 518].

Дагестан

5. Речолское культовое место. Недалеко от сел. Гагатль Ботлихского района Республики Дагестан, на горном перевале Речол Андийского хребта находится культовое место, где была найдена бронзовая фигурка лошади вместе с рогами оленя, двумя стеклянными сосудами и бронзовым кольцом [Артамонов М.И., 1937 – 1938. С. 15; Круглов А. П., 1946. С. 38 – 39; Исаков М. И., 1966. С. 85, № 1053]. Из сел. Анди, расположенного вблизи от перевала Речол, происходит бронзовая статуэтка обнаженной женщины с ребенком в руках (Фонды ИЭМ Даггосуниверситета, инв. № 905); [Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. № 547]. Возможно, все эти находки происходят из одного культового комплекса.

6. Ансалтинский могильник. В 1 км к северу от сел. Ансалта Ботлихского района Республики Дагестан, на склоне горы Нигазуб, на высоте 250 м над левым берегом реки находится могильник. В погребениях этого могильника были найдены антропоморфные бронзовые фигурки с поднятыми вверх руками. Могильник датируется средними веками [Комаров А.В., 1884. С. 39; Архив ДГОИАМ, д. 48; Пикуль М.И., 1952. С. 11-14; Дагестанский сборник, 1902, № 57; Иессен А. А., 1935. С. 34; Яковлев Н.Ф., 1924. С. 251; Исаков М. И., 1966. С. 86, № 1062]. Еще одна бронзовая женская фигурка с поднятыми вверх руками была обнаружена в погребении у самого селения [Яковлев Н.Ф., 1924. С. 252; Исаков М. И., 1966. С. 87, № 557; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. № 556].

7. Белединское культовое место. В 5 км к юго-западу от сел. Шодрода Ботлихского района, на хут. Беледи, на вершине высокого холма, над обрывистым берегом речки Беледисезултлар местным жителем Баширом Шахбановым в 1946 г. при рытье котлована на глубине 0,5 м. была найдена бронзовая мужская статуэтка (высота 4,5 см) с поднятыми кверху руками. Считается, что здесь было культовое место [Исаков М. И., 1966. С. 86, № 1059]. Из этого же хутора Беледи происходят (они были приобретены в 1937 г. Северокавказской экспедицией у жителей хут. Беледи) и другие бронзовые предметы (Табл 3): ложечка с ручкой, украшенной двумя валиками (длина – 6,5 см), антропоморфная мужская фигурка с поднятой вверх одной и опущенной вдоль туловища другой руками и шлемом на голове, увенчанным ромбовидным окончанием, фигурка козла с острыми, отогнутыми назад рогами (хранятся в ДГОИАМ – Архив музея, д. 2470); [Исаков М. И., 1966. С. 86, № 1061; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. № 565].



Табл. 3. Находки из Белединского культового места

8. **Находки около сел. Ботлих.** Штабс-капитан Кузьминский произвел раскопки около сел. Ботлих и собрал около 50 статуэток оленей, козлов, мужчин и женщин в различных позах [Укрепление Хунзах; *Марковин В.И.*, 1986. С. 77].

9. **Арчоевское культовое место Берак.** В 3 км к югу от сел. Арчо, на вершине горного отрога расположено культовое место Берак, где были найдены бронзовые статуэтки воинов и козла, а также железный трехгранный черешковый наконечник стрелы, трезубцы, раскованные из железных полос [*Артамонов М.И.*, 1937 – 1938. С. 9; *Круглов А. П.*, 1946. С. 31-40; *Исаков М.И.*, 1966. С. 87, № 1070; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 644].

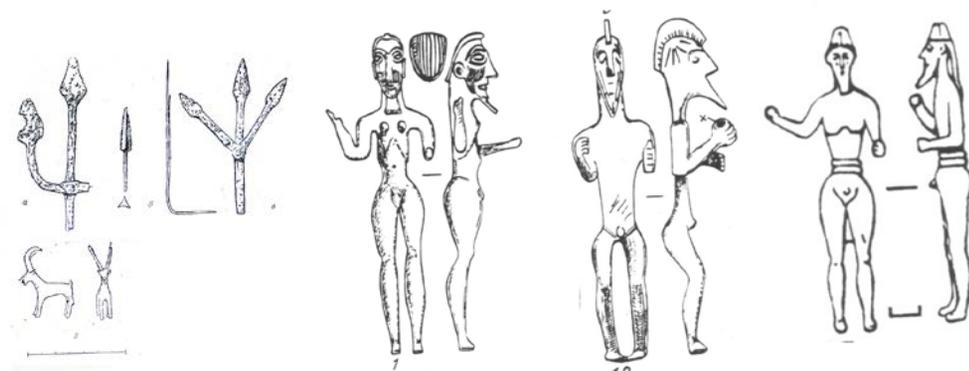


Табл. 4. Находки из культового места Берак у сел. Арчо Ахвахского района

10. Каратинский могильник. У сел. Карата в начале XX-го века был найден могильник с грунтовыми погребениями, из которого происходят предметы эпохи раннего железа и раннего средневековья – VI-IX вв. [ОАК, 1909; Архив ИА АН СССР, фонд ИАК, 1906, д. 115; Архив ДГОИАМ, д. 29, л. 38; д. 48; д. 247; *Иессен А. А.*, 1935; *Пикуль М.И.*, 1956; *Исаков М. И.*, 1966. С. 87, № 1071]. Об этом могильнике упоминает Н.Ф. Яковлев [научный архив ДГИАМ. Д. 247]. В начале XX в. местным жителем Шейхом Сулейман оглы в одной разрушенной могиле нашел 19 хрустальных бус и 4 обломка бронзовых браслетов. Они поступили в музей Грузии [ОАК за 1906 г. СПб. 1909. С. 130; Архив ИА РАНР, фонд ИАК, 1906, д. 115]. Некоторые артефакты из этого могильника, в том числе и бронзовые человеческие фигурки поступили в Русский музей в Ленинграде (колл. 2034, 2381, за 1906 г. д. 115. 1025-1929 гг 2384) [*Иессен А. А.*, 1935. С. 34, № 16].

В 1921 г. художник А. Джамал на этом могильнике расчистил одно разрушенное погребение, где нашел 4 статуэтки женщины и одну статуэтку мужчины (высота одной 4,5 и четырех по-6,5 см), миниатюрную бронзовую ложечку (хранятся в Дагестанском краеведческом музее, инв. №№ 3476 – 3480) [*Исаков М. И.*, 1966. С. 87, № 1071]. В 1923 г. несколько погребений на могильнике раскопал А.С. Башкиров. Были найдены: бронзовые витой браслет, арбалетовидная фибула, 4 бляшки, плоский кружочек с отверстиями, грушевидная привеска, пряжка с выпуклым орнаментом, бусы из стекла, камня и пасты (хранятся в ДГИАМ, научный архив. Д. 48 за 1924-1930 гг.).

В 1956 г. начальник 2-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции М.И. Пикуль получила у местных жителей вещи, найденные в разрушенном погребальном комплексе этого могильника: бронзовые дуговидная фибула, обломок граненного браслета и конусообразное навершие посоха скифского времени [*Пикуль М.И.*, 1956. С. 85].

Из окрестностей сел. Карата происходят массивная бронзовая цепь с бляшкой с изображением головы медведя, держащего в зубах голову быка; сильно стилизованное изображение барана; две человеческие статуэтки, круглая пластинка с изображением креста и другие поделки [Материалы к археологической карте Дагестана; *Исаков М. И.*, 1966. С. 88, № 1072; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 645].

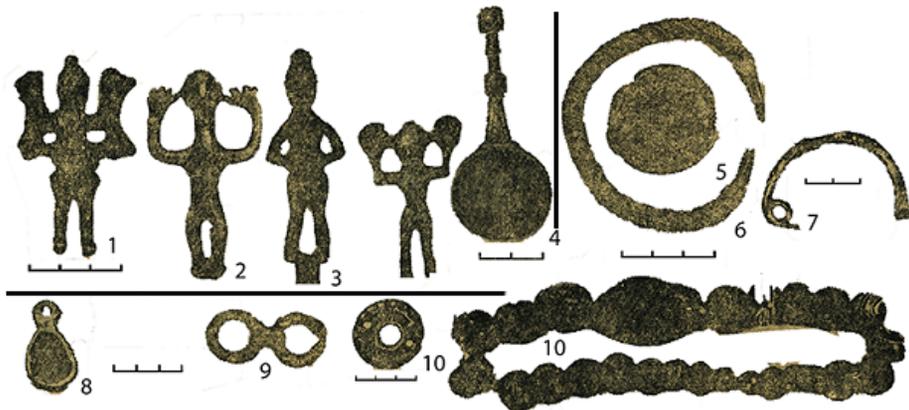
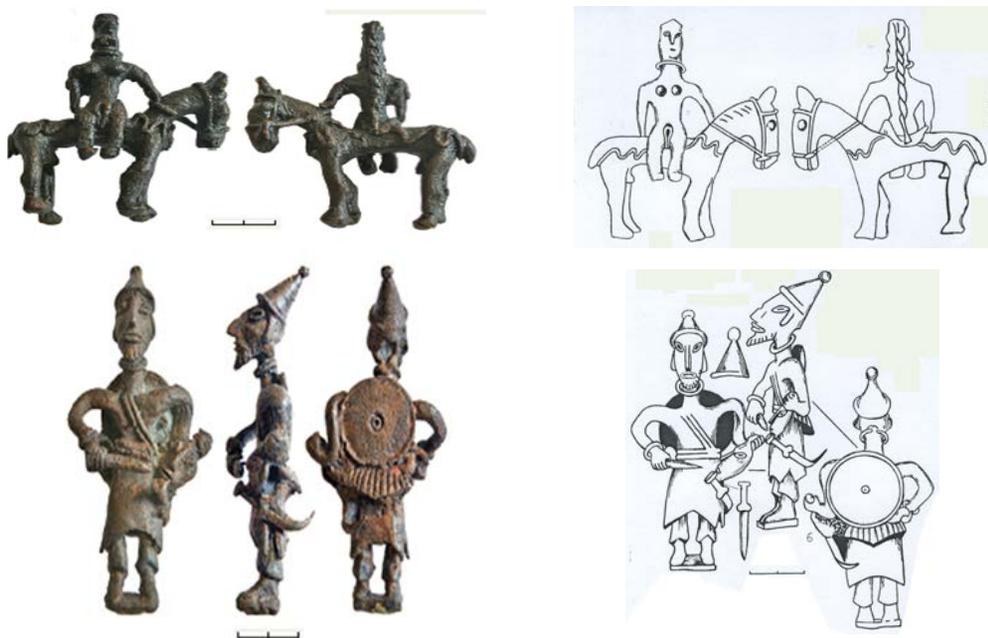


Табл. 5. Находки из Каратинского могильника (Ахвахский район).

11. Гигатлинское культовое место. На небольшой террасе, справа от старой дороги, ведущей из сел. Гигатль Цумадинского района на хутор Гигатль-Урух в 1971 г. жителем сел. Гигатль М. Мусаевым при земляных работах были найдены votивные бронзовые предметы (Табл. 6). Одна из них представляет собой фигуру вооруженного воина в шлеме-шишаке с щитом, перекинутым за спину и отрубленной головой врага в руке, три – фигуры обнаженных женщин (одна в зубчатой короне с длинной косой и кубком в протянутой руке, другая – всадница и третья с распростертыми руками и распущенными волосами), а также орнаментированная бляха (Фонды ДГОИАМ, инв. № 18312-18316. 89, № 1086) [Кажлаев Д., 1988. С. 10; Марковин В.И., 1986. С. 99. Рис. 41, 1,2; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. № 909].

В 1970 г. ученик Гигатлинской средней общеобразовательной школы Г. Шарипгаджиев передал в ДГИАМ небольшую бронзовую статуэтку человека с козлиными рогами на голове. Он ее нашел на территории заброшенного, разрушенного селения Ичихан, расположенного вблизи современного селения Гигатль [Кажлаев Д., 1988. С. 10].



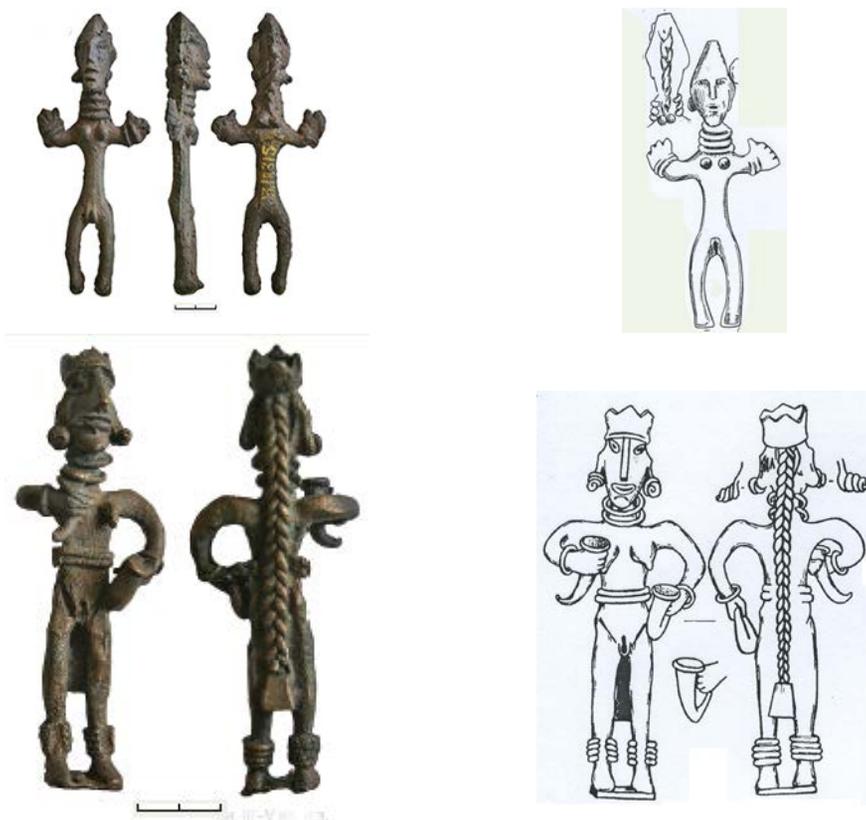


Табл. 6 (продолжение). Находки из окрестностей
сел. Гигатль Цумадинского района Дагестана



Табл. 6 (продолжение). Находки из окрестностей
сел. Гигатль Цумадинского района Дагестана



12. Сильдинские находки терракотовых статуэток. Недалеко от сел. Сильди Цумадинского района местные жители находили терракотовые головки человеческих фигур [*Котович В.Г., Атаев Д.М.; Исаков М. И.*, 1966. С. 90, № 1099; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 922].

13. Эчединские находки. В 3 км к северу от сел. Эчеда Цумадинского района в местности Маарда, возле фермы на крутом террасированном склоне горы находится поселение, где местные жители находили бронзовые браслеты и головную булавку, увенчанную фигуркой горного козла [*Атаев Д.М., Котович В.М.*, 1957. С. 105, 106; *Исаков М. И.*, 1966. С. 89, № 1096; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 923]. Кроме того в окрестностях сел. Эчеда была найдена медная бляха с изображениями оленей и козлов [*Иессен А. А.*, 1935. С. 34, 35; *Исаков М. И.*, 1966. С. 90, № 1097; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 924.]. Можно предположить, что в окрестностях сел. Эчеда располагалось культовое место.

14. Тиссинская находка. В начале XX в. житель сел. Тисси Цумадинского района нашел в окрестностях своего селения бронзовую мужскую статуэтку, бронзовый четырехгранный браслет и 2 обломка массивных округлых в сечении браслетов. Все эти предметы приобрел в 1903 г. А.М. Завадский и ныне хранятся в Государственном историческом музее в Москве [*Zakharov A. A.*, 1933. P. 102; Fig. 122-123; *Иессен А. А.*, 1935. С. 35; *Исаков М. И.*, 1966. С. 89, № 1090; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 926.].

15. Тиндинская находка. Вблизи сел. Тинди Цумадинского района в могиле была найдена бронзовая фигурка обнаженной женщины в головном уборе и с сосудом в руках. Статуэтку приобрел в 1903 г. А.М. Завадский и ныне хранится в Государственном историческом музее в Москве [*Zakharov A. A.*, 1933. P. 93 – 96; Fig. 100-102; *Иессен А. А.*, 1935. С. 35. № 18; *Давудов О.М.*, 1974, С. 84, 85; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 933; *Марковин В. И.*, 1986. С. 74-124; *Брилева О.А.*, 2012. Кат. 493].

16. Инхокваринское культовое место расположено на горе Соссуго, неподалеку от одноименного селения Цумадинского района. Здесь отмечены остатки какого-то каменного строения, большое количество золы и угольков. На этом месте были найдены 75 бронзовых статуэток. Они хранятся в Госэрмитаже в собрании А.Л. Млокосевич. Руки у одних статуэток расположены на животе, у других – подняты к голове. Одна из них особенно выразительна и реалистична [ОАК за 1913–1915 гг. Пг., 1918. С. 210–211; *Zakharov A. A.*, 1933. С. 102. Рис. 122 – 123; *Иессен А. А.*, 1935. С. 35. № 20; *Исаков М. И.*, 1966. С. 90, № 1100; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 934; *Брилева О.А.*, 2012. Кат. 417].

17. Кахибская находка. В 1,5 км к северу от сел. Кахиб Шамильского района, в огороде найдена бронзовая женская статуэтка с поднятой вверх правой рукой (левая отломлена) [*Исаков М. И.*, 1966. С. 81, № 1007; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 950].

18. Мачадинская находка. В 1954 г. на нижней окраине сел. Мачада Шамильского района житель этого же селения М. Абдуллаев при строительных работах нашел глиняный кувшин, в котором находились бронзовая фигурка человека в шлеме и бронзовый цилиндрический колокольчик, а также литое бронзовое

навершие в виде козла. Позже выходец из этого же селения, старший научный сотрудник Института ИАЭ ДНЦ РАН, кандидат исторических наук Дибиров М.А., у которого ныне хранятся эти предметы, показал мне их и позволил зарисовать¹.

За северным краем этого же селения расположена пашня. По преданиям на этом месте располагался христианский храм, сожженный местными жителями после принятия ислама [Исаков М. И., 1966. С. 83, № 1030; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. № 977].

19. Ратлубская находка. В окрестностях сел. Ратлуб Шамильского района в 80-х гг XIX в. была найдена бронзовая статуэтка сидящей на четырехугольном стуле обнаженной женщины с младенцем в руках [Анучин Д.Н., 1884. С. 443; Иессен А.А., 1935. С. 36. № 41; Исаков М. И., 1966. С. 83, № 1035; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. № 978].

Кородинская находка. В 1978 г. сотрудница музея искусств народов Востока З.И. Нечушкина опубликовала статуэтку женщины с ритонном в руке. По утверждению автора она была найдена в окрестностях сел. Корода Гунибского района Дагестана учениками местной школы и передана сотрудникам их Музея и ныне хранится в этом же музее (инв. № 5618/III) [Нечушкина З.И., 1978. С. 13 – 23]. Но в различных публикациях место нахождения этой статуэтки определяют по-разному (см. ниже).

20. Согратлинское 1-е культовое место. В 6-7 км к юго-западу от сел. Согратль Гунибского района, на вершине горы Хурил -Раал (у А.П. Круглова Хурцы-Гаал) находится культовое место, откуда происходит бронзовая литая женская статуэтка в головном уборе и руками в позе «объятия» [Артамонов М.И., 1937 – 1938. С. 14; Круглов А. П., 1946. С. 35. Рис. 14; Исаков М. И., 1966. С. 74, № 933; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. № 1076].

21. Согратлинское 2-е культовое место. В 8-9 км к юго-западу от сел. Согратль, близ сел. Накказух, на вершине горы Росдал-Меэр, находится культовое место, где были найдены бронзовые литые статуэтки в виде фигурок человека и теленка [Круглов А. П., 1946. С. 31-40; Исаков М. И., 1966. С. 74, № 934; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. № 1077].

22. Зуберхинское культовое место. Севернее сел. Гергебиль Гергебильского района находится гора Зуберха. Здесь на вершине при установке триангуляционного знака была обнаружена масса костей животных и бронзовые предметы. В 1882 г. Д.Н. Анучин обследовал это древнее культовое место и на площади 60 x 10 шагов обнаружил кости домашних животных (быка, козы, лошади), бронзовые привески в виде головок оленей и быков, бронзовые колечки и браслеты, железные пуговицы и т.д. Вершина имела крутые склоны. [Анучин Д.Н., 1884. С. 443 – 445; Иессен А. А., 1935. С. 36, № 45].

23. Ретлобское культовое место Кидилашан. Расположено на невысокой горной вершине горы Кидилашан (Кукольная гора), в 3–4 км к юго-востоку от сел. Ретлоб Цунтинского района Республики Дагестан. Здесь в 1883 г. французский исследователь Г. Бапст производил небольшие раскопки. На вершине горы на площадке, диаметром 4 м в довольно тонком культурном слое земли в течение 2 часов

¹ Выражаю ему благодарность за помощь.

им были найдены 32 человеческие фигурки и бронзовая головная булавка с навершием в виде трезубца [BapstG., 1885. С. 38–41]. Ранее на этом месте по поручению генерала А.В. Комарова проводил раскопки наиб из сел. Кидеро, который обнаружил 200 статуэток [Иессен А. А., 1935. С. 35, № 24]. Их как будто передали в Государственный музей Грузии, но их там нет и об их судьбе ничего не известно. В 1939 г. на Кидилашане проводил раскопки грузинский исследователь И. В. Мегрелидзе, который нашел здесь 51 бронзовую статуэтку людей, оленей, бронзовую бляху и украшения. Все эти антропоморфные статуэтки из Кидилашан представлены фигурками обнаженных мужчин и женщин, переданных в позу адорации с руками, поднятыми вверх – к голове или на поясе [Мегрелидзе И. В., 1951. С. 285–291].

Мы провели в 1969 г. на Кидилашане небольшие раскопки. Кидилашан представляет собой возвышение, имеющее с трех сторон отвесные обрывы, а с четвертой, южной стороны – крутые склоны. На самой вершине возвышения имеется небольшая площадка. С севера, востока и запада к возвышению примыкает довольно обширная, ровная поляна. Здесь же недалеко расположен родник.

Наши раскопки на вершине холма выявили культурный слой, толщиной 20-30 см, насыщенный костями животных и угольками. В скальном выходе отмечены врезанные в камень углубления и желобки, видимо, предназначенные для стока крови жертвенных животных. Среди находок имеются обломки аспидно-серой лощеной керамики с внутренней штриховкой и бронзовая, плоско-вогнутая статуэтка обнаженного человека с руками, поднятыми к голове [Давудов О.М., 1991. С. 62 – 86].

Одна бронзовая статуэтка женщины, найденная на Кидилашане, передана в ДГОИАМ в 1971 г. студентом Дагсельхозинститута М. Загировым (инв. № 18510). И позже с Кидилашан продолжали поступать такие же статуэтки в различные музеи страны, научные центры и в частные коллекции. В 2002 г. у юго-западного основания горы был обнаружен клад, состоящий из 40 статуэток и их обломков. Они были завернуты в кусок войлока и помещены в перекрытый сверху прямоугольной плитой тайник [Сагитова М.Д., 2004. С. 175-177]. Эти статуэтки были приобретены ДГОИАМ. Они в основном состоят из плоских статуэток адорантов с руками на поясе и руками, поднятыми вверх. Местные жители и т.н. «черные археологи» раскапывают культовое место с использованием металлоискателей и мощной землеройной техники. В результате полностью уничтожили уникальный памятник [Магомедов Р., Сагитова М., 2010]. Торговля статуэтками превращена в доходный бизнес. Охрана памятника государственными органами не эффективна. В разные годы было обнаружено более 500 только учтенных нами бронзовых статуэток мужчин и женщин, животных (олень), а также бронзовая булавка, украшения шнуровым орнаментом и др. В действительности количество статуэток, выявленных на Кидилашане, превышает нескольких тысяч [Иессен А. А., 1935. С. 33; Мегрелидзе И. В., 1951. С. 281-291; Исаков М. И., 1966. С. 91, № 1113; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. № 1123].

Есть сообщения о находках статуэток из различных объектов, которых так или иначе можно свести к Кидилашан.

Имеются сведения о «кургане», близ селения Челях (Челиях), южнее сел. Ретлоб, где П.Д. Татарин в 1882 г. раскопал какое-то сооружение и обнаружил 88

бронзовых фигурок людей и животных [*Комаров А.В.*, 1884. С. 40; *Zakharov A. A.*, 1933. С. 78; *Исаков М. И.*, 1966. С. 91, № 1114]. Имеются также сведения о 70 бронзовых человеческих фигурках, найденных «в курганах», расположенных между селениями Китური и Гениятль [*Иессен А. А.*, 1935. С. 35. № 22; *Исаков М. И.*, 1966. С. 90, № 1102; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 1126]. Также из сел. Китური происходят 44 бронзовых статуэток (Хр. в ГЭ). [Архив ИА АН СССР, фонд ИАК, 1914, д. 296. С. 19; ОАК, 1918. С. 160-211; *Исаков М. И.*, 1966. С. 90, № 1103]. Из сел. Кимятли происходят 16 бронзовых статуэток [*Мегрелидзе И. В.*, 1951. С. 289; *Исаков М.И.*, 1966. С. 91, № 1110; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 1131].

Нами осмотрена местность между селами Китური и Гениятль. Это небольшое расстояние склона, по основанию которого идет дорога, соединяющая оба селения и там нет «курганов» и нет объекта, похожего на святилище. В селении Кимятли и его окрестностях также нет объектов, даже отдаленно напоминающих святилища. Можно предположить, что исследователи пишут о разных памятниках якобы находящихся в окрестностях Китური, Гениятль и Кимятли и т.д., но имеют в виду Кидилашан. Эти селения действительно расположены близко от Кидилашан.

24. Шаитлинское культовое место. В 12 км к востоку от сел. Шаитль, на горном перевале Хилотль-остло находится горное озеро, называемое Орзен или Орзени. На его берегах были найдены бронзовые фигурки человека, оленя, тура, коня и т.п. [*Мегрелидзе И. В.*, 1951. С. 283; *Исаков М. И.*, 1966. С. 90, № 1104]. Каких-либо строений здесь не встречено. В качестве культового места, видимо, использовали саму высоту и горное озеро, где проводили культовые церемонии.

Из сел. Шаитль происходят бронзовые фигурки оленя, лошади, птицы, 4 головки оленя и быка и массивная булавка на цепочке [Известия археологической комиссии, 1918. С. 160-211; *Исаков М. И.*, 1966. С. 90, № 1105; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 1128].

25. Асахские находки. В окрестностях сел. Асах часто находили бронзовые человеческие фигурки и другие археологические артефакты. В 1885 г. К.Н. Россиков нашел здесь до 30 статуэток. Имеются статуэтки и в составе коллекции А.Л. Млокосевич в Эрмитаже [*Zakharov A. A.*, 1933. С. 82; *Иессен А. А.*, 1935. С. 35; *Исаков М. И.*, 1966. С.91, № 1111; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 1132]. Две статуэтки, найденные в окрестностях сел. Асах, попали в Берлинский музей [Adorantenfigurundidol, 1980. Из каталожной записи: Кавказ. Дагестан. Асахо. Дидо. Бронза. Н= 7 см и 6 см].

26. Цибаринская находка. Из сел. Цибари Цунтинского района происходит медный ковш с ручкой в виде головки оленя с ветвистыми рогами (диаметр ковша – 11 см., высота – 68 см.). Он был приобретен А.Л. Млокосевич и хранится в ее коллекции в Государственном эрмитаже [Архив ИА АН СССР, фонд ИАК, 1914, д. 296. С. 19; ОАК, 1918. С. 160; *Исаков М. И.*, 1966. С. 91, № 1112; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 1133].

27. Хутрахские находки. Из сел Хутрах Цунтинского района происходят две мужские бронзовые статуэтки. Первая в виде танцора лезгинки (ниже пояса статуэтка обломана) и вторая – изображение адоранта с поднятыми в вверх руками

(Фонды ИЭМ Даггосуниверситета, инв. № 437, 438; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 1135).

28. Хупринские находки. Из сел. Хупри происходят две бронзовые фигурки человека и круглая медная бляха. Они были приобретены в 1910 г Сержпутовским и хранятся в коллекции музея этнографии, инв. № № 2647, 2649. [*Иессен А. А.*, 1935. С. 35. № 25; *Исаков М.И.*, 1966. С. 90, № 1107; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 1137]. Из окрестностей этого же селения, измогильника, расположенного у реки (из погребального сооружения) происходят глиняные кувшины, бронзовые наконечники стрел и бронзовая фигурка коня [*Мегрелидзе И.В.*, 1951. С. 283; *Исаков М.И.*, 1966. С. 90, № 1106; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 1136].

29. Кидеринские находки. Близ сел. Кидеро Цунтинского района было найдено 12 бронзовых человеческих фигурок, приобретенных фотографом Ройновым [*Комаров А. В.*, 1884. С. 41; *Исаков М.И.*, 1966. С. 91, № 1116; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 1139].

30. Находки с Кодорского перевала. Житель гор. Телави С.М. Попов в 1915 г. доставил в Госмузей Грузии три статуэтки, обнаруженных им на Кодорском перевале (хр. в Госмузее Грузии, инв. №№ 32–15). Правда, их в музейных документах приписывают другому району – Кодорской крепости около Сухуми [Каталог археологических материалов Государственного музея Грузии, 1955. Т. II. (1904–1920). С. 30. Рис. 4-6.]. На эту ошибку указывает и В.И. Марковин [*Марковин В.И.*, 1986. С. 77-78.].

31. Гидатлинская находка. Из хут. Гидатль Гляратинского района происходит бронзовая литая статуэтка козла, приобретенная А.Л. Млокосевич в 1911 г. [*Круглов А.П.*, 1937 – 1938; *Исаков М.И.*, 1966. С. 84, № 1037; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 1148].

32. Чадаколовское культовое место. На окраине сел. Чадаколов Тляратинского района директор местной средней общеобразовательной школы Омар Мансурович Омаров при земляных работах с целью добычи камня наткнулся на остатки каких-то строений. На углу какого-то помещения он обнаружил керамический сосуд, высотой 0,7 м. Сосуд содержал разнообразные бронзовые изделия, преимущественно украшения. 220 из них поступили в Государственный Эрмитаж. Среди последних бляхи (27 экз.), булавки с головками в виде фигурок животных (21 экз.), человека (1 экз.), волют (70 экз.), привески, браслеты (22 экз.), цепочки и колокольчики, каменные бусы (40 экз.), иглы, пуговицы, колечки и т.д. (Табл. 7). [*Доманский Я., Пиотровский Ю.*, 1984. С. 36 – 38; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. № 1154].

Можно уверенно полагать, что на окраине сел. Чадаколов имеются остатки святилища. Их исследования представляют большой интерес для определения характера сооружения.



instituteofhistory.ru



14. Bronzowy "Dziwiel"



15.1. Bronzowy "Dziwiel"



15.2

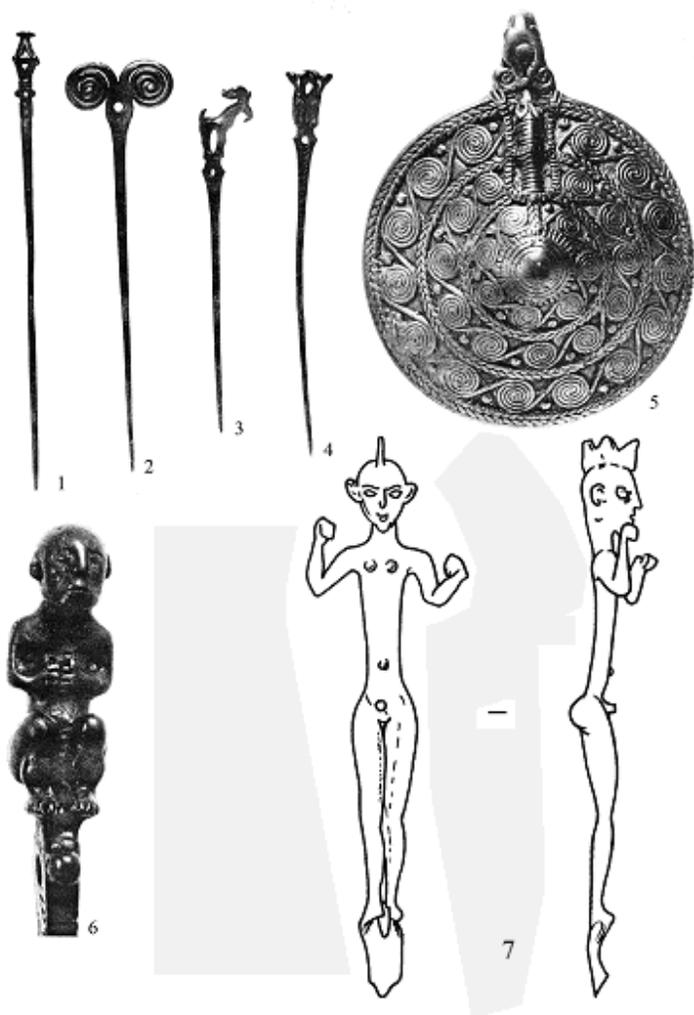


15.3



15.4





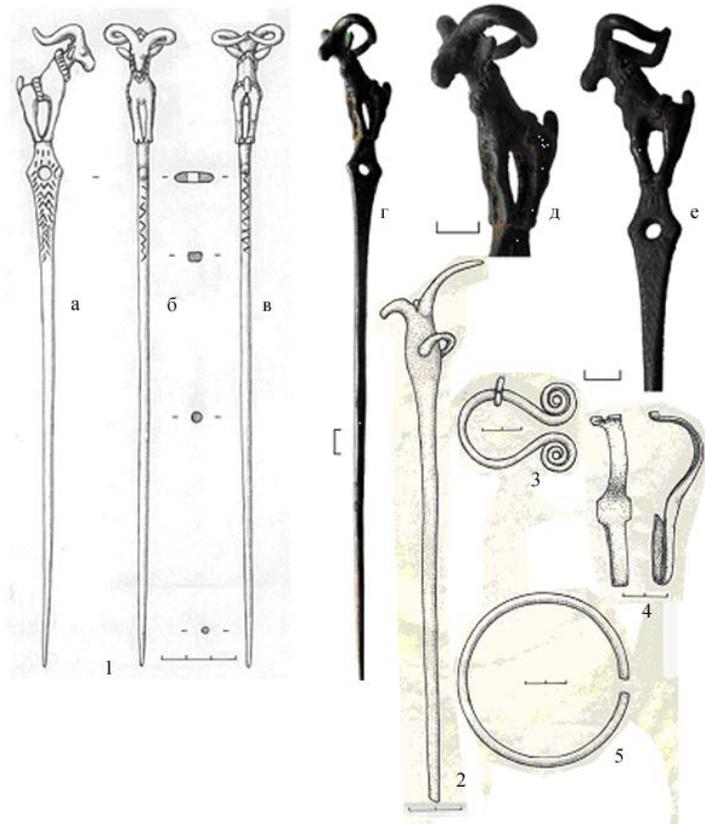




Табл. 7. Находки из святилища у сел. Чадаколоб Тляртинского района

33. Хосрехские святилище. Это святилище расположено в высокогорном Кулинском районе Дагестана. Оно представляло собой квадратное в плане каменное сооружение (8×8 м), ориентированное углами по странам света. Внутри него был выложен круг с «алтарем» из каменного блока (1×0,35 при высоте 0,7 м) в центре. Приалтарная площадка и дорога, соединяющая алтарь с проходом в середине юго-западной стены, были выложены песчаниковыми плитами. Под алтарем и приалтарной вымоской обнаружены прямоугольные тайники, заполненные землей, насыщенной угольками. В одном из них обнаружены астрагалы крупных и мелких животных и обломок точильного бруска с отверстием на одном конце. К северо-западной стене квадратного сооружения примыкало возвышение, шириной до 1,15 м, где под тонкими песчаниковыми плитами и их обломками в золе найдены кости

жертвенных животных, их черепа с распиленными в основании рогами и астрагалами (1172 экз.), а также разнообразные votивные предметы. Среди этих находок были обнаружены отлитые вместе статуэтки, представляющие собой изображения двух обнаженных людей, переданных в одинаковой статичной молитвенной позе с руками на поясе, без выраженных половых признаков, статуэтки оленя и быка. Комплекс датируется VIII–VII вв. до н.э. Среди находок имеются наконечники копий, характерные для предскифского времени. Кроме того, под слоем циркульной выкладки обнаружены следы другой, более древней выкладки такой же формы. Это позволяет допустить более архаичную дату этого сооружения. По своему характеру и особенностям находок сооружение может быть признано святилищем [Давудов О.М., 1978. С. 115–116; 1980. С. 277–285; 1983. С. 43–56]. В связи с ним могут быть интерпретированы и сами человеческие изображения.

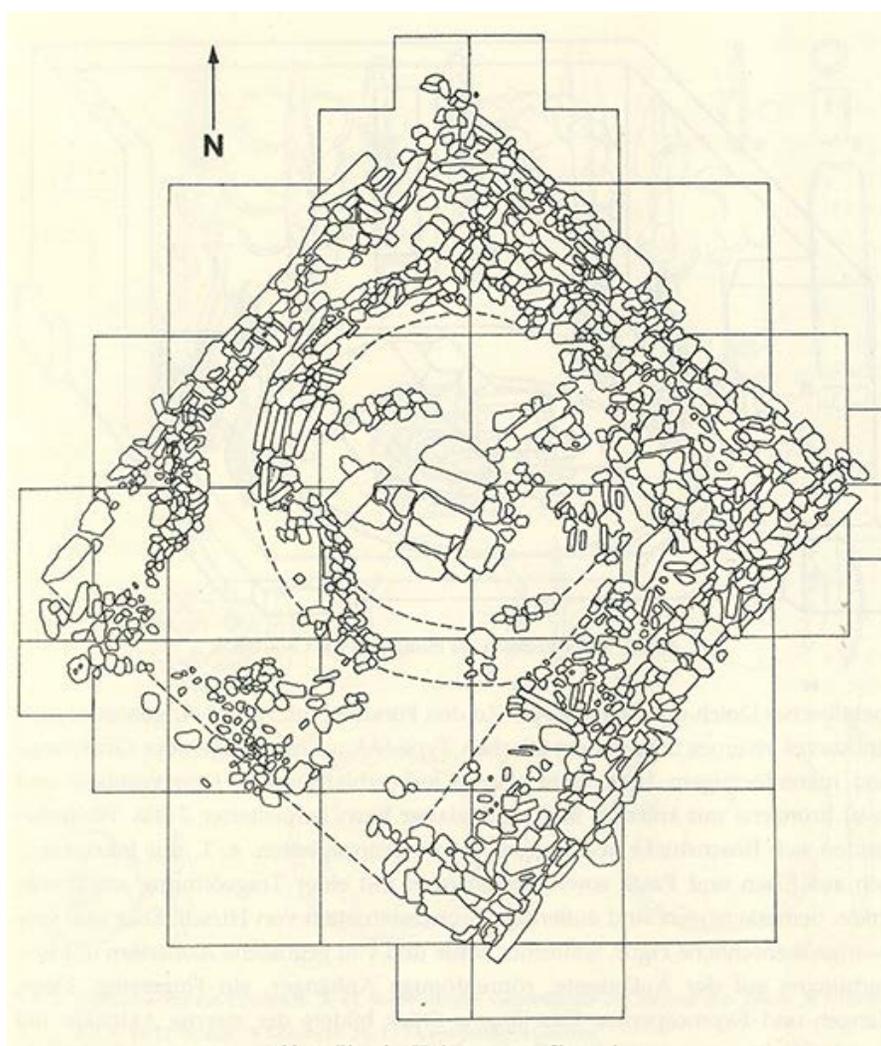


Табл. 8. План Хосрехского святилища

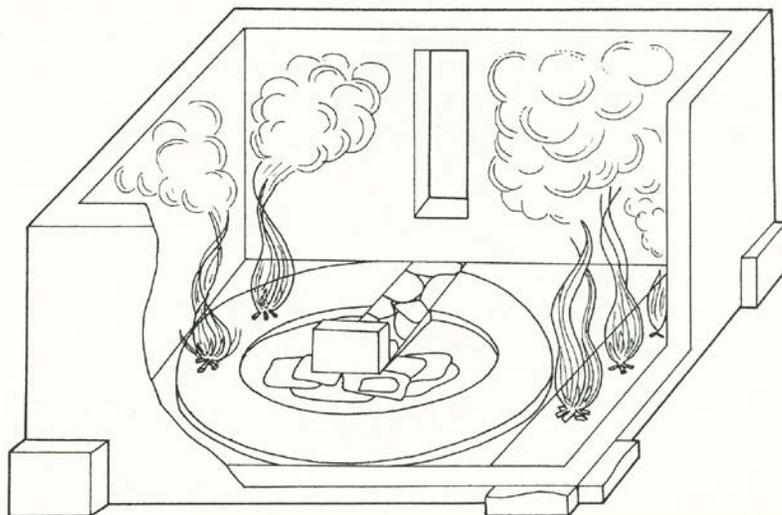


Табл. 9. Хорсехское святилище. Реконструкция

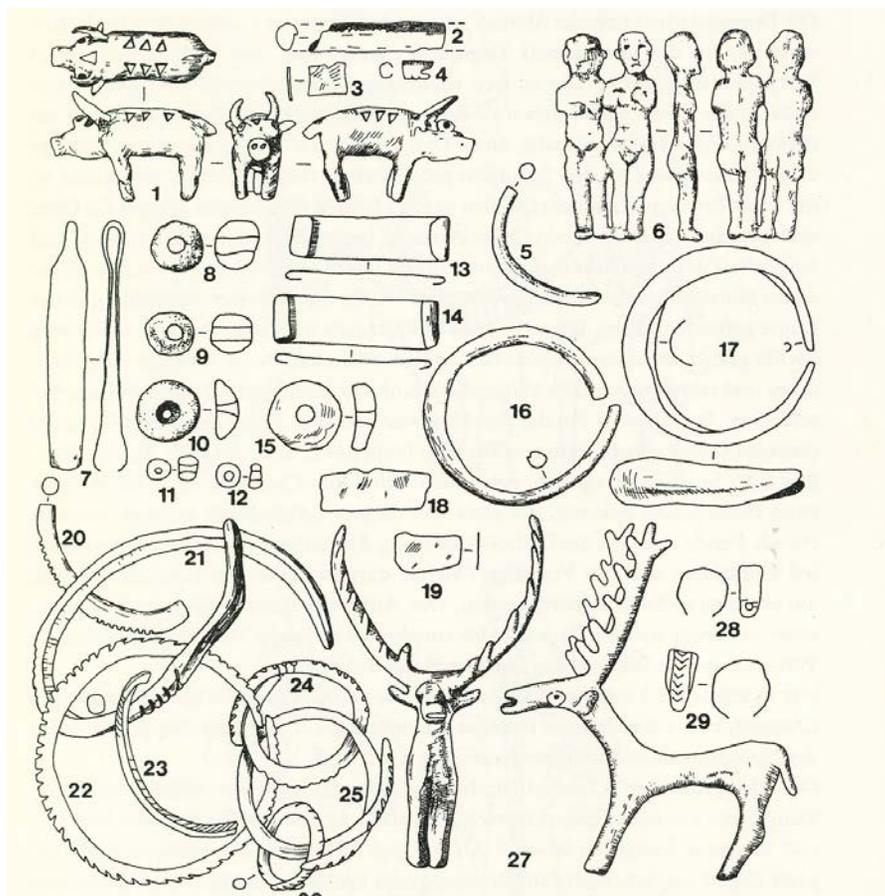


Табл. 10. Находки из Хорсехского святилища

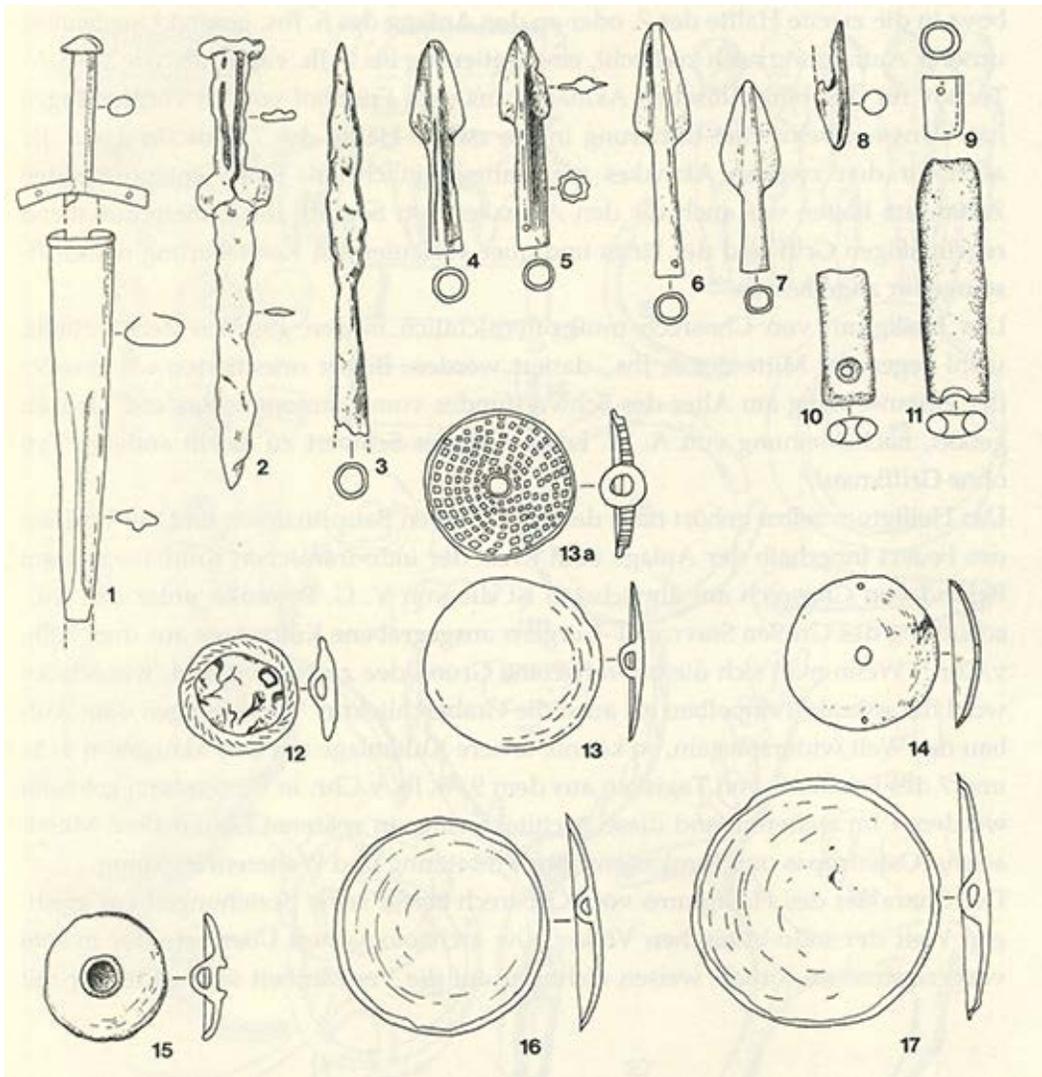


Табл. 11. Находки из Хосрехского святилища

Таким образом, культовые статуэтки людей и животных обнаружены на 33 памятниках высокогорного, Западного Дагестана и Горной Чечни. Все известные на сегодня в горной Чечне внемогильные находки статуэток происходят из района Аргунского ущелья. В.Б. Виноградов уточняет места находок предметов культовой пластики – в районах Андийского хребта и Аргунского ущелья, в окрестностях селений Шатой – Советсое, Шарой, Химой и без уточнений [Виноградов В.Б., 1972. С.281]. Наибольшее количество из них обнаружено в Цунтинском районе Дагестана, меньше – в Итумкалинском районе Чечни и Цумадинском, Ботлихском, Тлярптинском и Ахвахском районах Дагестана. Находки в Шамильском, Гунибском и Гергебильском районах следует считать периферийными. Из них 29 памятников квалифицированы как культовые места, 2 – могильника. Из 29 современных

населенных пунктов и их окрестностей происходят антропоморфные и зооморфные статуэтки. Причем все досоветские исследователи (П.А. Головинский, А.П. Ипполитов, Д.Н. Анучин и др.) сообщают о находках статуэток не в могилах, а на культовых местах. Они в основном обнаружены во время земляных работ. Целый ряд горных высот в народе традиционно считается культовыми и до этнографической современности используются для совершения массовых ритуалов, особенно для вымаливания дождя во время затянувшейся засухи. Более того, у каждого дагестанского высокогорного селения имеется свое почитаемое место, где совершаются массовые обряды. Следовательно, приведенные нами памятники – вершина айсберга. Их должно быть очень много. При этом надо отметить, ряд приведенных нами культовых мест связано с определенным языческим божеством. На Кидилашанском, Инхокваринском, Чадаколюбском и др. культовых местах отмечены остатки строений святилищ. К сожалению, они не раскопаны.

На культовом месте Берак у селения Арчо не обнаружены остатки строений. Название Берак по происхождению связано с Берика – божеством плодородия и весеннего пробуждения природы горцев Восточной Грузии, представляющегося в образе козла. С культом Берика связан обряд Берикаоба – земледельческий культ оплодотворения и размножения, культ языческих божеств Квириа и Телефа. Этот культ в Западном Дагестане, видимо, появился под влиянием соседних горцев Восточной Грузии. И в Грузии, и в Дагестане, и в Горной Чечне устраивали этот праздник под открытым небом во время весеннего пробуждения природы. Участники праздника – берикаоба – разыгрывали сцену, где "актеры" выступали в роли жениха и невесты, свахи, судьи, доктора, кабана, козла, медведя и т.д. В представлениях включались инструментальная музыка и пение. Песни и мелодии, исполнявшиеся во время берикаобы, называли бериккули.

Интересно отметить – в 2-х км от культового места Берак расположено современное селение Карата, где также отмечены находки статуэток, в том числе и статуэтки воина, облаченного в воинские доспехи и с отрубленной головой врага на поясе (Рис. 25, 3). Эта статуэтка воинствующего, героического божества, известно у хевсур под названием Копала [*Макалатия С.И.*, 1940. С. 103], а у Пшавов – Иохсари². Постоянным местопребыванием этого божества считалось Карати. Название селения Карата, видимо, связано с культом Бога Копала - Иахсари, святилище которого находилось на территории современного селения Карата.

Для понимания природы дагестанских культовых мест большое значение имеют закавказские святилища. Так, грузинские святилища “Хаты” расположены в высокогорной части края. Для них характерны специальные ниши, возведенные сухой кладкой. Вокруг них укладывались жертвенные предметы [*Пицхелаури К.Н.*, 1979.

²Копала – воинственное божество, сын Верховного бога Гмерти. Покровительствовал людям, попавшим в лавину, утопающим и нуждающимся в помощи. Первоначально его культ был враспространен в Хевсурети, где на горе Карати стоит его святилище. Со временем его культ распространился и в другие регионы. Иахсари – другое воинственное божество, другой сын верховного бога Гмерти, покровительствовал нуждающимся в помощи. Первоначально Иахсари поклонялись в Пшави, но позднее его культ распространился и на другие горные регионы Грузии. По преданиям пшавыхевсурь обратились к Гмерти с просьбой избавить их от ига дэвов. Чтобы выявить сильнейшего и назначить руководителя похода, Гмерти провел состязания, на которых победили Копала и Иахсари. Они и возглавили поход против злых сил – дэвов, каджей, эшмаков, победили и изгнали дэвов.

С.52; Цитландзе Л. Г., 1976. С. 112]. Со временем накапливался клад Хаты, за которым следили его служители хевисбери и диканози. Здесь встречаются и сооружения для обслуживающего персонала, паломников, для хранения продуктов питания. С ними исследователи сопоставляют святилища второй половины II – первой половины I тысячелетия до н. э., встреченные на территории Кахетии. В каждом из них обнаружено до нескольких тысяч разнообразных предметов материальной культуры, в том числе антропоморфные бронзовые статуэтки. На Мелигели, например, найдено 86 000 предметов и их обломков, на Шильда–3 457, на Мелани–3 273 [Пицхелаури К.Н., 1979. С. 51 – 58; Майсурадзе В.Г., Панцхава Л.В., 1984. С. 4 – 114; Табл. I – XXXV].

В самых различных местах Армянского нагорья, как правило, у горных перевалов встречаются сохранившиеся до нашего времени т. н. «перевальные святыни», где совершают жертвоприношения: режут баранов, коз, петухов, проводят народные пиршества с экзальтированными ритуальными хороводами [Лисициан С., 1936. С. 210 – 212].

Все эти святилища Закавказья и Чечни близки к высокогорным святилищам Дагестана не только по месту расположения на господствующих высотах, но и по сохранившимся остаткам строений. С армянскими святилищами, например, ученые связывают грозные силы горных духов, владык горных высот и перевалов.

До сих пор в Дагестане на “высоких местах” местные жители совершают различные религиозные церемонии, молились, приносили жертвы для вызывания дождя. В этих обрядах отчетливо прослеживается языческая подоснова. С ними связываются и высокогорные святилища Дагестана [Давудов О.М., 1991. С. 62 – 86], откуда открывается широкий обзор окружающей местности (Чадаколоб, Инхокваринского, Ретлобского, Чаляхского, у селений Кимятли, Асахо, Кидеро, Китури, в районе горного озера Орзен, Кодорского перевала и др.). Эти места, видимо, считались обиталищами богов. На многих из них были языческие капища, где паломники совершали жертвоприношения [Агларов М.А., 1984. С. 36 – 42]. Встречаются святилища и в соседней Чечне. Первоначально это были священные пещеры и рощи, расположенные на возвышенных местах, поляны и перевалы, а также вершины гор, где по представлениям, обитали самые почитаемые языческие божества – Диела, Сиели, Тушоли и др. [Мужухоев М.Б., 1981. С.62]. Возможно, среди них и были святилища и со строениями. Тем более, что здесь со скифского времени встречаются антропоморфные статуэтки, передающие образы святых и богов [Виноградов В.Б., 1977. С. 60]. А появление божеств в человеческом облике неизбежно повлекло за собой и возведение специальной постройки – жилища для него, т. е. святилища, в котором хозяйничали жрецы [Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Уснаев Г.И., 1981. С. 34 – 35].



instituteofhistory.ru

ГЛАВА III

КЛАССИФИКАЦИЯ СТАТУЭТОК

Как видно из вышеприведенной истории выявления и изучения антропоморфных статуэток, наибольшее количество статуэток происходит из районов высокогорного западного Дагестана и горной Чечни. Их к настоящему времени в Дагестане известно несколько тысяч. Сведения о минимум 1000 из них имеются в нашем распоряжении. Одни из них более реалистичные, имеют хорошо моделированные детали. Такие, видимо, относятся к более древнему времени. Другие, схематичные, доведенные до геометрической простоты и, видимо, относятся к более позднему времени. Сами статуэтки изображают в основном обнаженных мужчин и женщин. Их половые признаки отмечены достаточно четко. При их изучении исследователи предлагали разные принципы систематизации. А.Захаров, например, для кавказских статуэток предлагал весьма дробную классификацию, состоящую из разных категорий, групп и типов. Однако, чуть ли не все разнообразные по форме, характеру и половым признакам, а также семантике статуэтки из Дагестана он включил в состав всего лишь трех категорий – 2,3,6, а в составе четвертой категории объединил мало похожих друг на друга и разных по смыслу изображения человеческих фигурок из Осетии и Ичкерии - Чечни [Zakharov A.A. С.66-114].

Грузинский исследователь И.В. Мегрелидзе положил в основу своей классификации статуэток, собранных им из Дагестана, в том числе с горы Кидилашан, позу фигурок и выделил группу фигур, переданных в позу “адорации”: три типа: с руками на животе; с руками, поднятыми вверх так, чтобы большие пальцы касались ушей; с руками, поднятыми вверх и отведенными в стороны от головы [Мегрелидзе И.В. С. 281-291].

В.И. Марковин группирует статуэтки по наиболее характерным позам. В первую серию он включает фигурки в позу “оранта” – с поднятыми вверх руками, во вторую – с распростертыми руками, в третью – с одной рукой, обращенной к груди и другой – согнутой в локте или приподнятой вверх (S-видные), в четвертую – фертообразные, в пятую – изображения воинов. В особую серию он включил рожениц и женщин с младенцами в руках, в другую – всадников и т.д. [Марковин В.И., 1986. С.81-94]. В этой классификации много рационального и она основана на серьезном анализе. Это тем более верно, что фигурки переданы по строго определенным канонам: в определенной позе с набором атрибутов. Вместе с тем нам кажется соблюдение принципов, предложенных В.И. Марковиным, ставит перед исследователями задачу по более дробной классификации с учетом половых и смысловых признаков.

О.А. Брилева развила дальше разработки своего учителя В.И. Марковина и предложила классификацию, основанную на функциональном назначении предметов. Самостоятельные фигурки она разделила на единичные и композиции. Выде-

лены антропоморфные изображения, являющейся частью композиций и самостоятельные фигурки. В классификации О.А. Брилевой учтены положение фигур, место в композиции. Особо выделены ею сидячие фигурки и изображения всадников или всадниц [Брилева О.А., 2008. С. 11–15; 2012. С. 169–220].

Мы в своей классификации будем максимально учитывать рациональные стороны разработок А.А. Захарова, И.В. Мегрелидзе, В.И. Марковина и О.А. Брилевой. При этом следует учесть, что для наших статуэток в основном характерны реалистичность передачи образов при стилизации отдельных частей тела; грубость моделировки фигур и диспропорция между отдельными органами, к примеру, между головой и туловищем, между туловищем и ногами и т.д.; за редким исключением ритуальная обнаженность как мужских, так и женских фигур с характерными атрибутами, очень часто с головными уборами и поясами, шейными гривнами, браслетами; своеобразие позы; за редким исключением подчеркнутость половых признаков.

Термин “серия”, предложенный В.И. Марковиным ничем не лучше и не хуже предлагаемых нами, но он происходит от латинского слова “series” – ряд и соответствует синониму русского слова “группа”. “Категория” же происходит от греческого *katēgōrēw* – разряд, порядок или отдел предметов, введен в археологию В.А.Городцовым для обозначения высшей единицы системы классификации [Городцов В.А., 1927. С. 9]. С этого времени широко применяется в археологии для обозначения группы объектов одного или предположительно одного функционального назначения [Клейн Л.С., 1991, С.379; Классификация в археологии. С. 84]. Кроме того, В.А. Городцов ввел понятие “группа” – разделение предметов одной категории по веществу или совокупность объектов, объединенных общей им всем характеристикой или выделенных по некоторому единому для этой совокупности принципу [Классификация в археологии. С. 71]. Отдел – разделение предметов одной категории или группы по форме; тип – совокупность предметов, схожих по веществу, форме и назначению [Городцов В.А. С. 6,9] или совокупность предметов, сходных между собой и отличающихся от других предметов. Для нашей классификации все эти понятия идеально подходят. Вполне справедлива В.Б. Блэк, согласно которой статуэтки “предназначались для воплощения религиозно-магических или социально значимых образов” [Блэк В.Б., 1981. С. 20,21]. Действительно, они выражают мировоззрение оставившего их населения, что нашло отражение в особенностях передачи образа. По всем этим признакам выделяются 2 категории статуэток, одна из которой изготовлена из бронзы, другая – из железа и бронзы (биметаллические). С учетом этих особенностей мы бы предложили классифицировать статуэтки по *категориям, отделам, группам, типам и вариантам*.

I категория – биметаллическая статуэтка.

Представлена единственной фигуркой воина без выраженных половых признаков, выкованной из железа, но с двумя лицами, приваренными из бронзы и головой, увенчанной убором, напоминающим пилотку. Подробное описание этой статуэтки дано О.А. Брилевой [Брилева О.А., 2006. С. 164–166]. Она деформирована, а левая рука вовсе отломана (Рис. 1). Поэтому трудно установить какую позу она имела в первоначальном виде (h = 296 мм). Эта статуэтка обнаружена в пещере

недалеко от сел. Шатой – Советское Чеченской республики в 1911 г. и ныне хранится в ГИМ, инв. № Б 1335/2 [Zakharov A.A., 1933. P. 104. Fig. 129].

II категория – бронзовые статуэтки.

Все имеющиеся в нашем распоряжении бронзовые статуэтки по технике изготовления делятся на два отдела: первый – плоско-вогнутые статуэтки, отлитые в односторчатые литейные формы. С лицевой стороны их образы выделяются горельефом, а обратные стороны – вогнутые за счет усадки металла при остывании.

I отдел. Статуэтки мужчин и женщин, переданных в позадорации (*молитвы*). Их ставили в культовые места, чтобы постоянно молились и просили Верховного Бога о ниспослании всяческих благ тому, кто их ставил и кому они покровительствуют. Все они изображены в анфас в статичном стоячем положении на базах, имеющих иногда петлевидную форму или без них. У большинства из этих статуэток половые признаки достаточно выразительно обозначены. Иногда половые признаки не поддаются определению [Zakharov A.A., 1933. С. 82, 84. № 79, 80]. На некоторых дагестанских плоских статуэтках встречаются солярные знаки, ромбы, изображение пояса, перекинутой с правого плеча на левый бок перевязи. Головные уборы имеют несколько видов. К настоящему времени известно более 900 экземпляров таких статуэток. В основной своей массе они обнаружены случайно и хранятся в различных коллекциях музеев и частных лиц. Большинство статуэтки орантов и фертов обнаружены на культовых местах высокогорного западного Дагестана, в Цунтинском, Цумадинском и Ахвахском районах (Инхоквари, Ретло, Хупри, Асахо и др.) и лишь некоторые – в погребальных сооружениях (Карата, Беледи, Ансалта). При этом центр их сосредоточения тянется к культовому месту Кидилашан, у селения Ретло Цунтинского района. Изредка они встречаются за пределами этой территории, в частности в окрестностях Баку и Шемахи [ОАК, 1905. С. 103. Рис. 137–140] и на территории Северного Кавказа (Северная Осетия). Однако, здесь они явно привозные.

По характерным позам они относятся к двум большим группам.

К первой группе относятся фигуры с руками, поднятыми вверх ладонями вперед (Рис. 2; 4; 6; 8; 9, 8, 10; 10, 1-4; 11, 1-31; 13). Причем первая группа в свою очередь представлена двумя типами – фигурками с руками, поднятыми вверх и отведенными в стороны от головы (1 тип – Рис. 2, 10, 11; 4, 25; 6; 8, 5; 10, 1; 14, 3) и с руками, поднятыми вверх и, прижатыми большими пальцами к ушам или к вискам (2 тип – Рис. 2, 1-9, 12-15; 4, 13-18, 20-24; 8, 1-2, 4; 9, 5, 8, 10; 10, 3-4; 11, 1-31; 13, 1-29).

Ко второй группе относятся фертообразные статуэтки (Рис. 3; 4, 1-12, 19, 7; 9, 1, 2, 4, 6, 7, 9; 10, 5; 11, 35-51; 12; 14, 11 - 13) с руками, положенными на пояс. Изредка встречаются статуэтки, одновременно изображающие ферта и оранта (3 тип – Рис. 2, 16, 17).

По характеру стилизации эти группы статуэток делятся на три больших варианта (Рис. 5):

I вариант. Реалистически выполненные объемные статуэтки, отлитые по восковым моделям. В нашем распоряжении имеются всего шесть фигур этого варианта. Пять принадлежит фертообразным статуэткам и одна женская из Инхоквари –

статуэткам орантов с руками, поднятыми вверх и отведенными в стороны от головы (Рис. 5, в середине).

2 вариант. Плоские или плоско-вогнутые статуэтки мужчин и женщин, сочетающих в себе реалистические черты со стилизованными, порою гипертрофированно переданными частями тела, чаще всего рук с растопыренными пальцами. Все эти формы отлиты в одностворчатые формы. Этот вариант представлен всеми типами – фертами и орантами.

3 вариант. Плоские или плоско-вогнутые фигурки до неузнаваемости стилизованных изображений людей. Этот вариант представлен статуэтками, принадлежащими фертам. Они также отлиты в одностворчатые формы.

Эти особенности обусловлены этапами развития статуэток от реалистических образов до стилизованных геометризованных фигур.

II отдел. Объемные статуэтки, отлитые по восковым моделям.

Представлен бронзовыми фигурками разных форм, размеров и положений. Они представлены женскими, мужскими и гермафродитами, одним изображением женщины с медвежьими ушами и копытами животного вместо стоп ног. Как правило, фигурки переданы в стоячем, статичном положении. Но изредка встречаются изображения, переданные в движении. Встречены композиции из двух людей, изображения всадников. Особо выделяются сидячие фигурки и изображение всадницы.

I группа. Статуэтки обнаженных мужчин и женщин с распростертыми руками и подчеркнута выраженными половыми признаками (вторая серия по В.И. Марковину). В нашем распоряжении имеются три фигурки.

1 мин. Представлен двумя женскими статуэтками с распростертыми руками. Одна из женских статуэток имеет груди в виде полушарий с четко обозначенными сосками и распущенные волосы, ниспадающие на плечи. Ноги непропорционально коротки, но переданы реалистично. Пальцы рук и ног обозначены. На голове маленькая цилиндрическая шапочка (вид короны – О.Д.), на шее украшение (гривна²), на талии – пояс (Рис.17, 3). Она доставлена Г.Н. Дидебулидзе в Общество истории и этнографии Тбилисского университета “из Дагестана” и ныне хранится в музее Метехи. Впервые опубликована Б.А. Куфтиным [Куфтин Б.А., 1950. С. 59. Рис.14].

Другая женская статуэтка с подчеркнута выраженной гениталий и полусферическими грудями, имеющими четко обозначенные соски, происходит из культового места вблизи сел. Гигатль Цумадинского района. На ее голове конический убор, на спину ниспадает толстая плетенная коса, на шее – три гривны, на запястьях рук – по-два браслета. Стопа ног обозначены (Рис. 17, 2). Она хранится в ДГОИАМ (инв. № 18315). Впервые опубликована В.И. Марковиным [Марковин В.И., 1986. С. 84. Рис.6,2. См. также: Кажлаев Д. 1972. С. 3–4; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 24, 9].

2 мин. Статуэтка стоящего мужчины с распростертыми руками и выступающим обломанным фаллосом, имеет на голове зубчатый гребенчатый шлем. Кист левой руки зажат в кулак, правой – расправлен. Фигурка мужчины расположена на петельчатой базе. Высота фигурки – 114 мм, высота базы – 19 мм (Рис. 17, 5). Стату-

этка обнаружена на окраине сел. Мачада Шамильского района. [Абакарова А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 25, 14].

II группа. Статуэтки женщин.

1 мин. Представлен единственной статуэткой, передающей образ обнаженного стоящего человека с руками на животе (фертообразная) и тремя головами на плечах. С правого плеча на левый бок перекинут портупейный ремень из двух продольных полос, украшенный поперечными насечками. Половые признаки не обозначены (Рис. 18, 1). Статуэтка происходит из гробницы, раскопанной у гор. Темир-хан-шура (ныне гор. Буйнакск) Ф.А. Афанасьевым. Она впервые опубликована А.А.Захаровым [Zakharov A.A., 1933. Fig. 86].

Аналогичное изображение трехголовой женщины найдено в Передней Азии. Пластинка с композицией, в центре которой изображена трехголовая Богиня (Рис. 18, 2 а-б), хранится в Иракском музее в Багдаде. Она передает образ женщины-матери, создающей людей и относится ко II тысячелетию до н.э. [Frankfort H., 1969. Fig. 120].

2 мин. Статуэтка обнаженной стоящей женщины в молитвенной позе. Ее обе руки подняты и приложены ладонями друг к другу так, чтобы большие пальцы касались верха груди. Голова без обозначения прически и головного убора поднята вверх, а слегка выпученные глаза обращены вверх, создавая впечатление сосредоточенно, отрешенно молящегося человека. Рот обозначен черточкой. Ноги опираются на петлевидное основание. Высота фигурки – 102 мм (Рис. 19, 1). Фигурка происходит "из Дагестана", приобретена ГЭ у жителя сел. Кубачи Расула Магомедова (инв. № 5 404). Она впервые опубликована А.А.Захаровым [Zakharov A.A., 1933. P. 98. Fig. 115-116. См. также: Марковин В.И., 1986. Рис. 11,6; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 24, 10].

В аналогичной позе изображена женщина на алтарной плакетке из храма Иштар - Шавушки в нузийском доме Техип-Тилли [Гернот Вильгельм, 1992. С. 14. Рис. 5].

3 мин. Изображения обнаженных женщин с четко выраженными полусферическими грудями и руками, поднятыми на уровень груди в виде разомкнутого полукруга – поза объятия. Их в Дагестане найдено три.

Первая наиболее выразительная статуэтка происходит из Согратлинского культового места в урочище Росдал меэр и впервые опубликована А.П. Кругловым [Круглов А.П., 1946. С.34 – 36. Рис. 14.]. Она не имеет пояса на талии, на голове граница волос прочерчена резной линией. В растопиренных ушах имеются отверстия для украшений. Черты лица грубые, прямой нос сильно выдается вперед, рот небольшой, подбородок тяжелый, посадка головы на длинной толстой шее придают фигурке мужской облик, но подчеркнута выраженные женские половые признаки исключают ее иное толкование. Судя по согнутым в кулак пальцам, образующим вертикальные круглые отверстия, в руках фигурки были какие-то предметы (атрибуты). Мощные ноги опираются на перемычку с кольцом, к которой, возможно, подвешивались колокольчики (Рис. 20, 1). Высота изделия – 18 см [Круглов А.П., 1946. С.34-36. Рис. 14; Исаков М.И., 1966. Рис. 7,3; Марковин В.И., 1986. Рис.8, 1; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 23,6; Menardi H., 1999, katalog 47]

К этому же типу статуэток примыкает фигурка, доставленная студентом Даггосуниверситета Исамагомедовым из сел. Хупри Цунтинского района в Даггосуниверситет и хранящаяся в его историко-этнографическом музее (инв. № 875/1). У нее обломаны ноги: одна выше колена, другая – на шиколотке. Левая рука, которая вместе с правой рукой образует полукруг, деформирована и в настоящее время опущена вниз до пояса. Убор на голове (корона) и пояс на талии переданы витыми веревками (Рис. 20,2). Высота фигурки – 64 мм [Брылева О.А., 2012. Кат 631].

Третья статуэтка принадлежит стоящей женщине, близкой к первой вышеописанной, согратлинской фигурке и, судя по согнутым в кулак пальцам, образующим вертикальные круглые отверстия, имела в руках какие-то предметы (атрибуты) [Брылева О.А., 2012. Кат. 559. См. также: Брылева О.А., 2004. Fig. 165].

Аналогичные статуэтки происходят из Грузии и, видимо, изображают тот же персонаж что и дагестанские. Правда, они изготовлены грубее и менее реалистичные [Пицхелаури К. Н., 1968. С. 299– 302; Майсурадзе В.Г., Паничава Л.В., 1984. Табл. XX, 3, 11 – 12, 14; XLVI, 10].

4 тип. Статуэтки стоящих во весь рост обнаженных женщин с подчеркнuto вы-
раженными половыми признаками и сосудами на уровне груди (у каждой по-
одному) в выдвинутых вперед руках (Рис. 21, 1 – 5). Их всего в Дагестане обнару-
жено пять экземпляров. Три из них опубликованы А. Захаровым. Причем, две бы-
ли приобретены 2.07.1923 г. представителем ГИМ у жителя сел. Кубачи Расула
Магомедова (хр. в ГИМ, инв. № 57 771; 5 403), третий – хранится в Русском музее
(этнографический отдел, № 2 034/535) в составе колл. А.К. Сержпутовского Эта
третья статуэтка была приобретена в том же 1923 г. А.М. Завадским в сел. Тинди
Андийского округа [Zakharov A.A., 1933. С. 90-95. Fig. 83, 90-91, 100-102. См. так-
же: Давудов О.М., 1974; Марковин В.И., 1986. Рис. 10, 8; Абакаров А.И., Давудов
О.М., 1993. Рис. 23, 12; Мошинский А.П., 2010. Кат. 164]. другая происходит из Со-
гратлинского культового места Хурил-раал и хранится в ДГОИАМ, инв. № 1974
[Исаков М.И., 1966. С. 74. Табл. 7, 1; Марковин В.И., 1986. 10, 6; Абакаров А.И.,
Давудов О.М., 1993. Рис. 23, 13] и еще одна статуэтка была доставлена В.Г. Кото-
вичем из Цумадинского района (Рис. 21, 2).

Почти все они имеют одинаковые головные уборы. У тиндинской он наиболее
выразительный и напоминает короны древневосточных статуэток. Плоский сверху
убор откинут назад и широкой полосой ниспадает на шею. На голове под этим
убором виднеется ободок в виде круга из витого шнура, на шее две витые гривны,
одна из которых соединена с концом полосы головного убора. На талии тиндин-
ской статуэтки показан двойной витой пояс с четырехугольной пряжкой спереди,
на запястьях обеих рук – витые браслеты, по-одному на каждой руке. Гривна и
браслеты имеет и статуэтка из колл. А.К. Сержпутовского. В ушах тиндинской
статуэтки многовитковые привески с обратной петлей (Рис. 21).

5 тип. Статуэтки обнаженных женщин с ритонами в руках.

Их среди дагестанских находок четыре экземпляра.

Одна из них происходит из культового места вблизи сел. Гигатль Цумадинского
района и хранится в Дагестанском краеведческом музее (инв. № 18 313) [Марковин
В.И., 1986. С. 86, 90. Рис. 10, 9. См. также: Кажлаев Д., 1972. С. 3 – 4; Давудов О.М.,

1991. Рис. 3, 1; *Davudov O.M.*, 1996. Abb. 5, 2; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. Рис. 29, 2]. На ее голове покоится пятизубчатая корона, из - под которой на спину ниспадает пышная, доходящая до шиколоток плетенная коса с трапециевидной пластинкой на конце. Изображение выполнено довольно реалистично, женские половые признаки выражены хорошо. Шея украшена двумя гривнами, ноги и руки – браслетами. Талия перетянута двойным поясом. Правая приподнятая и выставленная вперед рука как бы протягивает ритон, а левая держит сосуд (Рис. 22, 1).

Среди старых находок из Дагестана имеются аналогичные фигурки.

Одна такая статуэтка, хранящаяся в ГЭ (инв. № 5618/Ш), имеет на голове убор в виде витого ободка, на шее – витая гривна, а в выставленной вперед правой руке – ритон (Рис. 22, 4). В различных публикациях этого происхождения этой статуэтки определяют по-разному. В статье З.И. Не-чужкиной она зачисляется как статуэтка из окрестностей сел. Корода (Гунибский район Дагестана) [*Нечужкина З.И.*, 1973. С. 13 –22]. По Д. Чиркову и публикации Р.Ш. Микашовой она происходит из Цунтинского района [Декоративное искусство Дагестана, 1971. С. 82, 83, 271; *Микашова Р.Ш.*, 1981. С. 57, 189. Илл. 66 – крайняя слева]. Сотрудник Музея народов Востока, известный археолог В. Кореняко помог мне уточнить сведения о статуэтке: он прислал мне хорошую фотографию и рисунок статуэтки, а также вписки из музейных документов³. По ним она происходит из Северного Кавказа. Судя по фотографии и впискам, речь идет об одной и той же статуэтке. Не понятно только как статуэтка, опубликованная З.И. Не-чужкиной как «Кородинская» стала статуэткой из Северного Кавказа. По музейной описи статуэтка имеет высоту – 11, 2 см., максимальные поперечные размеры – 4,1 см (от локтя до локтя) – 2,05 см (от носа до затылка).

Другая статуэтка, доставленная в Эрмитаж А.К. Сержпутовским «из Дагестана», имеет на шее гривну, на голове ободок с продольными перетяжками, из - под которого на плечи ниспадают волосы, пересекающиеся с гривной на шее и собранные в косу. Обе руки украшены браслетами, по-одному на каждой. В левой приподнятой и выставленной вперед руке ритон, в правой – кувшин со сливным носиком (Рис. 22, 2). Хранится она в ГЭ (инв. № 1782-2). Высота изделия – 8,2 см [*Давудов О.М.*, 1974. С. 86. Табл. XVI,1; *Марковин В.И.*, 1986. 10, 7; *Давудов О.М.*, 1991. Рис. 1, 1; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. Рис. 24,1].

Еще одна статуэтка этого же типа из Дагестана, приобретенная ГЭ у кубачинца Р. Магомедова, представляет собой изображение обнаженной женщины, стоящей на базе. Она имеет на голове витой ободок, на шее – витую гривну, а в выставленной вперед на уровне груди руке – ритон. Другая левая рука также поднята и образует разомкнутый полукруг. Она достигает 155 мм высоты (Рис. 22, 3). Хранится

³ Выражаю большую благодарность В. Кореняко за любезно предоставленные материалы и сведения.

Сохранность статуэтки хорошая. Она покрыта темной, зеленой патиной по светло-золотистой бронзе. Изображает стоящую обнаженную женщину. Руки согнуты «фертом», кисти перед туловищем; в правой руке сосуд вроде высокого конического кубка. Голова непропорционально большая, с плоским лицом и тяжелым подбородком. Глаза круглые, узкий нос с горбинкой; рот обозначен в виде маленькой глубокой выемки. Рельефной «плетенкой» моделирован головной убор вроде венчика или диадемы, на шее – ожерелье или гривна. Груды – маленькие в виде полусферических выпуклостей. Очень глубокие продольные выемки на спине по середине и на левом боку от подмышки до бедра. Вертикальной, неглубокой выемкой обозначен половой орган. Выемки рта, на спине и на левом боку такие глубокие, что производит впечатление как будто фигурка частично полая, т.е. с пустотами внутри, хотя и не по всей фигурке.

в ГИМ (инв. № 5402). Впервые была опубликована А.Захаровым [Zakharov A.A., 1933. С.98. Fig. 113-114].

Аналогичные статуэтки происходят из погребения близ ст. Айрум в Армении [Есаян С.Е., 1976. Табл. 151, 1, 4, 5, 6, 7; 1980. Рис. 59, 1, 2, 3, 4, 5, 7].

6 тип. Статуэтки стоящих беременных женщин с выставленной вперед на уровне груди левой и согнутой в полукруг правой рукой.

Одна из них приобретена ГИМ у жителя Кубачи Расула Магомедова, обозначена как «из Дагестана» (Рис. 23, 1). Она представляет стоящую фигуру беременной женщины с выставленной вперед согнутой в полукруг правой рукой, а левой, массирующей живот. Пальцы ее правой руки сведены будто сжимают массивный предмет. В нижней части вздутого живота прочерчены зигзагообразные линии и нанесены насечки. Груды обозначены подтреугольными рельефами, обращенными острыми концами вниз. Глаза обозначены двумя кругами, в центре каждого из которых сделаны вдавлины. Губы выражены слабо. Они обозначены небольшой черточкой. Уши трактованы схематично. Голова круглая, покрыта убором в виде тюбетейки. От затылка до ягодиц ниспадает толстая коса. Нос с горбинкой (инв. N 64049). Высота фигурки 154 мм. Впервые опубликована А. Захаровым [Zakharov A.A., 1933. С. 100-102. Fig.119-120. См. также: Джавахишвили Г.А., 1981. Табл. XI, 27; Марковин В.И., 1986. Рис. 7, 8; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 23, 7; Мошинский А.П., 2010. Кат. 163].

Такая статуэтка в Дагестане найдена еще одна. Она была приобретена через Госторг в 1927 г. и хранится в ГЭ (Кз – 5899), Ее отличает от первой то, что фигурка стоит на петлевидном основании, а головной убор отломан [Брилева О.А., 2012. Кат. 557]. Во всем остальном она повторяет первую статуэтку (Рис. 23, 2).

Третья статуэтка происходит из Грузии. Она была приобретена на базаре Горийского района художником Л.Д. Гудеашвили у местного крестьянина, который "нашел ее на своем земельном участке". Ее отличает от статуэтки из ГИМ более округлая форма головного убора (Рис. 23, 3). Хранится она в Государственном музее Грузии (инв. № 7 – 49/5) [Брилева О.А., 2012. Кат. 558].

7 тип. Статуэтки обнаженных стоящих женщин с младенцами в руках. Их среди наших статуэток две. Одна из них происходит из окрестностей сел. Анди Ботлихского района, доставлена в Историко-этнографический музей Дагдосуниверситета археологом Д.М. Атаевым (хр. в ИЭМ, инв. № 905). Другая найдена в окрестностях сел. Хутрах Цунтинского района и доставлена в ИЭМ Дагдосуниверситета студентом Исамагомедовым (инв. № 875/1).

Андийская статуэтка имеет реальные черты, четко выраженные полусферические груди, обломанную в коленях левую ногу. Голова увенчана убором, как бы составленным из четырех, уменьшающихся кверху ободков – колец, на шее – гривна (Рис. 24, 1). Младенец с грубыми чертами лица (гипертрофированно переданной правой рукой с выставленным вверх большим пальцем, условно переданным телом со сломанной в коленях левой ногой) перекинут на левую руку и ногами достигает до правого колена женщины-матери. Высота фигурки – 56 мм, высота младенца – 32 мм (Рис. 24, 1).

Другая статуэтка из сел. Хутрах Цунтинского района Дагестана имеет условно переданные руки и ноги, как бы усеченную сверху голову. Женские груди не обо-

значены, но четко выражен гениталий. Изображение ребенка тоже передано весьма условно. На шее гривна. Лицо передано реалистичнее. Высота фигурки – 87 мм (Рис. 24, 2).

III группа. Статуэтки мужчин.

Для них характерны свои особые атрибуты и свои оригинальные позы. Некоторые из них в типологическом ряду одиноки, другие представлены целой группой. Среди них встречаются следующие типы:

1 тип. Статуэтки воинов.

1 вариант. Воины с мечами в защитных доспехах.

Их у нас три экземпляра.

Наиболее выразительна статуэтка бородатого воина, одетого в длинный, туго перетянутый поясом кафтан с особой формой подола – разрезами по бокам и дуго-видными выемками спереди и сзади. Одет он в широкие штаны, на ногах сапоги, на голове – остроконечный шлем-шишак, из-под которого на затылок ниспадают длинные волосы. Через правое плечо на левый бок перекинут портупейный ремень. В левой руке воин держит отсеченную голову врага, в правой – обнаженный кинжал. На спине у него круглый щит с умбоном в центре. Из-под щита выступает коврик для защиты ног от стрел (обычно такие коврики готовили из войлока), на поясе – меч-кинжал с перекрестьем и цилиндрическим навершием рукоятки, на правом боку – сумка для туалетных принадлежностей. Высота статуэтки – 90 мм (Рис. 25, 1). Она обнаружена на культовом месте, в 2 км к северу от сел. Гигатли-Урух, на левой стороне дороги, ведущей в сел. Гигатль, на небольшой террасе в 1971 г. жителем селения Гигатль-Урух М.Мусаевым. Позже она была передана в ДГОИАМ (инв. № 18 312). [Кажлаев Д., 1972. С. 3 – 4. См. также: Марковин В.И., 1986. Рис. 12, 24; Горелик М.В., 1987. Рис. 1; Давудов О.М., 1987. Рис. 1; Давудов О.М., 1991. Рис. 2,1; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 25, 13; Гаджиев М.С., 1996. С. 53–54].

К этому же типу примыкает плоская статуэтка стоящего человека с руками на поясе (ферт) из Каратинского могильника. В области таза этой фигурки изображена голова, обращенная теменем вниз, рядом на левом боку – щип, напоминающий кинжал. На плечах и животе изображены резные окружности с точками по центрам, вдоль плеч и поперек живота – полосы с поперечными линиями, на груди – перекрещивающиеся ремни. Все это напоминает воинские доспехи. Голова фигурки увенчана убором в виде веревочного ободка с шишкой на темени (корона). Концы веревочной петли с головы по затылку спускаются на плечи. На ногах обувь с острыми носками, загнутыми вверх – традиционные кавказские «чарухи» (Рис. 25, 3). Статуэтка хранится в коллекции А.К. Сержпутовского в этнографической коллекции Русского музея (инв. № 2381/2). Она происходит из сел. Карата Ахвахского района [Zakharov A.A., 1933. Fig. 81- 82; Марковин В.И., 1986. Рис. 13, 3; Давудов О.М., 1991. Рис. 1, 5; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 23, 4; Брилева О.А., 2012. Кат. 571]. Эту статуэтку ранее рассматривали как изображение роженицы [Давудов О.М., 1912. № 1. С. 104 – 132]. При близком рассмотрении видно, что статуэтка изображает не роженицу, а знатного воина, облаченного в доспехи с отрубленной головой врага в руках. Иными словами, она передает тот же сюжет, что и статуэтка воина из Гигатля.

Другая статуэтка воина⁴ с таким же вооружением происходит из окрестностей селения Химой (Чечня) и хранится в ГЭ в составе колл. К.И. Ольшевского, который доставил его в ГЭ в 1887 г. На его голове гребенчатый шлем, на спине – круглый щит, а на поясе – кинжал с брусковидным перекрестьем и цилиндрическим навершием (Рис. 25, 2). В отличие от гигатлинской статуэтки она не имеет в руках отрубленной головы врага и представляет собой изображение обнаженного мужчины с полусогнутыми ногами и торчащим фаллосом [Zakharov A.A., 1933. Fig. 61–62; Марковин В.И., 1986. Рис. 12–25; Давудов О.М., 1991. Рис. 2, 25; Гаджиев М.С., 1997. Рис. 3, 12; Брилева О.А., 2012. Кат. 487].

2 вариант. Статуэтки воинов-лучников.

Их среди наших находок две.

Статуэтка воина, облаченного в длинный, туго перетянутый поясом кафтан с подолом, имеющим дуговидные вырезы спереди и сзади. Воин обут и стоит на низкой базе. Голова его увенчана гребенчатым шлемом. шея украшена гривной, на спину скинута голова козла, обращенная длинными рогами вверх. В руках воина натянутый для выстрела лук (Рис. 26. 1). Статуэтка происходит из Чечни, района Аргунского ущелья, хранится в Государственном музее Грузии «подарок Его императорского высочества, Великого князя Михаила Николаевича», инв. № 1054 – старый номер; в ГИМ копия – 409/1 [Zakharov A.A., 1933. Fig. 130–131; Виноградов В.Б., 1972. Рис. 67, 1; Марковин В.И., 1986. Рис. 13, 1; Мошинский А.П., 2005. С. 69; Брилева О.А., 2012. Кат. 486].

Близкая по форме статуэтка происходит из культового места Кидилашан, у сел. Ретло Цунтинского района Дагестана и впервые опубликована И.В. Мегрелидзе [Мегрелидзе И.В., 1951. С.290. Рис.12; Марковин В.И., 1986. Рис. 13, 2]. Она передает образ человека, стоящего на низкой базе с правой рукой, опирающейся в бедро. Он одет в длинный кафтан. Напоминает кафтан гигатлинского воина, но без выреза и выемки подола. С правого плеча на левое бедро перекинут колчан, придерживаемый левой рукой, ноги обуты. На голове длинные волосы, обозначенные резными вертикальными линиями и снизу обведенные резной полосой (Рис. 26, 2). Хранится в ГИЭМ.

3 вариант. Обнаженные воины с атрибутами в руках.

Статуэтка мужчины в гребенчатом шлеме. Руки согнуты в локтях, правая поднята выше плеч и, судя по остаткам какого-то стержня в зажатых в кулак пальцах, держала нанесенное для удара копьё, а левая рука находится на уровне груди, как бы прикрывая щитом, видимо утерянным впоследствии. Большой нос сильно выделяется вперед. Глаза обозначены глубокими впадинами с выпуклостями посередине. Рот обозначен горизонтальной черточкой. Подбородок переходит в выступающую вперед заостренную длинную бороду. Плечи широкие. Ноги полусогнуты в коленях и опираются на основание. Высота фигурки – 91 мм (Рис. 28, 2). Хр. в ГЭ, инв. № 2163/5. Она найдена А.П. Кругловым на культовом месте Берак вблизи сел. Арчо Ахвахского района [Круглов А.П., 1946. С. 31. Рис.13; AvantlesScythes. 1979. P. 160; Доманский Я., 1984. Рис. 188; Марковин В.И., 1986. Рис. 7, 12; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 25, 1; Брилева О.А., 2012. Кат. 46].

⁴ Мы приводим сведения о статуэтке по В.И. Марковину, который взял их по литографии Штробиндера.

Статуэтка мужчины с выраженными мужскими половыми признаками, крутыми бедрами, подчеркнута выраженной грудной клеткой и выступающей вперед трапециевидной, как бы привязанной к подбородку бородой. На голове ободок, имеющий спереди нечто, напоминающее узелок или изображение какого-то знака. Руки согнуты в локтях, правая приподнята кверху выше плеч и в зажатых в кулак пальцах сохранились остатки какого-то стержня из иного металла; левая выдвинута вперед и находится на уровне живота. Видимо, в правой руке воина было копьё, нанесенное для удара, в левой – щит. Черты лица резкие, грубые. Высота изделия – 112 мм (Рис. 28, 1). Она обнаружена А.П. Кругловым на культовом месте Берак вблизи сел. Арчо Ахвахского района [Круглов А.П., 1946. С. 86, 87. Рис.11, д.; AvantlesScythes. 1979. Рис. 149; Доманский Я., 1984. Рис. 187; Марковин В.И., 1986. Рис. 7, 1; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 25, 8; Брилева О.А., 2012. Кат. 45].

Статуэтка обнаженного мужчины с подчеркнута выделенными половыми признаками, правой рукой, согнутой в локте и поднятой на уровень плеча и левой, поднятой на уровень живота. Пальцы правой руки согнуты в крюк для помещения какого-то предмета. Видимо, в правой руке воина было копьё, нанесенное для удара, в левой – щит. Талия затянута в широкий двойной пояс, голова увенчана шапкой в виде пилотки, одетой поперек. Из-под нее ниспадают на спину длинные волосы. Нос прямой, сильно выступающий вперед, длинная борода доходит до груди (Рис. 28, 3). Статуэтка обнаружена на культовом месте Берак, вблизи сел. Арчо Ахвахского района [Круглов А.П., 1946. С. 31. Рис.1, 1; Марковин В.И., 1986. Рис. 7, 13; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 25, 5; Брилева О.А., 2012. Кат. 47].

Статуэтка мужчины в гребеньчатом шлеме с руками, поднятыми как у арчоевских фигурок, но со стилизованным изображением рук и без атрибутов. Шея украшена гривной, талия затянута поясом. Правая нога украшена ножным браслетом, левая отломана (Рис. 28, 5). Статуэтка в составе клада обнаружена в 1868 г. на культовом месте в Шатоевском обществе (Чечня) [Ипполитов А.П., 1868. Рис. на форзаце; Zakharov A.A., 1933. Fig. 84; Марковин В.И., 1986. Рис.1, 3; Брилева О.А., 2012. Кат. 628].

Статуэтка мужчины в гребеньчатом шлеме с руками, поднятыми как у арчоевских фигурок, но со стилизованным изображением рук. Правая рука украшена двумя браслетами. Фаллос выражен особенно подчеркнута (Рис. 28, 4). Статуэтка в составе клада обнаружена в 1868 г. на культовом месте в Шатоевском обществе (Чечня) [Ипполитов А.П., 1868. Вып. 1. Рис. на форзаце; Zakharov A.A., 1933. Fig. 84; Марковин В.И., 1986. Рис.1, 4; Брилева О.А., 2012. Кат. 629].

Статуэтка воина с копьем и щитом характерна для Грузии и Армении. В Грузии они происходят из разных памятников, в том числе из святилища Мелаани [Пицхеллаури К.Н., 1965. Табл. XVI; 1988. Табл. XVI; Джавахишвили Г.А., 1981. Табл. X, Рис. 25; Марковин В.И., 1986. Рис. 13,4; Лордкипанидзе О.Д., 1989. Рис. 75; Джанпаридзе О.М., 1991. Табл. LXXX; Брилева О.А., 2012. Кат. 25] и из Армении (Паравакар) [Есаян С.А., Мнацаканян А.О., 1970. С. 157-168. Рис. 1, 2, 3; 2, 1, 2; Есаян С.А., 1980. Рис. 56, 1, 2, 4, 7; Марковин В.И., 1986. Рис. 13, 5 – 10].

4 вариант. Статуэтки обнаженных итифаллических воинов с поднятыми правыми и опирающимися на бедра или низ живота левыми руками. Таких статуэток семь экземпляров из Дагестана и Чечни.

К этой группе относится статуэтка из "Андийского округа", опубликованная И.И. Пантюховым [*Пантюхов И.И.*, 1896. С.58, Фиг.7]. У нее на голове имеется конический шлем.

Другая хранится в ГЭ в составе коллекции Ж. Мурье (инв. N 2085) и происходит из "Дидо". Она представляет собой фигурку обнаженного мужчины в высоком гребенчатом шлеме с подчеркнuto выраженным половым признаком (фаллосом) и поднятой вверх, отведенной в сторону от головы правой рукой, завершающейся крючком, а также левой рукой, опирающейся на бедро у фаллоса. Высота фигурки – 75 мм. Она была впервые опубликована А.Захаровым [*Zakharov A.A.*,1933. P. 90. Fig. 87; *Марковин В.И.*, 1986. Рис. 7, 2; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. 25, 6; *Брилева О.А.*, 2012. Кат. 560].

Статуэтка из коллекции А.А. Бобринского. Хранится в Кавказской секции ГЭ (Кз № 1787). Она происходит "из Дагестана". У нее фаллос не особенно подчеркнuto выделен. Левая рука покоится на нижней части живота, правая, завершающаяся крючком, поднята к голове и отведена в сторону. На голове гребенчатый шлем. Она также впервые опубликована А. Захаровым [*Zakharov A.A.*,1933. P. 90. Fig. 77-78; *Брилева О.А.*, 2012. Кат. 563].

Еще одна такая статуэтка происходит из могильника в сел. Беледи Ботлихского района Дагестана (Рис. 29, 4) в сопровождении ритуальной ложечки с ручкой, украшенной двумя валиками и кубика со срезанными углами и фигурки козла с острыми, отогнутыми назад рогами. Она хранится в ДГОИИМ (инв. N 3783). Помимо общих особенностей в положении рук у нее имеются отличительные признаки – широкие бедра и узкая талия. Лицо довольно изящное. Глаза переданы миниатюрными шариками, помещенными в глубокие впадины, нос крупный, выступающий. Голова увенчана шлемом оригинальной формы, увенчанным ромбовидным навершием [*Исаков М.И.*, 1966. Табл. 11, 13; *Марковин В.И.*, 1986. Рис. 6, 2; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. Рис. 25, 7; *Гаджиев М.С.*, 1996. С. 53 54; 1997. Рис. 3, 6; *Брилева О.А.*, 2012. Кат. 397].

Таковую же статуэтку "из Дагестана" опубликовал французский исследователь Ж. де Морган [*DeMorgan G.* P. 179-181, Fig.204, 207]. У нее головной убор сверху отсечен. Возможно, он тоже имел коническую форму.

Статуэтка из района Аргунского ущелья (Рис. 29, 5). У нее шлем имел ромбовидное навершие. Она впервые опубликована В.Б.Виноградовым [*Виноградов В.Б.*,1972. Рис. 48, 5. См. также: *Марковин В.И.*, 1986. Рис. 11, 1; *Дударов С.Л.*, 1991. Табл. 53, 5; *Гаджиев М.С.*, 1996. С. 53 54; *Брилева О.А.*, 2012. Кат. 446]. Для этой статуэтки характерны выше отмеченное положение рук и выступающий фаллос.

Статуэтка в гребенчатом шлеме с навершием в виде луковицы, опубликованная М.С. Гаджиевым, помещена на базе, имеет гипертрофированный фаллос и пояс на талии. Правая рука положена на живот. Происходит из Ботлихского района [*Гаджиев М.С.*, 1997. Рис. 2].

2 тип. Статуэтки людей с руками, согнутыми в локтях.

Одна из них представляет собой изображение стоящего коренастого человека с зажатыми в кулаки кистями рук. Голова фигурки увенчана убором, напоминающим фригийский колпак, одежда представлена широкими штанами и заправленной

в них рубашкой⁷, талия опоясана, через правое плечо на левый бок перекинута перевязь. Женские груди и фаллос обозначены полусферическими выступами. Высота фигурки – 56 мм. (Рис. 30, 1). Статуэтка была приобретена А.М. Завадским в 1903 г. из сел. Тисси Андийского округа (Цумадинский район Дагестана) и ныне хранится в ГИМ (сборы П.С. Уваровой, инв. № Б 435/4) [Zakharov A.A., 1933. P. 90. Fig. 122-123; Марковин В.И., 1986. Рис. 7, 11; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 25, 3; Мошинский А.П., 2010. Кат. 159; Брилева О.А., 2012. Кат. 417].

Еще одна такая статуэтка представляет собой изображение обнаженного мужчины с выставленным вперед фаллосом и головным убором, напоминающим шлем с кольчужной сеткой, ниспадающей на него в шлем. Руки опущены вниз и согнуты в локтях, кисти рук обозначены крючками. Пупок опирается на петлевидное основание (Рис. 30, 2). Обнаружена она в сел. Аччи, Ахвахского района историком Д.М. Магомедовым и им же опубликована [Магомедов Д.М., 1985. См. также: Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 25, 12; Брилева О.А., 2012. Кат. 616; 620]. Высота фигурки – 77 мм.

Другая статуэтка с такими же положениями рук происходит из сел. Тлондода Цумадинского района Дагестана и хранится в музее Средней школы № 5 гор. Буйнакска (сборы Б.И. Гаджиева). На ее голове ободок, на талии пояс. Половые признаки не выражены [Марковин В.И., 1986. Рис. 7, 8; Брилева О.А., 2012. Кат. 618]. В эту же группу можно включить статуэтку, обнаруженную в сел. Карата и хранящуюся в ГЭ в составе коллекции А.К.Сержпутовского (инв. N 2091) [Марковин В.И., 1986. Рис. 7, 16].

Несколько особняком в этой группе стоит статуэтка человека из окрестностей сел. Гигатль Цумадинского района (Рис. 31) и ныне хранится в ДГОИАМ (инв. N 18 269). На голове у нее убор с двумя вертикально расположенными козлиными рогами, по основанию которого со лба назад перекинут шнур, концы которого ниспадают на спину. Другой такой же шнур падает на груд и его концы закручены вокруг ушей, создавая впечатление ожерелья. Половые признаки не выделены. Высота фигурки 81 мм. [Марковин В.И., 1986. Рис. 7, 15; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 25, 4; Брилева О.А., 2012. Кат. 417].

Аналогичная, при этом весьма выразительная статуэтка мужчины с такой же позой и подчеркнута выраженным фаллосом была обнаружена в 1914 г. в сел. Зекари (Персати) Грузии (Рис. 30, 3) [Макалатия С.И., 1926. С. 122 126; Zakharov A.A., 1933. Fig. 42 – 43; Марковин В.И., 1986. Рис. 10, 3; Лэнг Д., 2004. Рис. 17; Брилева О.А., 2012. Кат. 555].

IV группа. Статуэтки гермафродитов.

1 тип. Гермафродит.

Одна такая статуэтка изображает человека с подчеркнута выраженными мужскими половыми признаками (торчащим, но обломанным фаллосом) и выразительными женскими грудями. Стройная фигура его стоит на петлевидном основании. Его голова увенчана трехзубчатой гребенчатой короной. Пупок обозначен, руки согнуты в локтях и выставлены вперед: правая несколько отставлена в сторону и приподнята к лицу, левая расположена ниже, на уровне груди. Высота изделия – 121 мм (Рис. 32, 1).

Она обнаружена работником сельского хозяйства Ибрагимом-Мокоч в 1975 г. при строительных работах за верхней окраиной сел. Чадаколоб Тляртинского района. На месте ее находки прослеживается культурный слой и остатки древних строений [Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. 25, 16; Брилева О.А., 2012. Кат. 564].

Половые признаки мужчины и женщины имеет, восседающая на троне фигурка из чадаколобской композиции (Рис. 32, 2) и навершие головной булавки из сел. Чадаколоб (Рис. 32, 3).

Таковыми же признаками характеризуются статуэтки, обнаруженные в Грузии (Макалатия С.М., 1926. Т. 1. С. 122 – 136). Ш.Я. Амиранашвили считает, что изображение грудей в виде круглых выпуклостей не мешает видеть в них изображений мужчин [Амиранашвили Ш.Я., 1963. С. 43, 44].

V группа. Статуэтка женщины с признаками животного.

Она передает образ сильной, рослой, широкоплечей женщины. Довольно реалистично и выразительно изображено женское тело, особенно полные груди и гениталий. На голове из-под короткой прически выступают медвежьи уши, выставленные вперед руки отломаны, нос, губы и подбородок приплюснуты, одна нога сломана, другая окончивается вывернутым копытом животного (Рис. 33). Видимо, к статуэтке применяли акты ритуального избиения. Статуэтка подробно описана О.А. Брилевой [Брилева О.А., 2006. С. 162 –164]. Она обнаружена в 1911 г в пещере житилем сел. Шатой (Чечня) М. Гаирбековым во время охоты и ныне хранится в ГИМ, инв. № Б 1335/1 [Zakharov A.A., 1933. Fig. 128; Марковин В.И., 1986. Рис. 7, 14; Мошинский А.П., 2005. С. 85; Брилева О.А., 2006. С. 162 - 167; 2012. Кат. 415].

VI группа. Композиции парных фигур.

Статуэтки «побратимов» представляет собой изображение двух стоящих на постаменте мужчин с одними руками обнимающими друг друга за плечи и другими – прижимающими к груди. Фаллосы изображены весьма выразительно, на талии показаны пояса (Рис. 34). Статуэтки обнаружены в сел. Шали Шалинского района (Чечня) [Виноградов В.Б., 1972. Рис. 37; Дударев С.Л., 1991. Табл. 52; Марковин В.И., 1986. Рис. 11, 3; Брилева О.А., 2012. Кат. 459].

Другая парная статуэтка представляет собой изображение двух обнаженных людей, переданных в одинаковой статичной молитвенной позе с руками на поясе, без выраженных половых признаков. Происходит она из Хосрехского святилища. Имеет высоту – [Давудов О.М., 1980. С. 277 – 282. Рис. 1, 24; 1983. С. 55. Рис. 7, 6].

2. Скульптурная композиция восседающей на троне женщины и вперёдстоящего мужчины. Она представляет собой изображение двух людей, расположенных друг против друга по сторонам цилиндрического сосуда. Первая фигура изображает крупного человека, восседающего на четырехугольном стуле (троне). Ее голова увенчана коническим убором с вертикальными полосами, шея и грудь украшены ожерельями, запястья рук – браслетами. Половые признаки не выделены: скорее всего, статуэтка изображает гермафродита, но без женских грудей. В этом плане она напоминает статуэтку чадаколобского мужчины в гребеньчатом шлеме. Между ее ногами зажат цилиндрический сосуд. Ее правая рука покоится на сосуде, а левая – на своем боку. Против нее стоит мужчина, ростом достигающим до ее живота. У него четко выражен фаллос, опирающийся в сосуд, правая рука поко-

ится на краю сосуда, левая – на боку. Убор на голове аналогичен убору женщины (Рис. 35).

Размер подставки – 38x38 мм; высота композиции – 75 мм; высота торса женщины, от стула до головы – 55 мм; высота стула – 21 мм; высота мужчины – 51 мм; высота сосуда – 20 мм, диаметр устья сосуда – 18 мм [Давудов О.М., 2013. С. 795-800].

Обнаружил скульптурную композицию около селения Чадаколюб Тляратинского района житель этого же селения Мансуров Шамиль Магомедович при проведении автодороги⁵.

VII группа. Статуэтки всадников.

Статуэтка обнаженной женщины, восседающей на коне в "позе амазонки", опустив обе ноги на правую сторону животного. У женщины подчеркнута выраженные половые признаки – полусферические груди и преувеличенно переданный гениталий. Правой рукой она опирается на круп коня, левой – на холку, где находится конец уздечки. На шее женщины изображена гривна. С затылка на спину ниспадает толстая коса, доходящая до ягодиц. Конский убор передан выразительно. Уздечка состоит из поводьев, оголовья, наносника и псалий. Животное от хвоста до грудей обвязано волнистой веревкой. Женщина восседает на жестком седле. Конь передан в статичной позе (Рис. 36,1, а – б). Статуэтка происходит из культового места вблизи сел. Гигатль Цумадинского района и ныне хранится в ДГОИАМ, инв. № 18314 [Кажлаев Д., 1972. С. 3 – 4; Марковин В.И., 1986. С. 92. Рис. 14,3; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. ; Брилева О.А., 2012. Кат. 320].

2. Статуэтки всадников – мужчин.

Они представлены целой группой одиночных всадников.

Одна из них происходит из “Дидо” и хранится в ГЭ, в составе коллекции Ж. Мурье – 1885-1886 гг., инв. № 2085/2. Она представляет собой изображение всадника в накидке [?] и гребенчатом шлеме. Правой рукой он придерживает узду, левой опирается на круп коня. Ногами он обхватывает коня (Рис. 37, 1).

Еще одна такая же статуэтка всадника происходит из сел. Симашки (Чечни) [Виноградов В.Б., 1972. Рис. 48, 3; Марковин В.И., 1986. С. 92. Рис. 14,4; Брилева О.А., 2012. Кат. 475].

3. Всадник на баране.

Обнаженный мужчина - воин в треугольном головном уборе – гребенчатом шлеме держит рогатого барана между ногами. Руки всадника подняты под углом к подбородку, в правой держит рог, левая обращена ладоню внутрь. Взоры человека и животного обращены в одну сторону, вперед. Фигурки человека и барана отлиты отдельно и подвижно скреплены друг с другом. Высота фигуры человека – 9,7 см; высота барана – 4, 1 см; длина барана – 5,2 см; (Рис. 38).

Статуэтка происходит из сел. Химой (Гатынкалинский район Чечни) и хранится в ГИМ в собрании Г.Д. Филимонова (инв. № 54746, оп. Б 466/122) [Мошинский А.П., 2005. С. 75; 2010. Кат. 166; Любовь и эрос.... Кат. 92; Брилева О.А., 2012. Кат. 476; Бронзовый век, 2013 Кат. 309].

⁵Приношу ему благодарность за любезное разрешение опубликовать композицию.

VIII группа. Антропоморфные подвески или человеческие изображения на туалетных принадлежностях / украшениях.

1. *Подвески в виде мужчин-орантов с четко выраженными мужскими половыми признаками.*

У одной из находок к цепочке из 12 звеньев присоединены две боковые петли и упомянутая статуэтка оранта, к ногам которой прикреплена подвеска с концами, закрученными в волюты (Рис. 39, 1).

Украшение обнаружено на культовом месте Инхоквари (Цумадинский район Дагестана), на горе Сосуго и ныне хранится в ГЭ в составе собрания А.Л. Млокосевиц, инв. № Кз-176 (*Брилева О.А.*, 2012. Кат. 188).

Такие же статуэтки - подвески с петлями на голове найдено еще несколько:

В виде статуэтки мужчины-оранты с руками, поднятыми вверх и отведенными в стороны (Рис. 39, 2) обнаружено на культовом месте Инхоквари (Цумадинский район Дагестана), на горе Сосуго и ныне хранится в ГЭ в собрании А.Л. Млокосевиц (инв. № Кз-2285) [*Брилева О.А.*, 2012. Кат. 191].

Другая аналогичная статуэтка в виде мужчины-оранта с руками, поднятыми вверх и отведенными в стороны также составляет часть украшения (Рис. 39, 3), обнаруженного на культовом месте Инхоквари (Цумадинский район Дагестана), на горе Сосуго и ныне хранится в собрании А.Л. Млокосевиц в ГЭ (инв. № Кз-1985) [*Брилева О.А.*, 2012. Кат. 267].

Бронзовая статуэтка мужчины - оранта с петлей на голове (Рис. 39, 5), доставленная "из Дагестана" немецким ученым Эккертом, хранится в Берлинском музее⁶.

Подвеска в виде статуэтки безбородого юноши – танцора. На голове имеет петлю для соединения с украшениями. Изображение составляло часть какого-то комплекта ожерелья. Левая рука фигурки согнута в локте и поднята к груди в позе танцора лезгинки, правая выставлена в сторону, но отломана. С правого плеча перекинут портупейный ремень, соединенный концами на левом боку. Глаза переданы полусферическими выступами, помещенными во впадины, нос прямой, лицо довольно изящное. Фигурка обломана в области живота. Высота сохранившейся части – 52 мм (Рис. 39, 4). Она обнаружена при строительных работах в окрестностях сел. Хутрах Цунтинского района Дагестана. Доставлена студентом в Историко-этнографический музей Даггосуниверситета и ныне хранится там (инв. № 437).

2. *Навершие бронзовой головной булавки в виде обнаженной женщины с руками на поясе (ферт), восседающей на стуле (троне). Голова, бюст и ноги женщины переданы в реалистической манере, прическа и головной убор не обозначены (Рис. 40). Обнаружена булавка в составе клада из разрушенного святилища, у сел. Чадакоб Тляротинского района Республики Дагестан и ныне хранится в ГЭ (инв. № 2706/49) [*Доманский Я. Пиотровский Ю.*, 1984. С. 36. Рис. 3; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. Рис. 23, 15; *Брилева О.А.*, 2012. Кат. 44]*

4. Имеются сведения о статуэтке обнаженной женщины, сидящей на четырехугольном стуле с младенцем в руках. У нее оригинальный головной убор, на шее – гривна. Ее увидел в свое время в сел. Ратлуб (ныне Шамильский район) Д.Н. Анучин во время своей поездки в Дагестан и описал ее. Впоследствии она стала соб-

⁶ Благодарю М.С. Гаджиева за любезно доставленные материалы.

ственностью фотографа А.С. Роилова, затем попала в коллекцию Великого князя Георгия Михайловича. В настоящее время местонахождение статуэтки не известно [Анучин Д.Н., 1884. С. 443; Иессен А.А., 1935. С. 36. № 41; Исаков М. И., 1966. С. 83, № 1035; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. № 978].

5. *Бронзовый ажурный зооморфный браслет с изображениями людей, переданных в позу оранта.* Браслет имеет пластинчатую форму, суженные разомкнутые зооморфные концы и ажурную поверхность, украшенную сложной композицией геральдически расположенных животных и людей (Рис. 41). Обрамление изделия образуют соединенные между собой концами рог двух стилизованных животных – козлов, расположенных на концах браслета. Внутри обрамления помещены зеркально расположенные изображения голов горных козлов с человеческими фигурками между рогами. Человеческие фигурки переданы в позу оранта – руки с растопыренными пальцами подняты вверх и прижаты большими пальцами к вискам или к головному убору [Давудов О.М., 1981. С. 68; Рис. 1, 6 – 9; Брилева О.А., 2012. Кат. 435].

6. *Навершие со скульптурной композицией в виде двух обнаженных всадников.*

На прямоугольной площадке изображены две лошади (Рис. 42). У левой из них стоящая грива, большие торчащие уши; ноздри и глаза, переданные углублениями и изображение бляхи на лбу, от которой отходит узда. Вторая лошадь аналогична первой, но у нее нет на лбу бляхи и голова повернута иначе. На каждой лошади сидит по всаднику. У левого всадника ноги опущены вниз, подчеркнут половой признак. Правый сидит ближе к холке, слегка наклонившись вперед и упершись короткими ногами. Головы их обломаны, руки согнуты и держат узду. Высота навершия – 11,4 см. Стержень имеет длину – 5,6 см, размер в сечении – 1,1 x 1,1 см. Размер площадки, на которую помещены лошади – 3,5 x 2,9 см. Навершие куплено у кубачинца Саида Магомед-оглы в 1926 г. и ныне хранится в Отделении Средней Азии Отдела Востока ГЭ (инв. № 13761). Впервые навершие опубликовала Е.Е. Кузьмина, она же дала его анализ и интерпретацию [Кузьмина Е.Е., 1973. С. 178-190; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Рис. 19, 30; Брилева О.А., 2012. Кат. 431].

7. *Обломок бронзового навершия какого-то предмета, скорее всего жезла в виде фигуры беременной женщины.* У нее четко выделены полусферические груди с обозначенными сосками, обе руки покоятся на животе (ферт), голова отсутствует, шея передана отростком, украшенным елочными насечками. Возможно, голова была съемной. Беременность передана в виде вздутия нижней части живота с обозначением четырехликого человеческого лица с глазами, от которых прочерчены вниз линии – изображение плачущего ребенка (Рис. 43). Навершие было доставлено полковником Щетихиным в Государственный музей Грузии в конце 80-х годов XIX в. то ли из Казикумуха, то ли из Хасавюрта, где и по-ныне хранится (инв. № 3653) [Давудов О.М., 1991. Рис. 1, 1; Брилева О.А., 2012. Кат. 432].

Среди наших антропоморфных статуэток встречаются итифаллические и фаллические фигурки в рогатом головном уборе с поднятыми вверх руками (по А.Захарову I категория). Их всего в Дагестане обнаружено 4 экземпляра и все в «Андийском округе». Причем в новое время таких статуэток вообще не найдено. Они у нас представлены двумя группами. К первой относится фигурка, опубликованная И.И. Пантюховым [Пантюхов И.И., 1896. С. 58. Рис.16]. Она имеет округ-

лое туловище, суженная талия и четко выраженный фаллос, правую руку поднятую вверх и левую – до уровня плеч, объемную голову, увенчанную убором (маской?) с двумя вертикально поставленными рогами, выпученные глаза, выступающие нос, подбородок и открытый рот. Фигурка стоит на базе.

Ко второй группе относятся три статуэтки, обнаруженные в том же «Андийском округе» и опубликованные тем же И.И. Пантюховым. Они сходны с вышеописанной фигуркой, но имеют несколько отличающийся головной убор, напоминающий шлем-шишак с длинным остроконечным навершием и более выраженные фаллосы. У одного он передан в виде стержня на полусферическом выступе, у другого – в виде торчащего из тела стержня. Причем такой же стержень торчит сзади фигурки как бы пронизывая человека насквозь. В правой поднятой вверх руке статуэтки изображен продолговатый предмет. У нее ноги опираются на основание, у двух других фигурок нет оснований и они сидят в виде «башмаков» на цилиндрических стержнях. Статуэтки были опубликованы С.В. Безоновым, позже – А.А. Захаров а еще позже – С.А. Есяян и В.И. Марковин [Безонон С.В., С. 57-74. Рис.1-4; *Zakharov A.A.*, 1933. Т. XV. С. 66-72. Fig. 1-14; *Есяян С.А.*, 1980. С. 58. Табл. 57, 1-7; *Марковин В.И.*, 1986. С. 84-86. Рис. 9,1-14]. Причем армянские ученые датируют их VI-IV вв. до н.э. [Есяян С.А., 1980. С. 37-38].

Еще в XIX в. было высказано предположение о том, что эти фигурки являются подделками [Bapst G., 1885. P.15]. Эту точку зрения разделяет В.И. Марковин. Они очень схожи между собой, происходят не только из Дагестана, но и из Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и главным образом – из Армении (Арцвани, Зангезур, Саракамыш). Хранятся они в ГИМ, Владикавказском и Смоленском (2 шт.) музеях. Скорее всего, эти изображения связаны с древними культовыми действиями, получившими отражение в традиционном армянском театре [Гоян Г.О., 1950; Гоян Г.О., 1952].

Таким образом, классификация статуэток показывает их многообразие и богатство мифологических сюжетов и зрелость их композиций. Надо отметить, что мастер строго следовал установленным канонам передачи образа. Схематически она выглядит так:

1 категории		– биметаллическая статуэтка.			
2 категории		– бронзовые статуэтки.			
	1 отдел	Статуэтки мужчин и женщин, переданных в позадораии (моления).			
		<i>Группа 1</i>	фигуры с руками, поднятыми вверх ладонями вперед		
		<i>Tun1</i>	фигурки с руками, поднятыми вверх и отведенными в стороны от головы		
			<i>1 вар-т</i>	Объемные	
			<i>2 вар-т</i>	Плоские	
			<i>3 вар-т</i>	Плоские, стилизованные	
		<i>Tun2</i>	с руками, поднятыми вверх и, прижатыми большими пальцами к ушам или к вискам		
			<i>1 вар-т</i>	Объемные	
			<i>2 вар-т</i>	Плоские	
			<i>3 вар-т</i>	Плоские, стилизованные	
		<i>Tun3</i>	с руками на поясе [ферты]		
			<i>1 вар-т</i>	Объемные	

				2 вар-т	Плоские
				3 вар-т	Плоские, стилизованные
2 отдел	Объемные статуэтки, отлитые по восковым моделям.				
	Группа 1	Статуэтки обнаженных мужчин и женщин с распростертыми руками.			
		Тип 1	женские статуэтки.		
		Тип 2	мужская статуэтка		
	Группа 2	Статуэтки женщин.			
		1 тип.	ферт с тремя головами		
		2 тип.	Стоящая в молитвенной позе женщина с руками подняты и приложены ладонями друг к другу		
		3 тип.	Изображения обнаженных женщин в позе объятия.		
		4 тип.	Статуэтки обнаженных женщин с сосудами в руках.		
		5 тип.	Статуэтки обнаженных женщин с ритонами в руках.		
		6 тип.	Статуэтки стоящих беременных женщин с выставленной вперед на уровне груди и согнутой в полукруг правой рукой.		
		7 тип.	Статуэтки обнаженных стоящих женщин с младенцами в руках.		
	Группа 3	Статуэтки мужчин.			
		1 тип.	Статуэтки воинов.		
			1 вар-т.	Воины в защитных доспехах.	
			2 вар-т.	воины-лучники.	
			3 вар-т.	Обнаженные воины с атрибутами в руках.	
			4 вар-т.	Статуэтки обнаженных итифаллических воинов с поднятой правой и опирающейся на бедро или низ живота левой руками.	
		2 тип	Статуэтки воинов с руками, согнутыми в локтях.		
	Группа 4	Статуэтки гермафродитов.			
		1 тип	Статуэтка гермафродита		
		2 тип.	Статуэтки мужчин с согнутыми в локтях и выставленными вперед параллельно друг другу руками.		
	Группа 5	Статуэтка женщины с признаками животного.			
	Группа 6	Композиции парных фигур.			
		1 тип	Статуэтки «побратимов»		
		2 тип	Скульптурная композиция восседающей на троне женщины и впереди стоящего мужчины.		
	Группа 7	Статуэтки всадников.			
		1 тип	Статуэтка женщины, восседающей на коне в "позе амазонки"		
		2 тип	Статуэтки всадников – мужчин.		
		3 тип	Всадник на баране.		
	Группа 8	Антропоморфные подвески или человеческие изображения на туалетных принадлежностях [украшениях].			
		Тип 1.	Подвески в виде людей-орангов.		
		Тип 2.	Подвеска в виде танцора.		
		Тип 3.	Навершие головной булавки в виде обнаженной		

				женщины с руками на поясе [ферт], восседающей на стуле [троне].
			Тип 4.	<i>Бронзовый ажурный зооморфный браслет с изображениями людей, переданных в позе оранта.</i>
			Тип 5.	<i>Навершие со скульптурной композицией в виде двух обнаженных всадников.</i>
			Тип 6.	<i>Обломок бронзового жезла в виде фигуры беременной женщины.</i>

Прежде, чем перейти к другой теме необходимо акцентировать внимание на особенностях одежды, обуви, головных уборов, причесок, бород и знаков на теле статуэток. О.А. Брилева проделала эту работу на материалах статуэток всего Кавказа. Наша задача скромнее – привести особенности статуэток Северо-Восточного Кавказа.

Одежда.

Как правило, статуэтки изображают обнаженных мужчин и женщин. Изредка встречаются одетые персонажи. Гигатлинский воин, например, одет в длинный кафтан с боковыми вырезами подола и его выемками спереди и сзади (Рис. 25, 1; 49, 4). В такой же кафтан одет воин-ллучник из Чечни (Рис. 26, 1). Только боковые вырезы здесь не видны. Этот тип верхней одежды характерен для воинской знати и правящей верхушки позднесаснидской империи (Рис. 27). В такой же кафтан облачен воин из Кидиладан (Рис. 26, 2; 49, 1). Только подол кафтана у него ровный. Статуэтка из сел. Тисси Цумадинского района одет в заправленную в брюки рубашку (Рис. 30, 1).

На гигатлинской и тиссинской статуэтках доволно широкие брюки (Рис. 25, 1; 30, 1). А вот на чеченской и кидиладанской – облачение, обтягивающее ноги.

Вся эта одежда была в моде в известных в то время политических центрах и указывает на высокое положение их носителей.

Головные уборы имеет большинство статуэток. Исключение составляют статуэтки без обозначения причесок и головных уборов. Головные уборы представлены самыми разнообразными формами (Рис. 45). Среди них встречаются колпаки в виде конических и цилиндрических тюбетеек, тюбетеек с коническим верхом, уплощенных колпаков, конических колпаков с попоной в конце, корон разных форм и очертаний (пятизубчатые, у некоторых в профиле три или шесть зубцов, витого ободка, ободка с перетяжками), шлемами (шишаки, гребеньчатыми шлемами разных форм), женский убор, напоминающий дагестанское чохто, убор в виде шлема с забралом. На голове одной статуэтки изображены рога козла.

Обувь различается двух видов. У основной группы статуэток они напоминают современные сапоги без каблуков. На статуэтке воина из сел. Карата Ахвахского района (Рис. 25, 3; 47, 19) изображены сапоги с загнутыми вверх носками. Такая обувь характерна для древних хеттов, хурритов, а также народов Западного, горного Дагестана, Грузии и Северо-западного Ирана.

Пояса.

На статуэтках видны пояса с пряжками (четырёхугольные и круглые) и без пряжек (иногда пояса состоят из двух ремней), портупейные ремни, перекинутые с правого плеча на левое бедро или перекрещивающиеся на груди. У некоторых статуэток пояса и портупейные ремни широкие и имеют поперечные деления (Рис. 47, 1 – 5).

Украшения и туалетные принадлежности. На многих статуэтках изображены ожерелья, шейные гривни, ручные и ножные браслеты. На гигатлинской статуэтке с рас-

простертыми руками (Рис. 17, 2) изображены три шейные гривни и по-два браслета на обеих руках. У статуэтки с сосудом из сел. Тинди (Рис. 21, 5) на шее изображены две витые гривни, в ушах – подвески с обратной петлей, на обеих руках – по-одному витому браслету, а на талии – двойной витой пояс с четырехугольной пряжкой. На гигатлинской статуэтке с ритонном в руках (Рис. 22, 1) на шее изображены две гривни, на обеих руках – **по-одному** браслету, на ногах – по-четыре браслета, на талии – двойной пояс. На статуэтке с ритонном "из Дагестана" (Рис. 22, 2) на шее изображена гривна, на руках – по-одному браслету. У другой статуэтки "из Дагестана" (Рис. 22, 3) и статуэтки из окрестностей сел. Корода (Рис. 22, 4) на шее изображены по-одному витой гривни. У женщин с младенцами на руках из сел. Анди (Рис. 24, 1) и сел. Хутрах (Рис. 24, 2) на шее по-одной гривни. У гигатлинского воина (Рис. 25, 1) на шее гривна, на обеих руках – по-одному браслету. На шее чеченского лучника (Рис. 26, 1) гривна. На шее и груди фигуры, восседающей на "троне" просматриваются изображения ожерелий, нанесенные рельефным литьем (Рис. 32; 35 а, б). У гигатлинской всадницы на шее витая гривна (Рис. 36, 1).

Прически.

У основной массы статуэток прически не обозначены. Из многочисленных статуэток адорантов только у одной объемной статуэтки из окрестностей сел. Инхоквари (Рис. 6) показаны две сплетенные толстые косы с закругленными концами, доходящие до середины спины. У женской статуэтки с распростертыми руками из окрестностей сел. Гигатль Цумадинского района из-под конического головного убора на спину ниспадает одна толстая коса с двумя шариками, подвешенными к концу (Рис. 17, 1). У другой статуэтки с распростертыми руками "из Дагестана" (Рис. 17, 2) из-под цилиндрической короны - "тюбетейки" на грудь опущены две косы, к концам которых подвешены по-два шарика. У статуэтки с руками "в позе объятия" на спину ниспадают собранные в пучок волосы. У одной из статуэток с сосудом в руках из сел. Анди (Рис. 21, 1) на спину перекинута сплетенная толстая коса. Такая же коса, доходящая до ягодиц имеет статуэтка всадницы из окрестностей сел. Гигатль Цумадинского района Дагестана (Рис. 36, 1). У статуэток с ритонами в руках прически обозначены у двух из четырех. У статуэтки из окрестностей сел. Гигатль из-под пятизубчатой короны на спину ниспадает доходящая до шиколоток толстая сплетенная коса с трапециевидной подвеской на конце. На висках этой статуэтки обозначены закрученные в кольца локоны. У другой статуэтки "из Дагестана" из-под короны на спину падают собранные в пучок волосы (Рис. 22, 2). У всех статуэток беременных женщин, потирающих левой рукой живот (Рис. 23, 1 – 6). из-под "тюбетейки" на спину падает коса, доходящая до ягодиц. А женщина с медвежьими ушами из Чечни имеет короткую прическу.

Мужские прически существенно отличаются от женских. У статуэток гигатлинского воина (Рис. 25, 1) из-под шлема-шишака, у лучника из Чечни из-под гребенчатого щлема (Рис. 26, 1) и другого лучника из Кидилашан (Рис. 26, 2) на шею падают сравнительно короткие волосы. У них одинаковые прически. Такая же прическа у бородатого воина из культового места Берак у сел. Арчо (Рис. 28, 1). А у другой статуэтки мужчины из этого же культового места Берак (Рис. 28, 3) имеется длинная борода и длинные распущенные волосы, доходящие до середины спины.

Знаки на теле. Они встречаются на некоторых фигурках и представлены солярными знаками, ромбиками, зигзагами с точечными насечками. На вздутом животе беременной женщины "из Дагестана" (Рис. 23, 1) графической резьбой изображены зигзаги,

между которыми помечены глубокие ямки. На фигурки адорантов нанесены круги, круги с точками в центре, двойные круги с точками в центре. Иногда они нанесены на груди, иногда – на груди и ладони, а иногда на место груди и пупка. На некоторых фигурках адорантов груди и пупок обозначены глубокими точками. На фигурки нанесены ромбики и портупейный ремень – две косые параллельные линии, соединенные между собой поперечными полосками.

ГЛАВА IV

ХРОНОЛОГИЯ СТАТУЭТОК

Как видно, на территории Северо-Восточного Кавказа обнаружено большое количество разнообразных бронзовых антропоморфных статуэток малых размеров, разделенных нами на разные классификационные группы. Большую группу составляют плоские или пооско-вогнутые фигурки. Выделяются формы объемные. Среди них встречаются реалистические и стилизованные, а также формы, переходящие от реалистических изображений к стилизованным. Почти все они происходят из различных культовых мест или обнаружены случайно различными строителями или местными жителями при земляных работах. Из хорошо датированных памятников происходят каратинские плоско-вогнутые статуэтки оранта и ферта. В какой-то степени к этим фигуркам можно добавить находки из хутора Беледи Ботлихского района. Поэтому датировка этих статуэток актуальна. При этом надо учесть особенности памятников. Как правило, на культовых местах накапливался клад в течение продолжительного времени и современный исследователь может обнаружить архаичные предметы вместе с более поздними вещами. Именно поэтому датировка статуэток архивирована. Даже в тех случаях, когда в закрытых комплексах статуэтка встречается вместе с хорошо датирующим предметом и даже в этом случае нельзя исключить вторичное использование архаических предметов в более позднее время. Только тщательный анализ каждого типа статуэток может дать положительный эффект.

Мы выше приводили историографический обзор исследования антропоморфных статуэток. Здесь же коротко отметим историю установления их дат, чтобы нагляднее показать историю развития их датировки.

А.А. Иессен относил их к I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. и доводил время их бытования до распространения ислама [Иессен А.А., 1935.С. 34, 37]. Это была чрезвычайно осторожная и верная датировка. Все последующие исследователи в той или иной мере присоединились к этой точке зрения. А.П. Круглов выявил и опубликовал целый ряд антропоморфных и зооморфных статуэток из горного Дагестана и определил их даты в рамках V-IV вв. до н.э. [Круглов А.П., 1946.С. 37-39].Его точку зрения принял И.В. Мегрелидзе, который собрал в Дидо и опубликовал статуэтки адорантов, фертообразных фигур, изображения воина-лучника и животных

[Мегрелидзе И.В., 1951.С. 291]. Д.М. Атаев также принял точку зрения А.П. Круглова, отметив, что объемные статуэтки относятся к эпохе раннего железа, а плоско-вогнутые – к эпохе средневековья [Атаев Д.М., 1965.С. 116-117; Атаев Д.М., 1970]. Мы также определили хронологию объемных статуэток в пределах эпохи раннего железа [Давудов О.М., 1969.С. 181-194]. В.И. Марковин отрицал возможность датировки антропоморфных статуэток Северо-Восточного Кавказа в рамках средневековья [Марковин В.К., 1974.С. 345-348]. В.Б. Виноградов, проанализировав антропоморфные и зооморфные статуэтки Чечено-Ингушетии (Ичкерии), определил их даты в рамках VI-IV вв. до н.э. [Виноградов В.Б., 1972. С. 280-283. Рис. 37; 48, 3,5; 67, 1-3]. Специалист по индоевропейской археологии Е.Е. Кузьмина издала бронзовое навершие с двумя всадниками-близнецами из Дагестана (сел.Кубачи³) и определила его дату в пределах рубежа II-I тыс. до н.э. [Кузьмина Е.Е., 1973.С. 178-183].

Позже В.И. Марковин вновь обратился к проблеме датировки антропоморфных статуэток и датировал их временем от II тыс. до н.э. до V в. до н.э. [Марковин В.К., 1986.С. 107]. Среди изданных им фигур была гигатлинская статуэтка воина в боевом доспехе (круглый щит за спиной, конический шлем) при холодном оружии и с отрубленной головой поверженного врага в руках. Эту статуэтку он датировал скифским временем [Марковин В.И., 1986. С. 90-95. Рис. 12, 24]. Эта точка зрения тогда получила признание. Так специалист по оружию М.В. Горелик отнес ее к изображениям раннескифского воина, определив дату в пределах первой половины VII - начала VI в. до н.э. [Горелик М.В., 1987.С. 51]. Одновременно с ним высказал свои соображения о датировке гигатлинской статуэтки воина и автор настоящей работы [Давудов О.М., 1987.С. 55-57]. Позже мы более подробно обосновали свои аргументы в специальной статье и в докладе, прочитанном на научной конференции в Шлезвиге (Германия) [Давудов О.М., 1991. С. 75-78; Davudov O.M., 1996. P. 47-56]. Появление статуэток в позе адорации в Дагестане С.С. Бессонова относит к V в. до н.э., связав их с походами скифов в Переднюю Азию [Бессонова С.С., 1983.С. 98].

М.С. Гаджиев обосновал даты фертообразных статуэток, статуэток орантов и воинов в рамках VI-X вв. [Гаджиев М.С., 1996. С. 94-50; 1997. С. 222-228; 2000. С. 34-37; 2001. С. 76-86; 2006. P. 199-212]. В И. Марковин не согласился с его доводами [Марковин В.И., 1999.С. 213]. В основе спора лежит гигатлинская статуэтка воина. Доводы М.С. Гаджиева, когда он приводит предметы вооружения воина, меня тоже не убеждают. На воине он видит иные формы вооружения, чем другие исследователи: вместо акинака – длинный меч с прямым перекрестьем и цилиндрическим навершием. Действительно, как М.С. Гаджиев говорит, такие предметы, как шлемы-шишаки, круглые щиты были распространены не только в скифское время, но и в средневековье. Что касается меча на гигатлинском воине, то ее трудно принять за длинный сарматский меч. "Я так вижу" –слабый аргумент. Судя по пропорциям кинжал воина не превышает длины акинака – 50-60 см. А сарматские мечи достигали 1 м и более. Их навершия, в том числе цилиндрические не сильно выступали за пределы ствола рукоятки. Я не исключаю, что мастер допустил вольности или неточности при изображении доспехов и предметов вооружения или не смог точно передать то что хотел. Получилось не то что хотел изобразить. Не ис-

ключаю, что здесь изображены какие-то не известные нам местные формы вооружения или известный иранский тип мечей. Не вызывает спора фасон верхней одежды воина и он здесь датирует статуэтку более убедительно и надежно, чем все остальные атрибуты. Гигатлинский воин передан в той же верхней одежде с боковыми разрезами и выемкой спереди и сзади, что и позднесасанидские правители и вельможи с зеркал из коллекции Государственного Эрмитажа. Мнение М.С. Гаджиева о хронологии антропоморфных дагестанских статуэток поддержал английский исследователь Р. Ченсинер [*Chenciner R.*, 1999. P. 59–79] В серии работ, посвященных анализу антропоморфных статуэток Кавказа О.А. Брилева предложила довольно обстоятельный анализ кавказских антропоморфных статуэток, их классификацию и датировку. При датировке фигур она в целом следует за своим учителем, хотя она в ходе обстоятельных исследований и внесла много рационального и нового [*Брилева О.А.*, 2008; 2007. С. 155–169; 2004. С. 28–29; 2005. С. 26–28; 2005а. С. 65–66; 2006. С. 59–31; 2006а С. 162–167; 2006б. С. 125–129; 2007а. С. 106–110; 2007б. С. 363–366; 2008. С. 67–70; 2008а].

Как видно из вышеприведенного краткого обзора работ исследователей антропоморфные статуэтки отнесены или к широкому хронологическому диапазону времени от конца II тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. или только к эпохе раннего железа, или к раннему средневековью. Такой разницей в датировке статуэток объясняется особенностями самих культовых предметов, на которые мы указывали выше и их происхождения. Во многих случаях на культовых местах жертвенные предметы клались по мере необходимости и со временем накапливался клад, за которым следили его служители [*Пицхелаури К.Н.*, 1979]. В таком кладе можно встретить архаичные предметы и рядом с ними – более поздние. Но ограничения могут быть установлены в пределах археологических культур, к которым относится святилище. Точная дата статуэток Западного Дагестана определяется в пределах археологической культуры, представленной Бежтинским могильником и близким ему Харачойским и Дайским могильниками Чечни. Надо сказать, с датировкой и здесь существует проблема.

Мы неоднократно обращали внимание на то, что дата, предложенная Д.М. Атаевым для Бежтинского могильника VIII–X вв. верна лишь для основной группы погребальных сооружений [*Давудов О.М.*, 1996. С. 233 – 235]. Среди находок имеются весьма архаичные изделия и есть множество предметов, изготовленных по иной, более поздней технике. На наличие на Бежтинском могильнике более архаичных погребений обратил внимание и Х. Мамаев [*Мамаев Х.*, 2010. С. 186 – 188]. Более того, позже выяснилось, что Д.М. Атаев не довел до конца основной раскоп на Бежтинском могильнике. В Институт ИАЭ ДНЦ РАН поступили материалы, найденные на раскопе Д.М. Атаева. Естественно любители не довели до конца и эту часть раскопа [*Абакаров А.И., Магомедов Р.Г., Исмаилов М.-С.И.*, 1998. С. 105–112; Рис. 1–6].

На Бежтинском могильнике наиболее архаичными являются баночные керамические сосуды, горшки, кувшины со сливными носиками, кувшины с цилиндрическими расширяющимися кверху горловинами, длинные железные мечи, наконечники стрел (трехлопастные черешковые, плоские с опущенными жалами – "плосчики"), разные привески, головные булавки, пряжки и т.д. Локальные признаки

могильника особенно выразительно передают подтреугольные ажурные пряжки, наиболее архаичные образцы котопых генетически связаны с кобанской культурой и бляхи. Такие пряжки и бляхи встречаются и на других памятниках Западного горного Дагестана.

К Бежтинскому могильнику близки Харачоевский и Дайский могильники IV – XII вв. из Горной Чечни [Багаев М.Х., 2008. С. 101 – 173]. К сожалению интересующихся нас памятников более раннего времени здесь, в этом районе не обнаружено, хотя иные источники указывают на большую древность некоторых артефактов. Правда в этом плане интересно святилище на окраине сел. ЧадаколотГляратинского района Дагестана. Здесь был обнаружен сосуд, который содержал разнообразные бронзовые изделия, преимущественно украшения. К ним относятся и статуэтки. Я. Доманский и Ю. Пиотроовский датировали их в пределах второй четверти I тысячелетия до н.э. [Доманский Я., Пиотровский Ю., 1984. С. 37]. Первоначально эта дата не вызывала сомнения. Однако, привлеченные нами дополнительные материалы из этого же клада, позволяют расширить дату комплекса до VII – IX вв. [Давудов О.М., 2013. С. 84-97; Давудов О.М., 2013 а. С. 795-800]. Вместе с тем ранняя дата святилища нуждается в дополнительном исследовании.

В тоже время письменные источники приблизительно со второй половины I тысячелетия до н.э. на этой территории локализуют предков современных дидойцев, известных у античного автора Плиния как дидуры (diduri), у армянских авторов – дидои, у грузинских авторов – dido-el-ni. По А. Широкацидидойцы называются "Дидоци", по Моисею Хоренскому – "Дидои", по сирийским источникам – "Бет-Даду". Правда, существует этногенетическое предание, приведенное в компилятивном сочинении "География" Вахушти о том, что "когда Александр Великий (Македонский) осаждал город Саркинет, тогда эти дидойцы, просверлив саркинетскую гору, прошли незаметно по потаенному ходу, прибыли в Дидоэтию и поселились тут, сохранив до сих пор тогдашние свои и веру и обычаи" [Вахушти Б., 1904. С. 326]. Этому преданию придает правдоподобие сообщение того же Вахушти о том, что «Царь Грузии Фарнаваз (II в. до н.э.) посадил Эретиэриставомтушов и дидойцев» [Вахушти, 1904. С. 326]. Им и приписывает Д.М. АтаевБежтинский могильник, датированный им VIII – X вв. [Атаев Д.М., 1963. С. 187 – 191].

Античный автор Плиний (22/24 – 79 гг. н.э.) локализует дидур между сильвами, лупениями и содами, недалеко от "Кавказских ворот" [Плиний. VI, 29,30]. По К. Птолемею они располагаются рядом с тусками между горой Кавказом и Керавнскими горами [Птолемей К. V, 8,7-25]. Здесь в "тусках" безо всякого труда можно узнать этнографическую группу горцев Восточной Грузии "гушин", проживающих между Главным Кавказиим и Перикитинским хребтами, а в дидурах – дагестанских дидойцев, занимающих территорию между Главным Кавказским, Снеговым и Богосским хребтами. В "Географии" Вахушти дается обстоятельное описание страны Дидоэти, занимающей целую систему горных отрогов и речных долин: "Дидоэтия состоит из двух ущелий, и по ней протекает речка, которая в Лезгистане называется КозлухомКойсу). Восточнее этой речки протекает другая речка, а между обеими сими реками растянулся один из отрогов Кавказа. Последняя речка впадает в первую. Оба ущелья Дидоэтии граничат: с востока Кавказом, лежащим между Евари (Авария?), Лекетией и Дидоэтией; с юга – речкой Двалетии и одним

из северных отрогов Кавказа; с запада – Кавказом, лежащим между Дидоэтией и кахетинской провинцией Гагма-мхари; с севера Кавказом, лежащим между Дидоэтией и Тушетией. Эта страна весьма замкнута и неприступна; скудна как Овсетия и даже более чем Овсетия [Вахушти, 1904. С. 326]. Таким образом, локализация дидойцев на территории их современного расселения не вызывает сомнений⁷.

У самих дидойцев сохранились различные этногенетические легенды, которых небезынтересно привести здесь.

Согласно одной из них первоначально дидойцы жили в районе современного селения Телави в Грузии. Во главе их стоял умный и могущественный царь Диди. Но грузины коварно убили его, а сами разгромили дидойцев. После этих событий дидойцы вынуждены были уйти из Кахетии и перейти горы через Кодорский перевал. В "Географии" Вахушти имеются сведения о том, что тушины и дидойцы первоначально входили в состав удела Лекоса, но впоследствии были покорены грузинами и обложены данью. Когда случился раздел Грузинского царства дидойцы подчинились кахетинским царям [Вахушти. Ук. соч.,]. Это говорит о каких-то исторических реалиях, получивших отражение в легендах. Вместе с тем она указывает на глубокие и тесные связи дидойцев с соседними грузинами, о чем ниже подробнее будет сказано.

По другой легенде дидойцы первоначально жили в одном селении Хамаитль (Хамаикь). Правил ими царь Лeko (ЛекЮ). Поскольку дидойцам стало тесно жить в одном селении царь по жребию отправил их по частям в разные места дидойской территории: часть жителей отправил в наиболее благоприятный район, где они основали селение Кидеро, другую – в район, где было основано селение Шаитль (Шаикь), третью – в район, где было основано сел. Асах, четвертая осталась на месте. Первые переселялись с песнями, вторые в сопровождении зурны и барабанного боя, третьи – с плачем – им достались самые плохие места.

Бежтинский могильник, расположенный в Цунтинском районе Дагестана, а также Дайский и Харачойский могильники, расположенные в горной Чечне, важны не только для изучения этно-культурной истории дидойцев, но и гинухцев, гунзибцев, бежтинцев, хваршинцев, тиндийцев и т.д., материальная культура которых близка между собой. Они в интересующее нас время составляли единый этнокультурный и политический конгломерат.

Интересные сведения, проливающие свет на историю гинухцев, приводит Тацит. В борьбе за Парфийский престол схватились два претендента из династии Аршакидов – Вонон, воспитанный в Риме и Артаван III, воспитанный у дахов. Когда престол достался Артавану Вонон в 19 г. н.э. "... предпринял попытку перебежать в Армению, чтобы перебраться оттуда к албанам и гениохам и далее к своему родичу царю скифов..." [Тревер К.В., 1959. С. 116; Тацит. Анналы. II, 68]. Переводчик Тацита В. Модестов, отмечая в комментариях гениохов, прилегающих к

⁷ Далее Вахушти пишет: "Дидойцы имеют свой собственный язык. По вере они язычники и почитают выше всего дьявола. ... Они почитают стариков, которые заседают на совещаниях, разбирают и разрешают дела, чинят мир и расправу. ... одеваются в черное платье, шитое из сукна и войлока. По причине замкнутости страны, они остаются невредимыми со стороны врагов. Дидойцы искусны, ... но их чохи и бурки другого фасона: чоха их делается из грубого сукна, а бурки бывают с длинными мохнатыми волосами и непременно черные, а не другого цвета".

Черному морю, напоминает, что это этническое наименование сохранилось и у лезгинских племен "гайнухов" (гинухцев— О. Д.) [*Тацит*. Соч. 1887. С. 120]. Н.Я. Марр прямо сопоставляет этноним гениохов с наименованием современных гинухцев, проживающих в Цунтинском районе Дагестана [*Марр Н.Я.* Кавказские племенные названия..., с. 22; прим. 22]. Он же обратил внимание на то, что этот термин в числе названий "сарматской группы" встречается у армян [Армянская география VII в., С. 37; прим. 1; *Птолемей К.* V, 9,12]. С.Т. Еремян приводит сведения о "царстве махелонов и гениохов". Причем он четко различает царство гениохов и махелонов (макронов, Мачахельни—О. Д.) в Причерноморье от гениохов и Махелонии Восточного Кавказа. Правда, он пытается локализовать гениохов рядом с царством маскутов в Южном Дагестане, приняв его за Махелонию персидских источников [*Еремян С.Т.*, 1967. С. 48-57]. В этой связи интересно привести сообщение Псевдо-Арриана: "... за гениохами же выше лежит море, называемое Каспийским, имеющее вокруг себя племена варваров, питающихся кониной" [*Псевдо-Арриан*. Обезд Эвксинского Понта. 50 [9]. Все это позволяет допустить локализацию гениохов на территории Западного Дагестана и сопоставить их гинухцами, проживающими в современном селении Гинух Цунтинского района. Эта локализация подтверждается и тем, что Махелония размещается не к югу от Дербента, а в Кахетии и верховьях реки Аргун, по обе стороны Главного Кавказского хребта. При этом надо заметить, что ингуши у осетин известны под названием Махелоны.

Удачно локализуются и "тидии", упоминаемые Плинием, с современными тиндинцами, проживающими в Цумадинском районе: "... Некоторые помещают ... у Кавказского хребта — икатели, раммы, андаки, тидии, карастасеи, авфианды". В настоящее время на территории Дагестана в селениях Тинди (Тинди-Идари-Иди), Ангида (Ангьида), Акнада (Агьиначи), Эчеда (Эчейи), Тисси (Мильчили, Исси) Цумадинского района проживают около 5 тысяч тиндинцев или тиндаляльцев (некоторые называют их "Тиндалы"). Они входят в состав андийской группы народностей, к которым относятся сами андийцы, годоберины, каратинцы, ахвахцы, багвалалы и чамалалы. В древности и в интересующее нас время территория их расселения, видимо, была значительно более обширной. Как выше указывалось, Харачойский и Дойский могильники из Ичкерии близки к Бежтинскому могильнику. В самом Дагестане на значительной территории Шамильского района, по Хунзахскому плато и в долине Андийского койсу вплоть до Миатлинской теснины в большом количестве встречаются доаварские топонимы и гидронимы андийского происхождения [*Сулейманов Я.*, 1964. С. 117-118]. К ним относится топоним "килятль" (килалальль)—хутор, Мехельта (Мельелтла) — у солнца, на солнечной стороне и т.д. На миграцию собственно аварских племен на эту территорию обратил внимание Ш. И. Микаилов. Он отметил в аварском языке два диалекта, северный и южный, а также вклинившийся между ними переходный. Эта языковая ситуация объясняется перемещением аварцев на территорию современного расселения, как минимум тремя волнами, каждая из которых соответствует диалектной группе [*Микаилов Ш. И.*, 1958. С. 22,24. Карта].

Таким образом, письменные источники указывают на вероятность выявления на территории Западного Дагестана памятников, восходящих к III — II вв. до н.э.

Следовательно, наиболее ранние антропоморфные и зооморфные статуэтки Западного Дагестана, связанные с упомянутыми памятками, могут относиться к III в. до н.э. Не исключено и то что среди статуэток могут встретиться и более архаичные образцы, которые сохранились с более раннего времени. Но они относятся к другому историко-культурному миру.

Если верны сведения, поступившие из разных мест Дагестана об условиях находок статуэток, то они бытовали довольно продолжительное время. Естественно предположить, что наиболее стилизованные статуэтки могут быть отнесены к позднему времени, а наиболее реалистичные и объемные к раннему времени.

Следовательно, хронологические рамки статуэток Западного Дагестана ориентировочно определяются в пределах III в. до н.э., когда впервые упоминается о ди-дойцах и сопредельных племенах и временем, когда ислам вытеснил язычество из Западного Дагестана.

Первоначально статуэтки отливались по восковым моделям с применением формовочной массы. Позже формовочную массу перестали применять, еще позже их стали отливать в одностворчатые формы. При этом актуальным остается вопрос, когда стали изготавливать плоско-вогнутые статуэтки в одностворчатые формы и перестали изготавливать объемные, иными словами - когда появилась техника литья в одностворчатые литейные формы, т.е. когда стандартизировалось производство статуэток.

Наиболее поздней из объемных статуэток, судя по исследованиям М.С. Гаджиева, является фигурка воина из Гигатлинского культового места [Гаджиев М.С., 1996. С. 49–50; 1997. С. 122–128; 2000. С. 94–97; 2001. С. 76–86; 2000. Р. 199–201]. Объемная фигурка воина из Гигатлинского культового места, статуэтка лучника из Чечни облачены в верхние одежды, характерные для правящей элиты сасанидского Ирана (Пероз – 457–484 гг. и Хосрова I Ануширван – 591–628 г. и его военачальников), изображенные на блюдах из собрания Государственного Эрмитажа [Луконин В.Г., 1960. Рис. 8; 9,5; Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987. С. 73–75, 108–109. Табл. 18(8); 19(1)]. С.А. Яценко полагает, что во второй половине V в. в сасанидском Иране появляются особый «вздутый» подол с глубокими боковыми разрезами и краем подола, вырезанным дугой внутрь [Яценко С.А., 2006. С. 216–217. Рис. 164, 165]. Сасанидский Иран вплоть до своего падения под ударами Арабского халифата в 654 г. оказывал свое культурное и политическое влияние на Закавказье и Дагестан. Именно под влиянием сасанидов могли возникнуть представления о царских одеяниях в Дагестане, соответственно изобразить своих божеств и обожествленных героев в престижных одеяниях, популярных среди тогдашней высшей знати. И это событие могло произойти не ранее середины V в. и не позднее 654 г., когда сасанидский Иран перестал существовать. Следовательно, в это время объемные статуэтки все еще производились в Западном Дагестане.

Появление техники производства плоско-вогнутых статуэток документируют материалы Каратинского могильника. Как выше говорилось, на Каратинском могильнике было расчищено разрушенное погребение, где были обнаружены 4 плоско-вогнутых статуэток женщин и одну статуэтку мужчины, миниатюрную ритуальную бронзовую ложечку с утолщениями в виде куба со срезанными углами в конце и середине ручки [Исаков М. И., 1966. С. 87, № 1071]

Из погребения на хуторе Беледи происходят бронзовые предметы: ложечка с ручкой, украшенной двумя валиками, объемная антропоморфная мужская фигурка воина с поднятой вверх одной и опущенной вдоль туловища другой руками и шлемом, увенчанным ромбовидным окончанием на голове, фигурка козла с острыми, отогнутыми назад рогами [Исаков М. И., 1966. С. 86, № 1061; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. № 565]. Аналогичные ритуальные ложечки найдены на раннесредневековых могильниках Дагестана еще 6 экз. (Килятль – 2, Бухты –1, Зиберхали – 1, "Из Дагестана" в ДГИАМ – 1, Дуранги – 1) [Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. С. 76. Рис. 31, 4, 17, 18; Атаев Д.М., 1963. С. 69 - 70. Рис. 6,4, 7], в Чечне 3 (Харачойский могильник) [Виноградов В.Б., 1970. Рис. 3,2; Багаев М.Х., Виноградов В.Б., 1972. Рис. 1,5; Багаев М.Х., 2008. С. 140. Рис. 222, 34 - 36]. Обнаружены они на раннесредневековых памятниках Северной Осетии [Уварова П.С., 1900. Табл. СШ, 16; Ковалевская В.Б., 1983. С. 43 - 50. Рис. 2, 13; ГИМ. инв. № 2703], Кабардино-Балкарии [Минаева Т.М., 1951. С. 287. Рис. 14,6; МАК, I. Табл. XXVI, 103] и даже в Древней Руси [Седов М.В., 1972. Вып. 129. С. 70 - 76. Рис. 24, 16]. В Крыму они датируются временем от V в. до XII в. [Засецкая И.П., 1979. С. 11. Рис. 1,5,43; Веймарн, 1979. С. 36. Рис. 2,6], а на могильнике "Мокрая балка" – VII - VIII вв. [Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001. Рис. 15, 14; 23, 11; 32, 9; 114, 3 - 4; 123, 6]. В рамках VII - XII вв. они датируются и в Дагестане. В это время в западном Дагестане прекращают производство объемных статуэток и начинается производство плоских или плоско-вогнутых статуэток. Время возникновения техники литья в одностворчатые литейные формы уточняют материалы раннесредневековых памятников Дагестана. Так на Бежтинском могильнике VIII–X вв. широко представлены украшения и туалетные принадлежности (бляхи, зеркала, различные украшения), отлитые в одностворчатые литейные формы. Следовательно можно допустить, что в Западном Дагестане приблизительно с VIII в. стали производить плоские или плоско-вогнутые статуэтки, отлитые в одностворчатые формы и перестали производить объемные статуэтки. Следовательно плоско-вогнутые статуэтки датируются временем, начиная от VIII в. до появления ислама в Западном Дагестане, при котором идолопоклонство было запрещено. При этом в соседней Хевсуретии идолы сохранялись еще в XIX веке [Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., 2010. С. 161].

Прежде всего отметим, что исходя из степени стилизации плоские или плоско-вогнутые статуэтки орантов и фертов относятся к трем хронологическим этапам. Естественно предположить, что наиболее стилизованные статуэтки могут быть отнесены к позднему этапу, а наиболее реалистичные, объемные – к раннему времени, т.е. до VIII в. Промежуточное положение занимают статуэтки, найденные в Каратинской «разрушенной могиле». Более поздние «оранты» имеют гипертрофированные руки, а ферты – весьма условно переданные фигуры.

Изображения людей, переданных в позе орантов, встречены в зооморфной композиции бронзового браслета, найденного в окрестностях высокогорного селения ХушетЦумадинского района. Плоско-вогнутые фигурки, как показывают дагестанские материалы, начинают производить с VIII в. К этому же времени относится и хушетский браслет. Вместе с тем имеющиеся материалы показывают ее генетические связи с глубокой древностью. Наш браслет композиционно близок к пластин-

чатый кобанским браслетам с зооморфными концами (VI тип по классификации В.И. Козенковой), датированным В.И. Козенковой временем «не позднее VIII в. до н.э. и раньше» [Козенкова В.И., 1982. С. 47, прим. 103], а В.Б. Виноградовым - VIII - VII вв. до н.э. [Виноградов В. Б., 1979. С. 118 -119]

Изображения человеческих фигур на головах животных мы отмечаем на луристанских бронзовых предметах. Тоже самое характерны для памятников кобанской культуры. Так, на голове скульптурных изображений голов оленей из Кобанского и Кумбултского могильников переданы человеческие фигурки, ухватывшиеся руками за длинные уши или ветвистые рога [Уварова П.С., 1900. С. 66. Илл. 185]. В.В. Кривицкий датирует изображение человека на голове зверя концом II - началом I тыс. до н.э. [Кривицкий В.В., 1980. С. 40], а Я.В. Доманский – первой половиной I тысячелетия до н.э. [Доманский Я.В., 1984. С. 66. Илл.185].

Теперь более подробно остановимся на датировке некоторых статуэток.

Ранее мы показывали связь статуэтки воинов из Дагестана с образом дэвоборца, появившегося на Кавказе в период сасанидского правления [Давудов О.М., 2012. № 1 (29). С. 104-132; Давудов О.М., 2015. № 44. С. 38-42]. Это означает, что статуэтки воинов (1 и 2 типы 3 группы) могут быть датированы в пределах сасанидской эпохи (III – VII вв.). При этом подаются уточнению в рамках этой эпохи статуэтки воинов, облаченных в кафтаны. Как выше уже указывалось, М.С. Гаджиев датировал статуэтку гигатлинского воина ранним средневековьем. И мы подтвердили, что он прав, и эта статуэтка вместе с другими подобными статуэтками, облаченными в кафтаны сасанидских правителей, могут быть датированы временем не ранее середины V в. и не позднее 654 г.

К раннему средневековью М.С. Гаджиев относит и статуэтки воинов из культового места Берак у сел. АрчоАхвахского района Дагестана. Таковы же статуэтки из культового места у сел. Шатой Чечни, впервые опубликованные А.П.Ипполитовым. Надо отметить, что хронология этих статуэток не так проста и их датировка требует более тщательного анализа и объяснения. Вместе с этими статуэтками, точнее на одной площади культового места Берак действительно были обнаружены предметы, относящиеся к раннему средневековью: железный черешковый трехгранный наконечник стрелы и железный трезубец. Это говорит о том, что культовое место Берак функционировало в раннем средневековье. И это знал А.П. Круглов. Вопрос стоит в том, относятся ли сами статуэтки воинов к этому же времени. Дело в том, что аналогичные статуэтки воинов с копьями, поднятыми для нанесения удара в правой руке и щитом в левой руке (или без него, но с рукой, как бы прикрывающей щитом грудь), встречаются в Армении (Паравакар, Айрум) [Есаян С.А., Мнацаканян А.О., 1970. С. 157-168] и Сирии (Антиохия) [Вольная Г.Н., 2000. С. 6-7. Рис. 2,5]. Паравакарские статуэтки датированы X-IX вв. до н.э., а айрумские VI-V вв. до н.э. Аналогичные статуэтки известны в это время и на Кипре и отнесены к тому же времени, что и армянские. Это свидетельствует о том, что образ воина с копьем и щитом был распространен на обширной территории, начиная с X в. до н.э.

Датирующим предметом для армянских статуэток является гребенчатый шлем, который был распространен на территории Передней Азии с середины II тысяче-

летия до н.э. (хетский шлем XIV в. до н.э. из Богазкея и лчащенские гребенчатые шлемы XIV-XIII вв. до н.э.). Такие шлемы были распространены на территории Передней Азии с середины II тысячелетия до н.э. (хетский шлем XIV в. до н.э. из Богазкея и лчащенские гребенчатые шлемы XV-XIII вв. до н.э.). К IX в. до н.э. кавказские народы отходят от хеттских традиций вооружения и сближаются с передовыми ассирийскими традициями [Есаян С.А., Мнацаканян А.О., 1970. С. 161]. М.В. Горелик сопоставляет армянские гребенчатые шлемы в виде округлых касок с ровными краями, аналогичные нашим шлемам со статуэток, с шлемами «народов моря». Он же дает дату шлема нашей статуэтки в пределах IX-VII вв. до н.э. [Горелик М. В, 1993. С. 162, 339; Табл. LXI, 98]. Следовательно, дата статуэтки беракского воина и близких ему статуэток воинов из Чечни условно можно было бы установить в пределах IX-VII вв. до н.э. в. Но, как выше отмечалось, образ воина – девоборца появляется в Западном Дагестане в сасанидское время. Поэтому М.С. Гаджиев ближе к истине. Беракские и шатоевские статуэтки использовались в культовых церемониях в тоже время, что и гигатлинские.

Особый интерес представляют статуэтки адорантов (Рис. 5). В основной своей массе они обнаружены случайно [ОАК, 1905. С. 103. Рис. 137-140]. Только в одном случае они встречены в погребальном сооружении – в разрушенном погребении Каратинского могильника – статуэтки адорантов и фертов вместе с бронзовой ритуальной ложечкой, украшенной утолщениями в виде куба со срезанными углами в конце и середине ручки [Исаков М.И., 1966. С. 87-88]. Последняя надежно датируется VII – XII вв. [Атаев Д.М., 1963. С. 231-235; Багаев М.Х., 2008. С. 140]. С учетом находок в Инхоквари их дата может быть углублена до эллинистического времени, а верхняя дата ограничена временем появления ислама в западном Дагестане.

Вместе с тем наиболее ранние изображения людей в позе ферта встречаются на Хосрехском святилище IX – пераойполоины VII вв. до н.э. Аналогичные нашим статуэткам "адорантам" – «оранты» и "ферты" встречаются за пределами Дагестана, в составе артефактов других археологических культур. Так, среди материалов Кобанского могильника встречены статуэтки анализируемого типа: одна из них относится к фертообразным [Уварова П.С., 1900. С. 63-63. Рис. 60. Табл. XXXV,6; СХХII,1. Хр. в ГИМ]. Из Комунтского могильника происходит статуэтка с руками, поднятыми вверх к голове и прижатыми к вискам большими пальцами растопыренных рук, обращенными ладонями вперед [Уварова П.С., 1900. Табл. XVIII,20. Хр. в ГИМ], а из Кобанского могильника – статуэтка с руками, поднятыми вверх и отведенными в стороны от головы [Уварова П.С., 1900. С. 63-64. Рис. 62. Хр. в ГИМ]. В новейшее время в погр. 86 Сержень-Юртовского могильника обнаружена бронзовая головная булавка с навершием в виде оранта – женщины с поднятыми вверх и отведенными в стороны от головы руками. В.И. Козенкова датирует это погребение XI – X вв. до н.э. [Козенкова В.И., 1996 Рис. 27, 21; 2002. Табл. 51. См. также: Брилева О.А., 2012. Кат. 388].

Популярны изображения адорантов и фертообразных фигур на различных украшениях, предметах торевтики, конской упряжи и даже на архитектурных деталях обширной территории Евразии – луристанская подвеска VIII в. до н.э. [Leinardi]. Fig. XVIII]; геральдическая композиция из келермеского зеркала конца VII-

VI вв. до н.э. [Максимова М.И., 1954. С. 281-305]; навершия вотивной булавки из Луристана; архитектурные детали V-IV вв. до н.э. [Möbius K, 1916. Taf. XIX]. Идеологические основы для изображения орантов и фертов в Дагестане существовали с глубокой древности. Такие изображения встречаются на обширной территории Евразии: в наскальных изображениях, на печатях и металлопластике, а также на глиняных изображениях. Среди раннеземледельческих наскальных изображений Харитани I (Дагестан) имеются женские фигурки, переданные в позе адорации в клетчатых юбочках [Котович В.М., 1976. С. 65-90. Рис. 26, 1, 6, 29, 30, 32, 34, 36, 37, 41, 42, 49, 50]. В.М. Котович подобрала им аналогии из обширной территории от Балкан и Подунавья до Средней Азии. Среди них обращает на себя внимание действительно близкие к дагестанским наскальным изображениям по позам изображения глинянных фигур женщин из Каранова и Винчи Болгарии, Тиссафюред Венгрии и рисунков на халафской керамике. Интересны и изображения V-IV тыс. до н.э. на керамике из Грузии [Котович В.М., 1986. С. 67-69]. Из Дагестанских Огней происходит антропоморфная каменная баба скифского типа с руками на поясе датированная временем скифских походов в Переднюю Азию [Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 1964. С. 164; Рис. 1, 5]. Женские изображения в позе адорации встречаются на этой территории и позже. Среди предметов Астарабадского клада конца III тыс. до н.э. [Брентъес Б., 1976. С. 228, верхний ряд] и на пластинке из слоновой кости XIV в. до н.э. изображены полуобнаженные богини плодородия в пышных юбках, украшенных геометрическими узорами [Дмитриева Н.А., Виноградова Н.А., 1989. С. 121, 124]. В позе оранта изображены женщины в клетчатых юбках или клетчатых передниках начала XVI в. до н.э. (Рис. 16, 5) из Кносского дворца [Сидорова Н.А., 1972. С. 125, 126. Илл. 123, 124]. Позже изображения орантов встречаются значительно чаще. Одна такая статуэтка обнаженной женщины с подчеркнута выраженными половыми признаками происходит из Луристана и датируется II тысячелетием до н.э. Ее руки подняты вверх к голове и чуть отведены в стороны (Рис. 16, 2). Подобные статуэтки характерны для Марликовской цивилизации [Lienard I. Fig. XVI].

Среди находок некрополя «Б» Сиалк встречены бронзовые фертообразные статуэтки, в том числе в погребениях 7 и 74 [Ghirshman R., 1939. Fig. LIV; XXVII, 2; S. 582; LXXV, S. 918], относящиеся к VIII – началу VII в. до н.э. [Погребова М.Н., 1977. С. 160-165].

Фертообразные статуэтки характерны для памятников халафской культуры VI-V тыс. до н.э. [Брентъес Б., 1976. С. 124]. Они встречаются в слоях IV тыс. до н.э. Тали Бакун Ирана [Массон В.М., 1964. С. 36], в могилах III тыс. до н.э. Кикладских островов Средиземноморского бассейна [Сидорова Н.А., 1972. С. 38]. Правда, они значительно чаще встречаются в более позднее время. В.И. Марковин приводит сведения о двух таких статуэтках, встреченных в Передней Азии [Марковин В.И., 1986. С. 105, 106. Рис. 15, 2, 3; 16, 14, 17]. Одна из них происходит из Хурвина и принадлежит мужчине с четко выраженными половыми признаками и датируется IX-VIII вв. до н.э., другая – из Луристана и принадлежит женщине. Фертообразные статуэтки стран древнего Востока изображают и обнаженных женщин. Одна из них происходит из Хорозтепе в Малой Азии, близ гор. Анкары и датируется 2000 г. до н.э., другая – из Амлаха и датируется XI-VIII вв. до н.э., третья из Ахеменид-

ского Ирана VI–IV вв. до н.э. Эти находки не исчерпывают ближневосточные параллели.

Одна женская фигурка с подчеркнута выраженными грудями и поднятыми в молитвенной позе вверх руками изображена на луристанской подвеске VIII в. до н.э. [*LeinardI*.Fig. XVIII]. Такие статуэтки были характерны и для неолитической культуры Фессалии – Телль Сескло [*GimbutasM.*, 1974. Fig. 96; *Монгайт А.Л.*, 1973. С. 215, 216; Рис.16].

Но намного чаще они встречаются в составе геральдических композиций, подчеркивающих связь с животным миром. На знаменитом келермесском зеркале конца VII–VI вв. до н.э., например, изображена крылатая богиня в пышных восточных одеяниях со львами по сторонам, схваченными ею за задние ноги [*Максимова М.И.*, 1954. С. 281–305]. Точно такое же изображение встречено на навершиивотивной булавки из Луристана. Только на луристанской булавке вместо женской фигурки изображена четырехкрылая мужская фигурка с пышной бородой и вместо львов по сторонам изображены пантеры [*JhirschmanR.*, 1964. P. 74. Fig. 96]. Бородатые и крылатые мужские божества в пышных одеяниях со львами по сторонам, схваченными за рога(?) или собранную в пучок гриву поднятыми вверх руками, изображены на архитектурных деталях V–IV вв. до н.э. [*Robinson D.M.*, 1941. P. 31. Fig. 6; *Möbius H.*, 1976. Taf. XIX; 1926. S.120–126].

Все приведенные материалы показывают, что образы людей, переданных в позе адорации и фертов были известны на обширной территории Евразии, в том числе Древнего Востока, Кавказа и Дагестана с глубокой древности.

Приведенные материалы показывают широкий ареал их распространения и разброс по широкому хронологическому диапазону. Это говорит о глубоких и продолжающихся традициях на Кавказе и в Дагестане.

Навершие головной булавки в виде восседающего на троне человека из Чадаколоб (Рис. 40) по технике литья и реалистичности изображения относится к архаичным предметам. Археологический комплекс в сел. Чадаколоб (Тляратинский район Республики Дагестан), в составе которого была обнаружена булавка, Я. Доманский и Ю. Пиотроовский датируют в пределах второй четверти I тысячелетия до н.э. [*Доманский Я., Пиотроовский Ю.*, 1984. С. 37] Нам удалось привлечь дополнительные материалы из этого же клада, уверенно расширяющие даты святилища до VII – IX вв. [*Давудов О.М.*, 2013. С. 84-97; 2013 а. С. 795-800]. Авторы называют статуэтку мужской, хотя половые признаки не обозначены и по публикации не скажешь, что она принадлежит мужчине, как впрочем, и женщине. О подобной, восседающей на стуле статуэтке женщины с младенцем в руках из сел. Ратлуб (ныне Шамильский район Республики Дагестан) сообщал Д.Н. Анучин [*Анучин Д.Н.*, 1884. С. 443]. Среди известных нам статуэток подобного рода мужских фигур нет. Аналогия статуэтке восседающей на стуле женщины с младенцем на руках происходит из Библоса(Ливан). Она датируется 2400 г. до н.э. [*SchaefferC.*, 1948. P. 64,65,273; Fig.67,22]. Статуэтка восседающей на стуле женщины с руками на поясе, найденная в Месопотамии (Уре), опубликована Генри Франкфортом [*FrankfortH.*, 1969, fig.118]. Она ныне хранится в музее университетаПансильвании в Филадельфии. Такие статуэтки были характерны и для неолитической культуры Фессалии - Телль Сескло [*GimbutasM.*1971.Fig. 96; *МонгайтА.Л.*, 1973. С. 215, 216.

Рис.16]. Эти аналогии из обширной территории Евразии указывают на глубокие традиции производства аналогичных фигур. Новые материалы из Чадаколовского святилища заставляют иначе смотреть на датировку этого памятника.

Статуэтка трехголовой женщины (Рис. 18,1) с руками на поясе также находит параллели в Передней Азии. Пластинка с композицией, в центре которой изображена трехголовая женщина, хранится в Иракском музее в Багдаде (Рис. 18, 2 –а, б). Она относится ко II тыс. до н.э. [Frankfort K, 1969. Fig. 120]. Дагестанская статуэтка хронологически примыкает к плоско-вогнутым статуэткам горного Дагестана.

Статуэтки стоящих обнаженных женщин (Рис. 21, 1 –6,1,2,4,5) с сосудами в руках (а их у нас пять экз.) также находит аналогии в Передней Азии. Одна из них происходит из дворца Зимри-Лима в Мари и принадлежит богини Иштар (Рис. 21, б). Она относится к VIII в. до н.э. Ныне она хранится в музее г. Алеппо [Frankfort/Z., 1969. Fig. 131,132]. Встречаются они и на памятниках северо-западного Ирана – Марлик, Амлаш и др. [Пилосауди К., 2015. Табл 1 186, 187; 2, 269].

Статуэтки стоящих женщин с младенцами в руках. Их у нас две. Изображения женщин с младенцами в руках известны и среди материалов кобанской культуры [Доманский Я., 1984. Табл. XXVI; Уварова П.С., 1900. Табл. СХVIII,22]. Одна из них происходит и из Бомборского клада VI – V вв. до н.э. Абхазии [Лукин А.Л., 194 Табл. XIX, 1; Марковин В.И., 1986. Рис. 14, 18; Паничава Л., Сулава Н., Палуашвили Р., 2003. Табл. 1. Рис. 76; Брилева О. А., 2009. Рис. 1, 21; 2012. Кат. 293], другое изображение в виде женщины с младенцем в руках изображено на плакетке I тысячелетия до н.э. из Вавилона. Наши статуэтки могут быть датированы в пределах III в. до н.э. – VI – IX в. н.э. Они указывают на глубокие генетические связи их с древностями Передней Азии и Закавказья.

Статуэтка обнаженной всадницы из Гигатлинского культового места (Рис. 36,1-а, б) находит аналогии в материалах памятников соседней Грузии, в основном колхидской культуры: одна происходит из 4-й погребальной ямы Эргетского III могильника, Зугдидского района [Микеладзе и др., 1984. Табл. XXVII; Mikeladse T., 1995. helt 1], другая из нижней погребальной площадки VII в. до н.э. могильника Мухурча Цхакаевского района [Гогодзе Э.М., Паничава Л.Л., Даришпанашвили М.В., 1977. С. 60 – 71. Табл. VII, 2; Mikeladse T., 1995. S. 266-279. Abb. 13, 57; 19; 20;21; Гогодзе Э.М., 1984. Рис. 1, 124; Микеладзе Т., 1990. Табл. XXXVI, 6; Паничава, Сулава, Палуашвили, 2003. Табл. III, Рис. 44], три фигурки из могильной ямы 1 могильника Цаиши (сел. Цаиши Зугдидского района) [Papuashvili 2010, II, 22,3, 4]. Аналогичные обнаженные всадницы, сидящие на конях в «позе амазонки», встречены и в Греции (Рис. 36, 2, 4, 4а, б), в том числе и на острове Самос и датированы VIII в. до н.э. Причем всадница с ребенком в руках из Самоса рассматривается как кавказская по происхождению [Voyatzis M., 1992. 87. P. 259-279. Fig. 1-14; Licheli V., 2008. P. 48 – 49]. Встречены статуэтки "амазонок", правда, изготовленные из глины на памятниках Северо-западного Ирана [Пилосауди К., 2015. Табл. 22, 161, 249]. По аналогии с колхидскими фигурками О.А. Брилева датирует гигатлинскую статуэтку IX-VII вв. до н. э. [Брилева О. А., 2009. С. 31 – 32], С.М. Гаджиев, как выше говорилось, относит ее к раннему средневековью. При датировке гигатлинской статуэтки необходимо учесть ряд факторов, которые вызывает сомнение в датировке по аналогиям. Территории, где они найдены, хотя и близки,

но своеобразные и обособленные. Прежде всего, сопровождающие ее находки относятся к позднеасанидскому времени. При этом сама лошадь оседлена жестким седлом без стремян. Это жесткое седло опирается на спину коня двумя параллельными седельными полками. Передняя лука располагается перпендикулярно к седлу, задняя отогнута назад. Седло не касается позвоночника лошади. Поверх жесткой седельной конструкции лежит седельная подушка. Это соответствует особенностям северокавказского легкого кавказского седла.

Как известно, седла в своем формировании прошли несколько этапов развития. Наиболее ранними были просто попоны, затем следует мягкое седло, за ним – жесткое седло. Причем сначала оно не имело стремян, потом их к ним приспособили. Седла иранских статуэток напоминают седла современных дагестанских ослов.

А. Амброз выделяет два этапа в распространении жесткого седла со стременами: IV–VI вв. и VII–VIII вв. – время широкого распространения. В другой работе он говорит, что жесткое седло возникло в IV в. и, видимо, позже применялось у хазар, у которых в конце VII в. широко применялось жесткое деревянное седло со стременами [Амброз А.К., 1973. С. 94-98]. Хазары, которые непосредственно общались с дагестанским населением, и могли ознакомить его со своими достижениями. Если так, то седло без стремян у гигатлинской статуэтки можно датировать временем между IV и VII вв. Эта дата соответствует дате статуэтки гигатлинского воина.

О хронологии статуэток женщин с ритонами в руках (Рис.22,1 -4) мы уже писали [Давудов О.М., 1991. С. 78-82]. В Передней Азии многие мужские шумерские статуэтки переданы с ритонами в руках [Franrfort K, 1943. Fig. 250-b. Pl. 16]. В сопредельных районах Кавказа встречаются и женские статуэтки с ритонами в руках. Аналогичные дагестанским находкам статуэтки с теми же атрибутами встречены среди антропоморфных фигур Айрумского клада Армении (Рис. 22, 5-9) начала I тыс. до н.э. [Есаян С.А., Мнацаканян А. О., 1970. С. 161-163; Рис. 3,1,4-7]. Общими для дагестанских и армянских статуэток являются поза, атрибуты и ритуальная обнаженность. Образ женщины, подающей рог, характерен и для изображений скифо-меотской торевтики и монументальной скульптуры Северного Причерноморья и Прикубанья, начиная со скифского времени до конца I тыс. до н. э. [Шульц П.Н., Навротский Н.И., 1973. С. 197-201; Рис. 4,1; 5; Манцевич А.П., 1964. С. 128-138; Артамонов М.И., 1961. С. 62-64]. Видимо, в скифский мир и в Дагестан этот образ проник в одно и то же время из Закавказья и Передней Азии, где он был характерен с глубокой древности. Но у женской статуэтки, подающей рог, из Гигатля есть одна особенность в передаче образа: это толстая сплетенная коса, выходящая из-под короны и доходящая до ягодич. Такую же косу имела гигатлинская всадница. Не исключено, что обе статуэтки по древним образцам изготовлены одним и тем же мастером. К тому же статуэтка всадницы, статуэтка женщины с распростертыми руками и женщины с ритоном найдены в одном закрытом комплексе. Это значит, что единовременной датировки этих статуэток у нас больше шансов.

Статуэтка "побратимов" из (Рис. 34) чеченского селения Шали датирована В.Б. Виноградовым скифским временем [Виноградов В.Б., 1972. С. 2872; Рис. 37]. Дата статуэток парных обнаженных всадников (Рис. 42) из ГЭ предложена Е.Е. Кузьминой в пределах конца II - начала I тыс. до н.э. [Кузьмина Е. Е, 1973. С. 183]. Эти

даты не вызывают возражения. В Северной Осетии (на могильнике Адай-дон, погр. 37) обнаружена аналогичная статуэтка всадников - близнецов, датированная IX – VIII вв. до н.э. [Чииев Х.Т., 2008. С. 376 – 381; Брилева О.А., 2012. Кат. 456]. В это время на Кавказ проникает культ близнецов. Это подтверждает и парная статуэтка двух обнаженных людей из Хосрехского святилища IX – пераойполоины VIII вв. до н.э., которая датируется по сопровождающим материалам [Давудов О.М., 1980. С. 277-282. Рис.1,24; 1983. С. 55. Рис.7, б].

Статуэтки всадников у нас два. Первая статуэтка, обнаруженная в «Дидо» из собрания Ж. Мурье (Рис. 37, 1) и вторая статуэтка всадника из чеченского селения Семашки (Рис. 37, 2) близки друг другу. Они аналогичны и статуэткам из памятников кобанской культуры – Чми. Близка семашкинская находка и фигурке всадника с навершия головной булавки из Кобани, а также статуэтке из сел. Цегерели Трельского могильника у Тбилиси (Грузия) и Бомборского клада Абхазии. Статуэтку из Дидо О.А. Брилева датирует I – V вв [Брилева О.А., 2012. Кат. 440], а статуэтку из Семашки – VIII – VI вв. до н.э. [Брилева О.А., 2012. Кат. 475].

Таким образом, статуэтки, обнаруженные на территории Северо-Восточного Кавказа охватывают довольно значительный хронологический диапазон и свидетельствуют о тесных контактах местного населения с окружающим миром.

ГЛАВА V

СЕМАНТИКА ПРЕДМЕТОВ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ

Исследователи, изучавшие металлопластику Евразии, отмечали близость некоторых иконографических образов антропоморфных статуэток Кавказа, Передней Азии, а также регионов Средиземноморского бассейна [Куфтин Б.А., 1949. Т. I. С. 275; Цитладзе А.Г., 1963. С. 39 – 59; Захаров А.А., 1928. С. 34 – 36; Есаян С.А., Мнацаканян А.О., 1970. С. 157 – 61. Рис. 1, 2, 3; 2, 1 – 2. С. 167; Безсонов С.В., 1930. С. 57 – 74; Уварова П.С., 1900. С. 64. Рис. 58 – 62, 124, 126, 18; Tallgren A., 1930. Vol. V. P. 122 – 164; 1930]. А. А. Захаров полагал, что она порождена «этническим родством народов Кавказа с народами Средиземного моря» [Zakharov A. A., 1933. P. 65]. О таком родстве вряд ли можно серьезно говорить. Этот регион характеризуется довольно пестрой этнокультурной панорамой. Скорее всего, эта близость обусловлена культурным влиянием и общностью некоторых компонентов религиозных верований, получивших распространение из Передней Азии. Особенно четко она прослеживается по материалам Дагестана и Передней Азии. Именно из Передней Азии исходят те идеологические представления, которые породили большинство образов дагестанских женских и мужских статуэток. Они, как выше указывалось, представлены самыми разнообразными типами. Эта и должна быть отправной точкой при исследовании семантики женских и мужских статуэток Северо-Восточного Кавказа. Ранее мы писали, что ритуальная обнаженность, подчеркивание половых признаков, наличие атрибутов, украшений и туалетных принадлежностей, а также характерные

головные уборы и пояса красноречиво свидетельствуют о том, что мы имеем дело с конкретными антропоморфными божествами и обожествленными Героями [Давудов О.М., 1974. С. 91].

Среди находок из культовых мест имеются украшения, отражающие представления людей о мироздании. По космогоническим представлениям кавказских народов земная твердь имеет круглую форму. Она окружена морем или горами. На краю света стоит древо жизни, соединяющее по вертикали небо, землю и подземный мир [Мифы народов мира, 1997. Т. 1. С. 603]. В языческой религии горцев Дагестана имелись представления о трех мирах, расположенных друг на друге. Такое представление документировано многочисленными мифологическими сюжетами, сказками и археологическими материалами [Котович В.Г., 1959. С. 143. Табл. VII,24. О толковании обтекающих спиралей, волнистой линии и символов растений см.: Рыбаков Б.А., 1965. С. 19 и далее]. Верхний мир населяют божества, птицы и фантастические существа, средний – люди, животные и растения, нижний мир – это мир усопших, хтонических существ и глубинных вод [Мифы народов мира, 1997. С. 603]. По сказкам народов Дагестана трём, вертикально расположенным, мирам соответствуют три цвета: верхнему – белый, среднему – красный или гнедой и нижнему – чёрный. Переход из одного мира в другой доступен только божествам или обожествленным героям, а человек может совершить такой переход только с помощью коней или баранов, а так же птицы "Канква" [Аварские сказки. С. 79, 216, 218–220; Сказки народов Дагестана, 1965. С. 64] – эквивалент иранского Симурга. По сказкам народов Дагестана Герою, попавшему в "мир иной", советуют как попасть в мир людей: на заре появятся два барана черного и белого цветов и начнут бой (борьба уходящей ночи и наступающего дня). "Ты бросайся на белого барана", и он вынесет тебя в мир людей. Герой так и поступает. Кинулся на белого барана, но попал на черный, и он оказался в нижнем мире. Всадник на баране из окрестностей чеченского селения Химой передает образ именно такого Героя во время его перемещения из одного мира в другой. А кубок в руке указывает, что он – избранник богини любви и плодородия. Правда, некоторые исследователи видят в нем картину переезда души умершего в загробный мир [Бронзовый век, 2013. Кат. 309]. Это представление соответствует греческой мифологии или мировым религиям.

Из Чадаколобского святилища происходят полусферические бляхи, изображающие небо: в центре бляхи солярный знак, вокруг которого идут заключенные друг в друга три зоны, заполненные обтекающими спиральками, символизирующие движение солнца по небосводу. Все три сферы заняты кошачьим хищником, лежащим поперек бляхи (т.е. поперек небесной сферы), опираясь хвостом в солярный знак в центре бляхи и выступая головой за край бляхи. Хищник поедает быка, отмеченного солярным знаком на лбу. Правда, признать хищника за какого-либо зверя трудно. На бежтинских бляхах быка поедает медведь [Давудов О.М., Маммаев М.М., 2011. Рис. 15; 17; 18; 19; 20; 22. 23]. Встречаются и отдельные подвески в виде медведя, поедающего быка [Давудов О.М., Маммаев М.М., 2011. Рис. 25]. По космогоническим представлениям это означает смену времени года, т.е. смену созвездия быка созвездием кошачьего хищника.

В среде некоторых археологов бытует мнение, что различные женские статуэтки – варианты образа одного и того же божества – богини-матери, носительницы идеи всеобщего плодородия, покровительницы земледелия и скотоводства. В действи-

тельности же, даже для ранних этапов развития человеческой культуры отмечается более сложная картина пантеона. В.М. Массон и В.И. Сарияниди подготовили обзор мнений о составе и многообразии женских божеств. В греческом пантеоне, например, ими выделены божества типа Деметри, связанной с земледельческими обрядами плодородия, Артемиды – богини диких зверей, покровительницы охотников и вообще природы, сестры Аполлона, лучницы, по более древним представлениям покровительницы плодородия людей и животных (благословляет рождение, свадьбу и брак), богиня домашнего очага, соответствующая критским богиням со змеями – предшественницы олимпийской Афины [Массон В. М., Сарияниди В. И., 1973. С. 98]. Они же приводят сведения Р. Брифффо о выделении основных архетипов женского божества:

- 1) примитивной богини – матери богов и всеобщей прародительницы;
- 2) матери животных;
- 3) матери – зерна и

4) матери – земли [Массон В. М., Сарияниди В. И., 1973. С. 98. См. также: *Briffault R.*, 1927. P. 47 – 54]. З.А. Абрамова отмечает, что статуэтки тучных, расплывшихся женщин изображали женщин – родоначальниц, а фигурки худощавых женщин могли быть связаны с магией охотничьего промысла [Абрамова З.А., 1966. С. 90]. Но в пределах иконографического типа пышнотелых матрон из памятников Передней Азии выделяется хозяйка животных, покровительница охоты – предшественница Артемиды – Кибелы [Mellart I., 1961. Т. XI. P. 56 – 61]. По материалам шумерской мифологии насчитывает несколько сот различных богов и богин, в том числе 50 “Великих богов” и 7 богов, «вершащих судьбы» [Массон В. М., Сарияниди В. И., 1973. С. 102]. Ашурнасирапал (884– 860 гг. до н. э.) насчитывает 6500 богов и кроме того 300 небесных и 600 земных духов [Иллюстрированная история религии..., 1992. Т. II. Изд. второе. С. 207]. Были в пантеоне божества, ведавшие ураганами, бурями и ветрами в атмосфере, реками, горами и равнинами на земле. Были особые божества для каждого города, плотины, канала, для каждого поля и хозяйства и даже божки для мотыги, плуга, формы для выработки кирпича [Крамер С.Н., 1965.С. 101]. В шумерском пантеоне известны имена женских богин Анту (супруги Ану), Арур (богини гончарного ремесла), Ашнан (богини зерна), Гатумдуг (покровительницы Лагаша), Гульги (воспитательницы Кумалби), Инанна (богини плодородия, любви и планеты Венеры – Вав. Иштар), Ки (богини земли), Лилит (богини ночи), Намму (богини первобытного океана, праматерь всего сущего, Вав. Тиамат – букв. «Море»), Нанше (сестра Нингирсу), Нидаба (богиня плодородия), Нингаль (супруга Наннара, мать Инанны), Нинлиль (букв. «владычица воздуха», дочь Ана и Нунбаршегуну, супруга Энлиля), Нинмах (богиня земных недр), Нинсуг (богиня – мать Гильгамеша), Нинхурсаг (богиня земной поверхности, любви и плодородия; известна и под именами Нинмах и Нинту?), Нунбаршегуну (дочь Ана), Узуд (богиня, почитавшаяся в г. Лагаше в виде Козы), Утту (богиня ткачества), Хепат, Эрешкигаль (богиня, царица подземного мира, супруга Нерагала) и мн. других. Образы этих божеств переданы в различных изображениях стран Передней Азии. Религия Древнего Востока оказала существенное влияние на религию народов Кавказа

Вместе с тем пантеон народов Кавказа была построена на общинно-родовых принципах. Здесь существуют верховное божество и локальные божества. В грузинских мифах Гмерти – бог неба, отец богов, господин вселенной, великий творец ми-

ра и распорядитель мирового порядка, природы и жизни людей. Он обитает на небе, восседая на золотом троне, управляет делами вселенной и людей, сообщая свою волю через хвтисшвили. Он – повелитель грома, обладатель небесного огня, а также бог правосудия. Гмерти определяет судьбы людей, дарует им урожай, долголетие, плодovitость и оберегает от всего дурного. Он вездесущ и всепонимающ, един, но многочислен в своих «долях», через которые может явиться в образе любого существа – избранника. При Гмерти находятся его верные псы (или волки), которых он посылает на помощь или в наказание людям. Гмерти представляется божеством с золотыми устами и страшными, горящими глазами. Его священное животное и предполагаемый зооморфный прообраз – бык-бугай [Мифы народов мира, 1997. С. 307]. В Западном Дагестане ощущается сильное влияние языческой религии Грузии, особенно горцев Восточной Грузии, где пантеон представлен верховным богом Гмерти или Мориге Гмерти и его детьми – хвтисшвили. Верховным божеством у аваро-андо-дидойских народов, т.е. у тех народов, о культуре которых здесь речь идет, этнографические материалы зафиксировали божество ЦЮб [Агларов М.А., 1988. С. 67–71; Сефербеков Р.И., 2009. С. 155 – 158]. Не понятно, в каких взаимоотношениях эти божества были между собой. Вполне возможно, Гмерти у этих народов назывался именем "ЦЮб". У дидойцев почитаемый ими белый камень называли ЦЮв(б) [Магомедов Д.М., 1988. С. 200]. У других кавказских народов во главе пантеона стоят Анцва (у абхазов), Тха (у адыгов), Дяла (у чеченцев и ингушей), Зал (у лакцев), Гишиш (у цахуров), Ииниш (у рутульцев) и т.д.

Хвтисшвили – общее название локальных богов (Копала, Иахсари, Пиркуши и др.), покровителей местных обществ и посредников между людьми и верховным божеством [Мифы народов мира, 1997. С. 286]. На триалетском кубке II тыс. до н.э. их 22, позже становятся больше, около 63 [Бардавелидзе Т.А., 2013. С. 225–230]. Здесь, на кубке процессия из двадцати двух фигур превращается к фигуре, восседающей на троне без спинки. За спиной сидящей фигуры находится стилизованное изображение дерева, а впереди – большой сосуд на высокой ножке, по обе стороны которого изображены две фигуры лежащих животных – то ли собак, то ли волков. Влево от сосуда расположен еще один, сравнительно небольшой сосуд удлиненной формы. Все фигурки бородаты за исключением нескольких.



Разгадкой изображения на триалетском кубке занимались Б.А. Куфтин [Куфтин Б.А., 1941. С. 88–89], П.Н. Ушаков [Ушаков П.Н., 1941. С. 111] и Ш.Я. Амиранашвили [Амиранашвили Ш.Я., 1947; 1950. С. 20–23], М. Я. Чиковани [Чиковани М. Я., 1947, на груз. язык. 9–18 С. 6–7], но убедительного ответа на вопрос о композиции удалось лишь В.В. Бардавелидзе. По ее мнению изображение фриза передает собрание общинных божеств у врат Верховного бога Гмерти для выполнения религиозного обряда в главный годовой праздник, но показывает уровень развития религии, когда еще не была выделена высшая триада – Гмерти, Мзекали и Квириа и поэтому здесь изображены только племенные божества и их предводитель, дерево жизни, воду под деревом, священных животных – помощников Верховного божества и жертвенный сосуд [Бардавелидзе В.В., 1957. С. 102 и след.].

Статуэтки из Западного Дагестана – людей, стоящих в молитвенной позе с руками, поднятыми вверх и прижатыми большими пальцами к ушам, с руками, поднятыми вверх и отведенными в стороны – орантов, а также стоящих с руками на поясе – фертов принадлежат низшим божествам – детям верховного бога, покровителям

племенных, сельских, родовых и семейных общин, личным богам, т.е. тех людей, которые изготовили их образы и поместили в культовых местах, чтобы они постоянно молились за них и выпрашивали у верховного бога милости и блага для своих подопечных.

Часть адорантов связана с животными. Для характеристики этой связи особый интерес представляет зооморфный браслет, найденный в окрестностях сел. Хушет Цумадинского района (Рис. 41). Подробное описание этого браслета дано в нашей отдельной статье [Давудов О.М., 1991.С. 68]. Здесь же отметим расположение на головах животных, между его рогами человеческих фигур, переданных в позе адорации. Их руки с растопыренными пальцами подняты вверх, к голове и прижаты большими пальцами рук к вискам или к головному убору.

Изображения фигур божеств на головах животных характерны и для памятников кобанской культуры. Так, из Кумбултского и Кобанского могильников происходят пряжки первой половины I тысячелетия до н. э. в виде людей, расположенных на головах оленей и ухватившихся за их уши или ветвистые рога [Уварова П.С., 1900. С. 302. Рис. 235; Доманский Я.В., 1984. С. 66]. На луристанских псалиях также встречаются разнообразные изображения. На одном псалии из частной коллекции, опубликованном И. М. Дьяконовым, изображен в фас рогатый человек в длинном кафтане, держащий в поднятых руках за передние лапы в вертикальном положении свирепых хищников [Дьяконов И.М., 1961. С. 39; Рис. 5]. На другом луристанском псалии VII в. до н. э. передана геральдическая композиция двух противостоящих муфлонов, каждый из которых имеет на спине по одному рогатому человеку, переданному в фас с ладонями вперед поднятых вверх рук [Lienard J. Tab. XXVI]. На всех этих изображениях человек связан с животными.

Для иконографии изображений людей, связанных с животными, характерны руки, поднятые вверх, к голове и руки, положенные на пояс. На знаменитом келермесском зеркале конца VII – начала VI в. до н.э. изображена крылатая богиня в пышных восточных одеяниях со львами по сторонам, схваченными ею за задние лапы. По мнению М. И. Максимовой, здесь изображена малоазийская богиня – владычица зверей Кибела [Максимова М.И., 1954.С. 281 – 305]. Точно такое же изображение встречено на навершии вотивной булавки из Луристана, только на луристанской булавке вместо женской фигурки изображена четырехкрылая мужская фигура с пышной бородой и вместо львов по сторонам представлены пантера и грифон [Ghirshman R., 1964. S. 74; Fig. 96]. Одеяния фигурки, ее центральное положение в композиции и поза те же, что у женских изображений на Келермесском зеркале. Бородатые и крылатые мужские божества в пышных одеяниях со львами по сторонам, схваченными за рога или собранную в пучок гриву, с поднятыми вверх руками, изображены на архитектурных деталях V–IV вв. до н. э. Греции [Möbius H., 1916. 41. Tab. XIX; Robinson D.M., 1941. P. 31; Fig. 6]. Из Александровского кургана конца IV в. до н. э. происходят два близких друг к другу изображения крылатых женских божеств со зверями по сторонам. Одна из них изображена на культовом навершии, другая на декоративной бляхе. У обоих изображений подчеркнуто показаны женские груди и одеяния – особенно расклешенные юбки и плоские головные уборы – калафы. На шее изображена гривна, на запястьях рук – браслеты, подчеркивающие его высокое положение. Руки у фигурки на навершии покоятся на животе, а у фигурки на бляхе подняты вверх и сливаются с головами животных, расположенных по сторонам

[Артамонов М.И., 1961.С. 69, 72; Рис. 15, 17]. М.И. Артамонов приписывает изображение на бляхе Кибеле, а на навершии – змееногой богине [Артамонов М.И., 1961.С. 69, 72; Рис. 15, 17]. С.С. Бессонова, которая специально занималась семантикой этих изображений, считает обоих изображениями одного и того же божества Кибелы [Бессонова С.С., 1983. С. 87 – 88]. Скорее всего она права. М.И. Артамонов аргументировал свои выводы наличием в основании изображения расширения, передающего с его точки зрения, змееногие завитушки. Между тем в этом расширении отчетливо просматривается расклепленную юбку и схематично переданные фигурки животных, расположенных по сторонам. Оба изображения настолько близки друг к другу, что имеют схожие одежды. В таком же одеянии изображены божества на золотых подвесках из скифских курганов IV в. до н.э. (Толстая могила, Мастоюгинского и Любимовки курганы). Их руки, обращенные ладонями вперед, подняты вверх, к голове и большими пальцами прижаты к вискам или к головному убору [Мозолевский Б.Н., 1972. С. 300; Рис. 39; Манцевич А.П., 1973. С. 37 – 38, Рис. 11, 2; Лесков А., 1972. Табл. 21]. Из Прикубанья происходят изделия, где в геральдической композиции имеются и мужские изображения. Так, на келермесском ритоне и на золотой пластине из кургана Шахан [Бессонова С.С., 1983. С. 86, Рис. 9,1,2] переданы бородатые боги в пышных восточных одеяниях в позе коленопреклоненного бега, держащего за лапы ушастого грифона.

Все эти изображения передают образы мужчин и женщин, тесно связанных со зверями, покровителей зверей. В свете вышеизложенного наши статуэтки мужчин и женщин в позе адорации представляются репликами широко распространенного по странам Евразии образа божеств, связанных с животными. В женском облики это божество охоты и покровительница диких животных – Кибела, Кивева, Диндилена и т. д. Она олицетворяет мать – природу, покровительствует природе. Она владычица гор, лесов и зверей. Мужской ипостас этого божества, появившегося в Передней Азии в конце II тысячелетия до н. э., выполняет, очевидно, те же функции, что и женское божество, особенно функции владетеля гор и лесов, зверей. Природу этих божеств четче рисуют кавказские материалы, которые дошли до нас в охотничьей поэзии и изображают покровителей охоты, владык гор и зверей в образе мужчин и женщин. По грузинским преданиям в роли хозяев зверей выступают брат и сестра. Они по очереди ведают ими. Когда пасет женщина, звери откормлены, осторожны и трудно охотнику их убивать, когда же зверей пасет мужчина, они истощены и глупы и охотнику легко их убивать [Грузинские народные предания и легенды, 1973. С. 61].

Со многими из дагестанских этнографически засвидетельствованных культовых мест связаны легенды и упоминания горных духов, известных у аварцев под именем “Будуал-ы”. М. Р. Халидова высказала предположение о функциях “Будуалов” в качестве покровителей зверей и погоды. Их наименование “Будуалал” или “Буадалал” (ал – формант мн. числа на аварском языке) представляется ей модификацией арабского слова “Бадал” – во множественном числе “Абдал” [Халидова М.Р., 1982. С. 24 – 41]. У цахур “Абдал”, у лакцев “Авдал” – божество охоты. Эти арабские названия могли проникнуть в Дагестан вместе с мусульманской религией. Следовательно, домусульманское имя божества охоты забыто или вытравлено из памяти народа. Между тем, у многих народов Кавказа мужское божество охоты носило имя Авсату, Очочочи или Очопинтра, Жина Антари, женское – Ткаши-мапа, Дела [Вирсаладзе

Е.Б., 1969. С. 250 – 251; *Дирр А.*, 1915. С.2 – 13]. Это божество у арчинцев называется “*hal*”. Божества охоты встречаются в женской и мужской ипостаси. Аварские Будуалы также встречаются в образе мужчины и женщины. Они невидимы и с ними общаются только избранные [*Халидова М.Р.*, 1982.С. 37]. Аварские “Будуал-ал” бывают в окружении туров. Они заботятся о них, кормят их солью, доят и делают сыр из турьего молока. Они охраняют их, защищают от истребления охотниками [*Халидова М.Р.*, 1982. С. 28]. За нарушение охотничьих законов обрекают охотников на смерть [*Халидова М.Р.*, 1982. С. 30 – 31].

Вместе с тем аварские “Будуал-ал” помогают людям, попавшим в беду при разыгравшейся стихии [*Халидова М.Р.*, 1982. С. 35]. Цахурское божество «Абдал» поит козьим молоком охотника, оказавшегося в горах во время пурги и снежных завалов [*Халидова М.Р.*, 1982. С. 27; *Дирр А.*, 1915. С. 7]. Аналогичный мотив популярен для грузинской охотничьей поэзии [*Вирсаладзе Е.Б.*, 1976. С. 35]. На Кавказе широко распространен мотив о добыче охотником раз уже съеденного им вместе с Владыками зверей дикого животного [*Халидова М.Р.*, 1982. С. 35, 37]. Аварские “Будуал”, как и Хозяйка зверей грузинской охотничьей поэзии, обладает властью над погодой [*Вирсаладзе Е.Б.*, 1976. С. 35].

На Кавказе широко распространен мотив избранничества хозяев зверей [*Вирсаладзе Е.Б.*, 1976. С. 35, 36]. К примеру, аварские “Будуал - ал” насильно оставляют у себя охотника и женят его на женщине из своей среды. По возвращению от божественной супруги охотник умирает и оплакивать его приходит дочь от брака с «будуалкой» [*Халидова М.Р.*, 1982. С. 38 – 39]. По грузинским преданиям оплакивать возлюбленного охотника приходит сама богиня зверей и охоты [*Вирсаладзе Е.Б.*, 1976. С. 179]. Грузинские же сказания передают сведения о внешнем облике богини охоты. По одним представлениям – это молодая, красивая женщина с длинными, распущенными волосами и ослепительно белым телом [*Вирсаладзе Е.Б.*, 1976. С. 35], по другим – красавица с двумя золотыми косами [*Вирсаладзе Е.Б.*, 1976. С. 35].

Божества охоты – Будуалы – по дагестанским представлениям живут высоко в горах, на священных высотах [*Халидова М.Р.*, 1982. С. 37]. В грузинском эпосе и охотничьей поэзии Хозяйка гор и зверей также живет высоко в горах, где среди скал стоит ее дом, в котором укрываются стада подвластных и подопечных ей животных. Это напоминает святилища перевального типа или культовые места, расположенные, как правило, на господствующих высотах горного Дагестана. С этими дагестанскими культовыми местами, в частности Инхокваринским, Ретлобским (Кидилашан), Чаляхским и др., связаны антропоморфные статуэтки мужчин и женщин, переданных в позу адорации.

Позы адорантов представлены, как уже выше отмечалось, тремя разновидностями: поднятыми вверх руками, прижатыми к вискам или к головному убору большими пальцами; поднятыми вверх и отведенными в стороны руками и, наконец, руками, положенными в области пояса. Их жесты восходят к более древним языческим обрядам. И действительно, поднятые вверх руки – жест молитвы, имеющий общечеловеческое распространение. Этот жест был позже принят христианством и мусульманством. Поза воздетых вверх рук рассматриваются учеными как моление о ниспослании милости, плодородия [*Голан А.*, 1994. С. 155]. Преувеличенные изображения растопыренных пальцев рук, касающиеся головного убора имеет принципиальное значение при просьбе об изобилии [*Бессонова С.С.*, 1983. С. 90 – 93; *Голан А.*, 1994.

С. 155]. Руки на поясе следует рассматривать как поза смирения, покорности и преданности молящегося.

Молитвенные позы наших статуэток предполагает, что они выступают перед высшим божеством просителями за людей, которым они покровительствуют. По всему Кавказу были распространены представления о божествах – посредниках между людьми и верховным богом, которые выпрашивали нужную людям погоду, урожай, благополучие, охотничью добычу. Особенно они были популярны среди горцев Восточной Грузии. Для объяснения природы этих статуэток интересно привести шумерские материалы. В одном из шумерских документов говорится о «человеке и его личном боге». Личный бог, особое божество, которое, согласно шумерским представлениям, служило посредником и заступником человека перед собранием богов. Человек-страдалец для облегчения своей участи мог «постоянно восхвалять своего бога, взывать к нему плача и стеноя, пока он сам не захочет благосклонно внять мольбам несчастного» [Краммер С., 1965. С. 137]. У горцев Восточной Грузии и под их влиянием у горцев Западного Дагестана появились племенные, общинные, родовые, семейные божества.

Таким образом, божество охоты и зверей, гор и лесов на Кавказе, в том числе и в Дагестане, предстает в мужской и женской ипостаси. После принятия ислама у аваро-андо-дидойских народов они стали называться "будуалалами", а до этого, скорее всего назывались как и у грузин "Дали". На это указывает бессловесный песенный напев "далай – далай", сохранившийся у аварцев. Видимо, их и передают наши статуэтки – «адоранты». Скорее всего, появление их в таком понимании на территории Дагестана связано с историческим процессом, обусловившим появлением образа Кибелы в Восточной Европе, в том числе в Северном Причерноморье. С этим же процессом, очевидно, связано появление луристанских изделий и их подражаний в районах распространения кобанской культуры и в Дагестане.

Наиболее интересную семантическую нагрузку несут женские статуэтки. Их среди наших находок представлено разнообразными типами, и все они связаны с образом Великой матери, богини плодородия в различной ее ипостаси.

С образом Великой матери на Кавказе связано представление о стране божеств. Замечательному грузинскому этнографу В.В. Бардавелидзе на основании фрагментарных сведений удалось воссоздать целостную картину такой страны. Она расположена в трудно доступной местности, за высокими горами, голыми скалами и лесом из колючих кустарников, огорожена высокой оградой и имеет большие ворота, закрывающиеся на замок. В ней прозрачные родники, похожие на хрусталь, отражающего лазурь неба; всюду реки текут медовые и молочные, водопады брызжут жемчужными искрами, а лучи солнца окрашивают страну в радужные цвета. В ней возвышаются великолепные дворцы и башни для «великих господ» и разбиты шатры, в которых живут «малые господа».

Там же за мостом расположен сад, в котором среди множества цветов накрыты столы, устланные яствами. На поляне большой родник, где находится Великая Мать, «мать господ», нагая. У нее белоснежное тело и очень большие груди. Поблизости – ее дом, в центре которого возвышается столб,

«Господа», долевы божества Великой Матери Наны живут в саду фиалок, роз и тутовых деревьев с белыми ягодами. Господа желают иметь накрытый стол, кругом сильно орошенное место, поляна для угощения и приятного времяпрепровождения в

летнее время. В саду растет высокоствольная виноградная лоза, обвивающая вокруг высокой чинары – дерева жизни и дерева изобилия с нежными ветвями и резвящимися на них певчими и солнечными птицами. Здесь одновременно одни деревья цветут, другие покрыты зрелыми плодами [*Бардавелидзе В.В.*, 2006. С. 76 – 78].

Образ этой «Великой матери» Нани, богини любви и плодородия грузинских мифов, известной у других грузинских племен под именем Мзекали (Солнечная женщина) передают наша статуэтка в виде фигурки женщины с младенцем в руках из Анди Ботлихского района и такая же статуэтка из сел. Хутрах Цунтинского района Дагестана (Рис. 24, 1,2).

Аналогичные статуэтки с младенцами в руках из Кобанского могильника [*Уварова П.С.*, 1900. С. 63 – 64] и Бомборского клада Абхазии [*Лукин А. Л.*, 1941. С. 64; Табл. XIX, 1], а также статуэтка женщины с младенцем в руках середины I тысячелетия до н. э. происходит из Вавилона [*Кленгель-Брант Э.*, 1979. Рис. на с. 111]. Она, вавилонская статуэтка, также передает образ Великой богини – матери, но имя она носит иное. С младенцем в руках изображена и восседающая на стуле женщина с наверхия головной булавки, увиденной Д. Анучиным в сел. Ратлуб (ныне Шамильский район – О.Д.). Аналогичная головная булавка с изображением восседающей на стуле женщины с младенцем на руках 2400 г. до н. э. происходит из Ливана (Библос) [*Schaeffer C.*, 1948. Fig. 67, 22]. Это изображение также передает образ Великой матери, только здесь она также именовалась иначе. В.К. Афанасьева полагает, что статуэтки убейдской культуры из Ура в виде стройных высоких женщин с деформированными лицами, напоминающими не то заячью, не то лягушачью морду и прорезями – глазами, переданными финиковыми косточками и прижатым к груди ребенком (одна статуэтка из Ура IV тысячелетия до н. э. хранится в университетском музее в Филадельфии; другая из Эреду(г)а середины IV тысячелетия до н. э. хранится в Багдаде, в Иракском музее, третья из Эль-Обейда 4000–3700 г. до н. э.), передают синкретическую идею земного плодородия – растительного, животного и человеческого [*Афанасьева В. К.*, 1976. С. 45]. Древние изображения таких фигур из Хаджилара и Чатал-Гуюка с младенцами на руках, по мнению В.М. Массона и В. И Сарияниди, передают образ богини – прародительницы, всеобщей божественной матери [*Массон В. М., Сарияниди В. И.*, 1973. С. 101].

Статуэтки обнаженных женщин с сосудами в руках из наших памятников (Рис. 21, 1 – 5) по характеру атрибутов и особенностям образа аналогичны фигурке XVIII в. до н. э., обнаруженной во дворце Зимри-Лима в Мари. Оно представляет собой монументальную скульптуру стоящей женщины с сосудом в руках, в короне и с ожерельями на шее. Иконография этого божества связана с водной стихией. Это Иштар – вавилонская богиня плодородия и плотской любви, богиня войны и распри, астральное божество, олицетворяющее планету Венеру. У хурритов это божество было известно под именем Шавушка, у шумер – Инана. С этим божеством в Передней Азии связаны очень интересные мифы.

В шумерской мифологии Инанна – богиня плодородия, плотской любви и распри. Яркой планетой сияла на небосводе Инанна (тождественна Венере более позднего времени – О. Д.). Когда она спускается на землю, от ее прикосновения почва покрывалась травой и цветами. Для понимания образа Инанны большое значение имеет миф о том, как божественный пастух Думузи и божественный земледelec Энкиду полюбили Инанну. Оба они сватаются к прелестной богине – деве, но она колеба-

лась и не знала кого предпочесть. Первоначально она склонялась к Энкиду, но ее брат Уту – бог солнца уговорил ее внять мольбам Думузи. Сладкие речи Думузи и уговоры Уту решило дело в пользу пастуха и ее мать богиня Нингаль соединила их. Но счастье этот брак не принес Дамузу. Инанна захотела власти не только на земле, но и в подземном мире, где царствовала ее старшая сестра Эришкигаль. Она знала, что никого из небесных богов ее сестра не пускает в свое царство. Но решила проникнуть хитростью под землю и разведать о порядках страны, откуда нет возврата. Она решила спуститься к ней якобы для выражения сочувствия по поводу гибели ее мужа, великого властителя Гугальанна. И опасаясь, как бы ее сестра Эрешкигаль, владычица подземного мира не предала ее смерти, Инанна предупредила своего верного везира Ниншубура: “Если я не вернусь через три дня и три ночи, будь готов выручать меня”. Она наказала совершить обряд оплакивания ее, а затем отправиться к трем великим богам – Энлилю, Нанне и Энки и просить помощи в ее спасении.

В подземном мире Эришкигаль превратила Инанну в бездушный труп и ее слуги пригвоздили ее к столбу. У врат «страны без возврата» ее встречает привратник Нети. Он проводит ее через семь ворот подземного мира и каждый раз снимает с нее какую-нибудь деталь одежды или украшение (что, видимо, означает лишение ее какой-то магической силы). Обнаженной предстает Инанна перед своей сестрой. Та направляет на нее «взгляд смерти», и Инанна превращается в труп.

Когда через три дня Инанна не вернулась, ее везир обратился к великим богам, но помощь оказал только Энки и последний сумел найти способ как освободить ее. Созданные им из грязи вестники Кургару и Калатуруру, снабженные «травой жизни» и «водой жизни», обученные магическому заклинанию, отправляются под землю.

Появившиеся в подземном мире посланцы Энки передают Эрешкигаль волю Энки. Они просят труп Инанны, а затем оживляют ее травой и водой жизни. Но ее останавливает судьи подземного царства – ануннаки: Инанна не может покинуть подземного мира, не оставив себе замену. Таков закон «страны без возврата», одинаковый для богов и для людей. Ануннаки послали за богиней целую толпу свирепых демонов. В сопровождении этих страшных чудовищ прошла Инанна по городам Шумера, и боги – покровители разных городов простираются перед нею и ее спутниками во прахе. Демоны предлагают их схватить, но Инанна щадит богов Шару, Лулала и свою служанку Ниншубур. В Уруке, по приказу Инанны, демоны хватают Дамузи [Редер Д.Г., 1965. С. 46 – 52].

По вавилонской версии мифа I тысячелетия до н.э. юный бог Дамузи был любимым братом прекрасной богини Иштар. Она воспылала к нему страстью и стала его супругой. В жаркий летний день, в самом конце месяца симан (3-й месяц года по вавилонскому календарю, соответствует маю – июню – О. Д.) в часы летнего солнцестояния отправился Дамузи в степь на охоту. Внезапно налетел буйный вихрь, и Дамузи погиб. Для спасения Дамузи Иштар отправилась в подземный мир Эришкигаль. Последняя поразила Иштар болезнями. С уходом Иштар, вселяющей в сердца страсть и возбуждающих у всех живых существ желание любить погасли, замерла на земле жизнь. Испугались боги безмолвия. Они опасались, что вскоре все животные, птицы и человеческий род вымрет. И обратились они к мудрому властителю бездн Эа. Последний вылепил из глины евнуха и послал его вестником в подземный мир с требованием освободить Иштар. Радостная вышла Иштар на землю. “В своих руках держала она сосуд с живой водой. Она возлила воду жизни на труп юного бога Да-

музи и набросила на него белоснежное одеяло”. И поднялся ее прекрасный супруг с ложа смерти, и вся земля возликовала. Всех животных, птиц и людей вновь охватила страсть. Это случилось в месяце нисан (1 - й месяц вавилонского календаря, март – апрель – О. Д.) [*Редер Д.Г.*, 1965. С. 52 – 55]. Как видно, миф объясняет и смысл сосуда в руках фигур, украшений на шее и ушах, пышного головного убора или короны. С этим божеством у аварцев сопоставляется божество плодородия Бечед. У жителей сел. Эчеда, аварцев – тиндинцев сохранился компонент обрядового действия с пением и танцами, где в песне содержалось обращение к всемогущему богу «Бечед», чтобы он даровал изобилие. При этом женщина, исполняющая песню, должна держать в руках деревянную мерку для зерна [*Умаханова А.М.*, 1988. С. 132]. Некоторые авторы в качестве бога-громовержца аварцев приводят Бечед [*Сефеевбеков Р.И.*, 2005 С. 70]. Это не совсем так. Бечед с аварского переводится как богач. Верховным божеством у аварцев, как указывает М.А. Агларов, является Цюб. Наши статуэтки, связанные с сосудом, можно считать изображением божества плодородия – Бечед. Очевидно в пантеоне дагестанских племен это божество занимало видное место, функции которого соответствовали Иштар или Шавушки.

Среди наших статуэток имеются фигурки женьшин с руками «в позе объятия», "с распростертыми руками", беременной женщины, массирующей вздутый живот (Рис. 17, 1,2; 20, 1 – 3; 23, 1 – 3) и обломок посоха с изображением женщины с плодом в чреве (Рис. 43), переданным в виде плачущего ребенка. Все эти статуэтки по характеру изображения или по эротическим жестам, скорее всего, передают состояние одной и той же богини – богини плодородия, прародительницы, всеобщей матери (выше упомянутой богини с младенцем в руках).

Одна их «фертообразных» статуэток из Дагестана (Рис. 18, 1) [*Zakharov A. A.*, 1933. Fig. 86) с руками на поясе имеет три головы. У нее с правого плеча на левое бедро перекинут портупейный ремень, половые признаки не выделены. Эта статуэтка свидетельствует о более широких функциях божества. Трехголовому божеству мы находим аналогии среди фигур ближневосточных божеств. На терракотовой пластинке II тысячелетия до н.э., хранящейся в Иракском музее, в Багдаде, изображена богиня с тремя головами в пышных одеяниях. Центральная голова у нее увенчана величавой короной. Левая рука держит какой-то комок (видимо глина – О.Д.), правая поднята верх на уровень плеч. По сторонам ее на корточках изображены фигурки людей, над их головами висит акушерский инструмент в виде петли с закрученными концами для перерезания пуповины – символ богини Нинхурсаг [История древнего Востока, 1983. Рис. 127 г]. Сцена на пластинке подробнее раскрывает идейное содержание нашей статуэтки и воспринимается как изображение богини – матери, которая почиталась под разными именами: Дамгаль-нуна, Нинхурсаг (Шумерск. «владычица лесистой горы»), Нинмах (Мах), Нинту, Мама, Мамаи [*Афанасьева В.К.*, 1997. С. 648. См. также: *Краммер С. Н.*, 1977. С. 122). По И. М. Дьяконову Нинмах – шумерская богиня – «прародительница», «творец». Нинхурсаг – «владычица лесной горы», ее прозвище, связанное с мифом о борьбе ее сына (или сына Нинлили) Нинурты со злыми силами («горой» Кур). В результате войны с чудовищем меняются очертания космоса и возникают окаймляющие Шумер с востока лесистые горы (hursang), которые Нинурта дарит матери. Нинмах равна также Нинту [*Дьяконов И. М.*, 1990.С. 228]. По С. Н. Крамеру, Нинту – Нинхурсаг и Нинмах – это богиня – мать [*Краммер С. Н.*, 1977. С. 122. См. также: *Афанасьева В.К.*, 1997. С. 648]. С ней

связан миф о сотворении человека, где рассказывают, что боги жалуются на свои затруднения добывать себе пищу, особенно после появления женских божеств. Но Энки, бог воды, шумерский бог мудрости, который должен был прийти им на помощь, почивает в глубинах вод и не может их услышать. По этой причине его мать, первоначальное море, “мать, породившая всех богов”, сообщает Энки о жалобах богов:

“О мой сын, поднимись с ложа ... мудрое сделай,
Сотвори богам слуг, да порождают себе подобных (?)”.

Энки отвечает своей матери:

“О мать, создание, что ты назвала, существует,

Придай ему образ (?) богов,

Смешай сердце глины, что над бездной,

Добрые и благородные творцы сгустят глину,

Ты же, сотвори члены;

Нинмах потрудится больше тебя,

Богини (рождения) помогут тебе в работе;

О мать, начертай его судьбу,

Нинмах придаст ему форму (?) богов,

Это – человек...”

Далее поэма рассказывает о пире, устроенном Энки, чтобы отпраздновать сотворение человека. На этом пире Энки и Нинмах выпивают много вина и становятся чересчур деятельными. Нинмах берет немного глины, что над бездной и создает шесть разновидностей людей, отклоняющихся от нормы, а Энки начерчивает их судьбу и дает им хлеб для еды. Энки решает и самому заняться творением, но созданные им существа оказываются еще более неудачными. Теперь Энки озабочен тем, чтобы Нинмах помогла этому несчастному созданию и обращается к ней:

“Тому, кого руки твои сотворили, я начертал судьбу,

Дал ему хлеб для еды;

Начертай судьбу тому, кого руки мои сотворили,

Дай ему хлеб для еды”.

Нинмах пытается помочь существу, но все напрасно. Нинмах говорит с ним, но оно не может ответить. Оно не может ни сидеть, ни стоять, ни согнуть колени. Нинмах проклинает Энки за это больное, бессильное существо [Редер Д.Г., 1965. С.33 – 34]. Наконец Энки создает более совершенных, сильных и разумных мужчин и женщин, во всем подобных богам [Редер Д.Г., 1965. С. 34]. С этим божеством в вавилонской мифологии Маами – Нинту создает из глины первого человека, но говорит, что не может его оживить. Тогда Энки говорит богам о необходимости “очищения” богов, для чего необходимо убивать одного из них и смешивать его плоть и кровь с глиной. В результате создается четырнадцать маток, и семь из них рожают мужчин и семь – женщин [Дьяконов И.М., 1990. С. 133].

Пластинка из Иракского музея иллюстрирует эту описанную выше сцену сотворения людей. Наша статуэтка свидетельствует о распространении в Дагестане культа богини – матери, богини, причастной к сотворению людей, причастной к владычеству лесистых гор. Но наша статуэтка изображает божества, молящегося. Следовательно, оно богиня – покровительница, посредница между верховным богом и людьми.

Среди статуэток выделяется фигурка обнаженной женщины с ритонном в руке, найденная в окрестностях сел. Гигатли и хранящаяся в фондах ДГОИАМ. Она была впервые опубликована В. И. Марковиным (Рис. 22, 1) [Марковин В. И., 1986. С. Рис. 10, 9]. Напомню еще раз, на голове ее покоится пятизубчатая корона, из-под которой на спину ниспадает до шиколоток толстая коса с трапециевидной пластинкой на конце, ее шея украшена двумя гривнами, ноги и руки – браслетами (на руках их по – одному, на ногах – по-четыре), талия затянута двойным поясом. Правая приподнятая и выставленная вперед рука как бы протягивает ритон, а левая держит сосуд. Это самая выразительная фигурка среди наших статуэток этого типа. Мастер явно пытался изобразить очень красивую женщину. К этому типу относятся и другие статуэтки обнаженных женщин (Рис. 22, 2 – 4). Одна такая статуэтка, хранящаяся в ГМИНВ имеет на голове убор в виде витого ободка, на шее – гривна, а в выставленной вперед руке – ритон (Рис. 22, 4). Другая статуэтка, доставленная в Эрмитаж А.К. Сержпутовским из Дагестана, имеет на шее гривну, на голове – ободок с продольными перетяжками из – под которого ниспадают пересекающиеся с гривной на шее волосы, собранные в пучо, на обеих руках – по браслету, в левой протянутой вперед руке – ритон, в правой – кувшин со сливным носиком (Рис. 22, 2). Третья статуэтка, купленная Эрмитажем у кубачинца Р. Магомедова, имеет на шее витую гривну, на голове – витой ободок и в выставленной вперед руке – ритон (Рис. 22, 3). Ободки на головах во всех случаях передают корону. Высокое положение женщин и их сакральный характер подчеркивают ритуальная обнаженность, короны на головах и украшения. Одна фигурка имеет ритуальный пояс (Рис. 22,1), две – по паре ручных браслетов и одна – четыре пары ножных и пары ручных браслетов. Общими для всех этих статуэток является ритоны в выставленных вперед руках. Аналогичные статуэтки с теми же атрибутами встречены среди антропоморфных статуэток Айрумского клада Армении (Рис. 22, 5 – 9) [Есаян С.А., Мнацаканян А.О., 1970. С. 161–163; Рис. 3,1,4–7]. Образ женщины подающей рог, характерен для скифо-меотской торевтики и монументальной скульптуры Северного Причерноморья и Прикубанья, начиная со скифского времени до конца I тысячелетия до н.э. Так, близ ст. Преградной Краснодарского края найдена монументальная статуя женщины, высотой около 3 м из песчаника. Она одета в длинное, ниспадающее широкими складками до пяток платье, перехваченное в талии поясом; на плечи накинут плащ; на голове – покрывало, падающее на плечи; в ушах серьги; на шее – многовитковая гривна или ожерелье. В правой согнутой руке она держит ритон, а левая прижата к бедру. П.Н. Шульц и Н.И. Навротский видят в ней изображение верховной меотской богини, тождественной скифской Табити [Шульц П.Н., Навротский Н.И., 1973. С. 197–201] и проводят параллель между преграднинской статуей и изображением на карагодеуашхской пластине, где в нижнем фризе восседающая между четырьмя фигурами женщина подает ритон мужчине, сидящему слева [Манцевич А.П., 1964. С. 200]. Ученые, за исключением А.П. Манцевич, усматривающей в этой сцене заупокойный пир, видят в композиции ритуальные действия с женским божеством в центре [Манцевич А.П., 1964. Вып. 6. С. 114–115; Бессонова С.С., 1983. С. 107–111. Там же литература].

Для выяснения характера этого образа надо привести и другие материалы. Так, на оковке ритона из Мерджинского кургана изображена восседающая на “троне” женщина и перед ней – бородатый всадник с ритонном в поднятой руке [Артамонов М.И., 1961. С. 62–64. Рис. 6]. Исследователи видят в этой сцене верховную синдо –

меотскую богиню и местного бога – героя [Бессонова С.С., 1983. С. 111; Раевский Д.С., 1977. С. 106]. С этим изображением перекликается изображение на поздне-скифском чайкинском рельефе в Крыму, где женщина изображена перед алтарем, а перед ней – всадник с ритонном в поднятой руке [Попова Е.А., 1974. С. 222, 226 – 227]. Д.С. Раевский выделил над женской фигуркой прямоугольник, над мужской – круг, интерпретировав первый как символ неба, второй – земного мира. Вся композиция воспринимается им как союз двух огней – небесного, божественного, воплощенного в женщине, и земного, воплощенного в мужчине или в качестве скифского сакрального брака [Раевский Д.С., 1977. С. 105]. Этот брак здесь выражается символическим получением героем ритона из рук богини.

На многих нашивных бляшках, выявленных на Кульобском, Чертомлыцком, Первом Мордвинском, Мелитопольском, Верхнем рогачевском, Носакинском, Огузском курганах изображена восседающая на троне (?) женщина с зеркалом в руке и впереди нее – стоящий мужчина, пьющий из ритона [Онайко Н.А., 1976. С.75. Рис. 9, а, б, в, г]. Все ученые видят в женщине богиню, в мужчине – смертного царя или героя. Наиболее выразительно эта идея выражена на пластинке из Сахновки, где в центре многофигурной композиции изображена восседающая на “троне” женщина в пышных одеяниях и перед нею коленопреклоненный бородатый мужчина с ритонном и секирой в руках [Артамонов М.И., 1961. С. 61. Рис. 4; Раевский Д.С., 1977. С. 98–99. Рис. 9; Рыбаков Б.А., 1981. С. 569]. На этой композиции наиболее убедительно запечатлено высокое положение женщины и подчиненное положение мужчины. Давно утвердилось мнение о том, что основные упомянутые выше композиции, особенно композиция на сахновской пластинке, кульобской и других бляшках скифского и синдо-меотского искусства, имели культово-мифологическую основу, а женская фигурка принадлежит популярному скифскому божеству, по мнению одних исследователей – Табити [Граков Б.Н., 1971; Раевский Д.С. 1977. С. 83, 95–109], других – Аргимпасе [Ростовцев М. И., 1913. С. 16; Артамонов М.И., 1961. С. 64–65; Бессонова С.С., 1983. С. 106]. Эти божества и богиня земли Апи, как полагает М.И. Артамонов, по мере развития и расширения религиозных представлений скифов, выделялись из одного древнего женского божества, воплощавшего в себе культ домашнего очага, огня, идею жизни и размножения, божества, покровительствующего стадам, диким и домашним животным [Артамонов М.И., 1961. С. 71]. Эту женскую древнюю богиню, видимо, и передают наши статуэтки с ритонами. Следовательно, она же изображена на армянских статуэтках. Это подтверждает толкование всей композиции, выражающейся в подаче рога с напитком смертному Герою, как приобщение избранника к божеству, к власти и богатству, покровительству богини [Артамонов М.И., 1961. С. 62; Граков Б.Н., 1971. С. 83; 103; Кузьмина Е.Е., 1977. С. 111; Раевский Д.С., 1977. С. 95]. Эту идею подтверждают и изображения ритонов в руках женщин, переданных на наших статуэтках. Интересно отметить, что ритоны часто встречаются на каменных изваяниях скифов и на различных бытовых и ритуальных сосудах, встреченных на территории Северного Причерноморья и Кавказа, в том числе Дагестана. Это объясняется мистическим характером самих ритонов как атрибутов героизированных умерших в скифской среде [Бессонова С.С., 1983.С. 105]. Вместе с тем некоторые исследователи рассматривают ритон в качестве символа царской власти или символа половой связи. В этом качестве в руках покровительствующей скифам богини он мог обозначать и приобщение избранника к богине.

В свете сказанного выясняется и смысл дагестанских женских статуэток с ритами в руках. Они, видимо, изображали богиню или владычицу, подающую рог для вкушения напитка бессмертия, напитка, приобщающего избранника к божеству и власти, к удаче. Аналогичен смысл и армянских статуэток. Вместе с тем и дагестанские, и, армянские статуэтки, видимо, произведены в своих, местных мастерских.

Среди статуэток Дагестана имеется изображение женщины, стоящей в молитвенной позе с руками, сложенными ладонями и пальцами друг к другу, касаясь большими пальцами груди (Рис. 19, 1). В настоящее время это жезть широко применяется в индуизме как мудра Молящегося для выражения "Чистого сияния", связи с высшими сферами Мира, для выражения благоговения, гармонизации всего организма. Называется он Атманджали-Мудра и переводится как молитвенный жезть. Аналогичное изображение найдено на плакетке из храма хеттской богини Иштар - Шавушки в нузийском доме Техип-Тилли [*Гернот Вильгельм*, 1992. С. 14. Рис. 5]. Этот аналог наталкивает нас на мысль о принадлежности и нашей статуэтки богине плодородия Иштар - Шавушка. А выражение ее жезта в значительной мере, видимо, содержало то, что закладывали индуисты в свой жезть.

Особенно выразительно мотив избранничества иллюстрирует скульптурная композиция из Чадаколоб (Рис. 35). Она передает картину диалога восседающей на троне женщины и впередистоящего мужчины с выраженными фаллическими признаками. Они расположены по сторонам цилиндрического сосуда. Восседающий на четырехугольном без спинки стуле (троне) человек имеет на шее и груди ожерелья, на запястьях рук – браслеты. Половые признаки не обозначены, но по украшениям и браслетам можно принять ее за женщину, а по другим признакам – за мужчину, иными словами за гермафродита. Напомню, что в окрестностях Чадаколоб обнаружена другая статуэтка человека в гребенчатом шлеме с выделенным фаллосом и женскими грудями (Рис. 32, 1). Среди наших статуэток имеются изображения гермафродитов с согнутыми в локтях руками (Рис. 30, 1, 2). Одна такая статуэтка происходит и из Грузии (Рис. 30, 3). Статуэтка с согнутыми в локтях руками из окрестностей сел. Гигатли имеет на голове козлиные рога, указывающие на ее связь с божеством плодородия (Берика). Еще одна фигурка изображена на навершии головной булавки из святилища у селения Чадаколоб [*Доманский Я., Пиотровский Ю.*, 1984. С. 36. Рис. 3].

Вернемся к скульптурной композиции из Чадаколоб. Между ногами фигурки зажат цилиндрический сосуд. Ее правая рука покоится на сосуде, а левая – на своем боку. Против нее стоит мужчина, ростом доходящим до ее живота. У него четко выражен фаллос, опирающийся в сосуд, правая рука покоится на краю сосуда, левая – на боку. Убор на голове у сидящей и стоящей напротив фигур одинаковые – конические (Рис. 35) [*Давудов О.М.*, 2013. С. 795–800]. Мы выше отмечали статуэток женщин с сосудами в руках и связь их иконографии с богиней плодородия и плотской любви, богиней водной стихии, богиней войны и распри типа вавилонской Иштар. У хурритов это божество было известно под именем Шавушка, которая представлялась с женскими и мужскими половыми признаками. Из этого следует, что изображения чадаколобских статуэток в образе гермафродита в гребенчатом шлеме, восседающего на троне человека из скульптурной композиции, а также двуполых фигур с согнутыми в локтях руками передают образ одного и того же божества типа Иштар -

Шавушки. Как выше утверждалось это изображение, связанное с сосудом, у аварцев называлось Бечед.

Участники сцены чадаколюбской композиции изображают процедуру приобщения богиней плодородия Бечед избранника к божеству, к власти и богатству, процедуру заключения сакрального брака. Соответственно все статуэтки гермафродитов принадлежат божеству Бечед - Иштар - Шавушка.

Среди наших статуэток, выявленных вблизи селения Гигатли, есть изображение обнаженной всадницы, фронтально восседающей на коне в "позе амазонки" (Рис. 36, 1 а, б). Аналогичные обнаженные всадницы, сидящие на конях в «позе амазонок», встречены в Грузии, Греции (Рис. 36, 2 – 10), в том числе и на острове Самос. Причем всадница с ребенком в руках из Самоса рассматривается как кавказская по происхождению [Voyatzis M., 1992. P. 259 – 279. Figs. 1 – 14; Licheli V., 2008. P. 48 – 49]. Встречены статуэтки "амазонок" и на памятниках Ирана [Septmille d'Art en Iran, 1962. P. 25. Pl. XIV, cat 130,131,133; Пилосауди К., 2015. Табл. 22, 161, 249].

Во второй половине I тысячелетия до н. э. – первых веках н.э. в Восточной и западной Европе были широко распространены верования, связанные с женским божеством – покровительницей коней. В кельтском пантеоне известна богиня Эпона, имя которой содержит обозначение коня (epo, equo – лошадь). Существовал специальный праздник в честь этой богини, отмечаемый в декабре. Изображения Эпона, стоящей у лошади или сидящей, в том числе фронтально восседающей на ней, распространены у кельтов [Филип Я., 1961. С. 108, 173; Reinach S., 1895; 1898; 1905. P. 63; Courcelle-Seneuil I. L., 1910. P. 187 – 204; Krause W., 1933 (Bilderatlas zur Religionsgeschichte. 17 Lief). S. 12; Vendryes J., 1948. P. 282; Vries J. de, 1961. (Die Religionen der Menschheit. Bd. 18). S. 123 – 127; Lanthier R., 1936]. Существует общинноевропейское представление о богине – “Хозяйке коней”, реконструированное на основании греческого и кельтского божеств. В этот круг входит и хеттское божество *rigwo* – божество на лошади [Иванов В.В., 1975.С. 13]. Судя по изображениям из Ирана, здесь тоже была известна богиня, культ которой тесно связан с конем. В конце XIX в. было предпринято сопоставление кельтской Эпони и иранской **drvaspā** [Darmesteter J., 1892. P. 431]. В настоящее время оно поддержано В. Ивановым [Иванов В.В., 1974. С. 137. См. также: Dumézil G., 1968. P. 87 – 89]. В митраизме **дрваспа** идентифицируется с Сильваном и Эпоной [Cumont F., 1899. P. 147 – 148, 152; Hubert H., 1925. P. 187 – 198; Gray L.H., 1929. № 15. P. 73; Cumont F. 1956. P. 112]. В «Авесте» сказано: “Благая, творение мудрости, священная **Drvaspā**” (Яшт, IX, 1, 1). “Ее кони взнузданы, ее повозки катятся, ее колеса вертятся ... она прекрасная и могучая” (Яшт, IX, 1, 2). Она помогает кейянидам в их борьбе с враждебными племенами туранцев, возглавляемых Афрасиабом. Г. Ломель полагает, что **дрваспа** связана с народными верованиями о всадниках и владельцах коней. Она – богиня, хранительница коней и вообще домашнего скота [Lommel H., 1927. S. 37 – 38]. По Э. Херцфельду **dvāspā** – это божество, соответствующее греческому Адонису – божеству растительной жизни [Herzfeld E., 1929/30. S. 174].

В Передней Азии сирийскую богиню Астарту и бога Баала, ханаанскую богиню войны Анат, хтоническую богиню Лабарту изображали на спине коня [Кузьмина Е. Е., 1985. С.]. Следовательно, гигатлинская статуэтка всадницы передает образ богини типа Дрваспа – Сильван – Эпона – Астарты, покровительницы любви и плодородия, войны и охоты, коней и вообще домашнего скота, изображающейся в виде

нагой всадницы. Как она называлась в дагестанском и грузинском пантеоне нам не известно.

Большой интерес представляют парные мужские фигурки, переданные на конях или без них. Одни из них – изображения двух людей, переданных в анфас с руками на поясе, – происходят из Хосрехского святилища. Другие изображения двух мужчин с четко выраженными половыми признаками происходят из окрестностей чеченского селения Шали [Виноградов В.Б., 1972. С. 353. Рис. 37]. Парные изображения людей происходят и из Кумбултского могильника Осетии [Уварова П.С., 1900. С. 53. Табл. XL, 2]. В ГЭ в Отделе Востока хранится бронзовое навершие с изображением двух всадников из Дагестана (инв. № 13 761). Оно было опубликовано и подробно интерпретировано Е.Е. Кузьминой. По ее мнению, богиня с предстоящими всадниками, богиня с двумя лошадьми или головами лошадей или два всадника – имеют одно и то же значение и взаимозаменяемы в изобразительном искусстве, что устанавливается по античным памятникам [Кузьмина Е.Е., 1973. С. 181, 188]. На памятниках Кавказа эпохи раннего железа действительно в большом количестве встречаются изображения одиночных и парных всадников или геральдически переданных конских фигур. Парными изображениями всадников был увенчан обух колхидского топора VIII – VII вв. до н. э. из сел. Сулори [Лордкипанидзе О., 1989. Рис. 105; 1986. С. 82 – 83]. Е.Е. Кузьмина приводит аналогии дагестанской находке из коллекции Венского музея, где имеется навершие головной булавки в виде всадника, а также из среди находок Луристана в долине Борской поляны [Кузьмина Е.Е., 1973. С. 181, 188. См. также: Уварова П.С., 1900. С. 53. Табл. XL, 2; Hančar F., 1932. P. 148 – 149. Fig. 18; 1935. Taf. 14; 1930. Fig. 1. Tafel 1. 1941. С. 71; Табл. XXIII; 7000 ans, d'art en Iran. № 428, 443, 444]. Появление образов парных статуэток она связывает с возникновением верховой езды, ритуальных захоронений коней или их частей и удил, а они в свою очередь – с проникновением на Кавказ через Дербентский проход скифо-киммерийских кочевников [Кузьмина Е.Е., 1973. С. 186]. В этих изображениях она видит образы двух богов или двух божественных героев – близнецов [Кузьмина Е.Е., 1973. С. 188], характерных для индоевропейских верований. В греческой мифологии почитаются божественные близнецы Полидевк и Кастор, сыновья Зевса.

Полидевк – упрямый, но добрый и смелый. Он участвовал в ряде героических предприятий: вернул на Родину похищенную Гесеем Елену Прекрасную; принял участие в походе аргонавтов, в котором Полидевк победил в кулачном бою царя Амика. Они известны под именем Диаскуры, соперничали со своими ближайшими родичами Афаретидами, у которых похитили невест – Фебу и Гилайру. Они вступили в спор с Афаретидами из-за дележа стада быков и в поединке Кастор пал от руки Идаса, а Полидевк убил Линкея. Зевс поразил убийцу сына молнией. Не желая пережить брата, Полидевк просил Зевса послать ему смерть. Зевс разрешил Полидевку уделить часть своего бессмертия брату и с тех пор Диоскуры проводили день в подземном царстве, а день на Олимпе среди богов (по другому варианту в то время, когда один из Диоскуров находится на олимпе, другой пребывает в Аиде). По некоторым мифам, Зевс в награду за братскую любовь Диоскуров сделал созвездием Близнецов. Миф символизирует смену жизни и смерти, света и тьмы. Их чтили и в Риме, где существовал храм Диоскуров. Их изображали прекрасными юношами. Часто их изображали вместе с конями или в образе прекрасных юных всадников.

Культ близнецов Ашвинов подробно охарактеризован в ведийских и индуистских мифах, где имя Ашвины переводится как обладающие конями или «рожденные от коня». Эти братья – близнецы живут на небе. Их культ близок к древнегреческому культу Диаскуров. Ашвины принадлежат к небесным божествам и связаны с пред-рассветными и вечерними сумерками. Разбуженные Ушас, они несутся на золотой колеснице, запряженной конями, птицами или на стовесельном корабле по небу над всем миром в сопровождении Сурьи. За день они объезжают вселенную и прогоняют тьму. Утром их призывают к себе молящиеся. Ашвины – знатоки времени, они рождены небом, их место в обоих мирах. Ашвины спасатели, помогающие в беде. Они приносят для ариев дары, богатство, пищу, коней, коров, быков, детей, свет, счастье, победу, дают долгую жизнь, жизненную силу; они защищают певцов, вознаграждают их. Подчеркивается роль Ашвинов как божественных целителей. Они возвращают жизнь умершим, излечивают слепых и хромых, совершают и другие чудесные поступки; спасают гибнущих в водной пучине.

Ашвины связаны с медом (они дают мед пчелам, кропят им жертву, везут мед в колеснице и т.д.) и сомой. Они нетерпимы к чужим; вступают в борьбу против злых духов, болезней, скупцов, завистников. Из всех божеств ведийского пантеона Ашвины теснее всего связаны с солярными божествами и, как и последние, принимают участие в свадебных ритуалах.

Ашвины – самые юные из богов, но вместе с тем и самые древние. Они изображаются сильными, прекрасными, обладающими здоровьем; подчеркивается их яркость, быстрота, ловкость. Они могучи и обладают многими формами, украшены гирляндами из лотоса; они танцоры. Их сравнивают с птицами, быками, буйволами, газелями и т.д.

Главная особенность Ашвинов – парность. Они – близнецы. Правда, иногда указывается, что они родились порознь. Согласно древнеиндийскому лексикографу Яске один из Ашвинов – сын ночи, другой – сын рассвета. Позже оформляется ряд противопоставлений с элементами которых связан каждый из Ашвинов: небо – земля, день – ночь, солнце – месяц и т.д.

Согласно мифологическому сюжету дочь Тваштара Саранью стала женой Вивасвата. Родив Вивасвату двух близнецов Яму и Ями, Саранью, не любившая супруга, подменяет себя во всем подобной ей женщиной, а сама, обернувшись кобылицей, убегает из дома. Заметив обман, Вивасват, превратившись в коня, пускается в погоню и настигает ее. После примирения Саранью рождает двух близнецов братьев – Насатью и Дасру, которые стали называться Ашвинами. В другом сюжете Ашвины приготовили лекарство, вернувшее Индре силу, позволившую одержать победу над бывшим другом асурой Намучи. Они исцеляют Индру и тогда, когда он выпивает чрезмерное количество сомы после убийства Вишварупы.

Ашвины однажды увидели красавицу Суканью, выходящую после купания из воды, и предложили ей выбрать из них себе мужа. Суканья отказалась, так как у нее уже был муж, дряхлый отшельник Чьявана. Тогда Ашвины омолодили Чьявану и вместе с ним вышли из озера в виде прекрасных юношей, не отличимых друг от друга. По тайному знаку Суканья все-таки сумела выбрать Чьявану, который в благодарность дал Ашвинам долю в возлияниях сомы, чем вызвал гнев завистливого Индры.

Ашвины именуются «детьми кобылы», хотя их конская природа остается завуалированной. В дальнейшем появляются другие пары близнецов, дублирующие Ашвинов.

Особенно многочисленны мотивы спасения Ашвинами кого - либо из беды.

Культ близнецов встречается и у народов Кавказа, в том числе и Дагестана. Правда, здесь они не имеют названия. Но вышеописанные особенности, характерные для близничного культа, встречаются. Рождение близнецов приписывается повышенной плодовитости и вмешательству сверхъестественных сил [*Штернберг Л.Я.*, 1936.С. 98 – 101]. Рождение близнецов у народов Дагестана воспринимается как доброе предзнаменование. Бытует поверие о том, что иметь в доме и брать с собой в дорогу одежду близнецов – добрая примета. В фольклоре народов Дагестана выявлены четко выраженные мотивы, характерные для этого культа. Этой теме посвящена специальная статья М.Р. Халидовой [*Халидова М.Р.*, 1981.С. 25 – 42]. По рутульской легенде сестра, обидевшись на брата за нескромное отношение к себе, ударила его половником и убежала от него, обернувшись в солнце, а брат, обернувшись в луну, гонится за ней и пытается ее достать. В лакском предании солнце представлено в образе красивого юноши («от его блеска слепнут глаза»), а луна – красивой девушки. Они любят друг друга. Но однажды луна приревновала, солнце к людям сказала: «Ты ослепляешь их, и они тебя не видят. Ты им видишься в облаках и очень блекло. Я красивая и поэтому на меня глядят все». Солнце стало обидно от дерзких слов, и оно, схватив грязь, бросило в луну. И на ней появились несмываемые пятна. До сих пор луна убегает от солнца: появится солнце – исчезает луна.

Образы близнецов приобретают и зооморфные очертания. Близнецы – брат и сестра превращаются в удонов, которые считались почитаемыми птицами у народов Кавказа. В рутульском предании молодую невестку свекор застал за расчесыванием волос, и смущенная женщина, попросила бога превратить ее в удода. У кубачинцев существовало поверье согласно, которому женщинам в определенные дни не разрешалось расчесывать и мыть волосы во избежание потери «волоса благополучия и удачи». Аналогичные представления были распространены и у грузин. По цудахарскому преданию девушка превращается в филина. В рутульском сказании близнецы – брат Гигу (кукушка) и сестра Мадина, оставшись сиротами после смерти родителей, не захотели жить среди людей и попросили Аллаха превратить их в кукушек. В дагестанских сказаниях особенно близки друг другу близнецы – брат и сестра [*Халидова М.Р.*, 1981.С. 25 – 42].

При проведении обряда “первой борозды” весной аварцы и андийцы запрягали в ярмо двух быков – близнецов, а к участию в обряде привлекали двоих детей-близнецов. Считалось, что это способствует плодородию почвы и обилию урожая. По окончании пахоты дагестанские горцы устраивали скачки, а коню-победителю вешали на шею огромный бублик, символизирующий солнце [*Халидова М.Р.*, 1981. С. 25 – 42]. Как видно, в этих материалах отчетливо прослеживаются мотивы, близкие к индоевропейским верованиям культа близнецов. По всей вероятности они были занесены в Дагестан индоиранскими племенами в конце II – начале I тысячелетия до н. э.

В индоиранской мифологии коня связывали с солнечным божеством. Персидские маги во время похода Ксеркса принесли в жертву белых коней реке Стримон в Фессалии (*Геродот.VII*, 113). В Авесте упоминается “быстроконный” дух воды Апам

Напат (Яшт, V 72; Ясна, 2,5; 65, 12,13), героя Тиштрия. Он предстает в образе белого коня (Яшт, XIV, 9), побеждающего демона засухи. В фольклоре иранских народов сохраняется образ водного коня, иногда крылатого, выходящего из-под воды и оплодотворяющего земных кобылиц [*Беленецкий В.Д.*, 1948. С. 162 и сл.]. Такие мотивы сохранились и в сказках народов Дагестана. Встречаются сюжеты о Героях, совершающих подвиги на конях. Статуэтки одиноких всадников, видимо, передавали образы божеств - покровителей коней, связанных с водной стихией, почитаемой как первоисточник жизни. Они могли быть связаны и с обожествленными Героями.

Среди наших материалов антропоморфной пластики значительное место занимают статуэтки воинов. Из культового места у сел. Гигатли происходит статуэтка бородатого воина. В левой руке воин держит отсеченную голову врага, в правой – обнаженный кинжал (Рис. 25, а, б, в). Аналогичное, но более простое изображение воина происходит из чеченского культового места Химой (Рис. 25, 2 а, б, в). Интересна и статуэтка воина из Каратинского могильника. Воин стоит в статичной позе с руками на поясе (ферт), облачен в доспехи. Торс перекрещен ремнями, груд и живот украшены солярными символами, голова увенчана убором, напоминающим цилиндр с выступом в середине. На поясе отрубленная голова врага. На ногах характерные для хеттских и грузинских племен, а также для горцев Дагестана сапоги с загнутыми вверх носками (Рис. 25, 3 а, б, в). Все эти статуэтки передают образ одного и того же персонажа и иллюстрируют какой-то общественно значимый подвиг. И одежда, и доспехи, и сапоги, особенно кафтан с боковыми разрезами и выемками спереди и сзади подола, характерный для сасанидских правителей и высшей военной знати, указывают на высокое положение воина. Скорее всего здесь представлен образ воинствующего общинного божества Иахсари – Героя из мифов горцев Восточной Грузии, сына верховного бога Мориге Гмерти. Согласно мифам, жителей Пшави и Хевсурети притесняли дэвы (громодные нечистые существа), оскверняли их святилища, бесчестили женщин, убивали детей. Обеспокоенные этим, горцы обратились за помощью к своим божествам – покровителям. Собравшись на совет у врат верховного бога Гмерти, хвтисшвили (сыновья бога Гмерти) упросили великого бога покарать дэвов. Чтобы избрать предводителя, Гмерти испытал силу хвтисшвили. Победу в состязании одержали Иахсари и Копала, которые и возглавили поход. Они разгромили дэвов, убили их богатырей – Музу и Бегелу. После разгрома дэвы превратились в невидимые существа и навсегда покинули эту местность. Вот как это передается в мифах и преданиях восточногрузинских племен.

В ущелье реки Иори жили прославленные дэвы Муза и Бегела. Муза был царем дэвов, а Бегела была красивой женщиной-дэвом. Иахсари устроил засаду дэву Муза, идущему на состязания по бросанию камней на Оленьем гумне. Когда Муза дошел до горы выскочил Иахсар из укрытия и убил его. Смертельно раненный, Муза испустил рев. Остальные дэвы поняли, что с Музой неладно. Иахсар перебил и других дэвов ущелья и разрушил их жилища. Затем он перебил дэвов Гамхвурткари и Тхилиани. При этом один самый большой дэв убежал в сторону Хевсурети. Погнался за ним Иахсар и возле озера Абуделаури догнал его. Тогда дэв спрятался в озере. Прыгнул за ним и Иахсар, настиг его на дне озера и убил. Кровь дэва покрыла всю поверхность озера, Иахсар не смог выплыть, нечистая кровь дэва закрыла ему путь.

Прошли три года. Люди забеспокоились, «Куда делся тот монах, который освободил нас от дэвов, а сам исчез?»

Одна прорицательница сообщила его историю народу. Попытки людей поднять его не увенчались успехом. Тогда та же прорицательница сообщила, что Иахсар застрел в глубинах Абуделаурского озера: там убил он дэва, кровью которого закрыто озеро, и не может он подняться, пока не пробьют ему путь жертвоприношением барана с четырьмя рогами и четырьмя ушами из сел. Бло. Житель Бло привел своего барана и на берегу озера зарезал его. Кровь барана стекла в озеро и очистила его воду. Выплыл хрустальный камень, а на нем – Иахсар в образе голубя. Иахсар взлетел [Грузинские народные предания и легенды, 1973. С. 86 – 90].

Таким образом, статуэтки воинов с отрубленными головами передают образ общинного бога Иахсар и иллюстрируют его подвиг по уничтожению дэвов и их царя Музы.

В кафтане, похожем на одеяния гигатлинской статуэтки воина, изображен воин – лучник в гребенчатом шлеме из Аргунского ущелья Чечни [Zakharov A. A., 1933. Fig. 86]. У него за спиной голова козла, показывающая его связь с божеством плодородия в образе Берики. Среди находок из Кидилашан Дагестана есть еще одна статуэтка воина – лучника. Таким воином-лучником в мифах восточногрузинских горцев считается Копала, другой хвтисшвили, локальное божество хевсуров. Народная этимология выводит его имя от грузинского «комабли» – «пастиший посох».

Борьба Копала с дэвами в грузинских сказаниях передается так: Копала услышал, что Пшавия очень страдает от дэвов и пошел на помощь людям. Основная твердыня и крепость дэвов была в местности Цихегори. Копала пришел к ним и перебил всех дэвов, занял их крепость и дарбази (жилище).

Самый отчаянный из картанийских дэвов похитил камень, который бросал Копала. Вернувшись с охоты, Копала обнаружил пропажу, понял причину и погнался за похитителем. За несколько верст увидел он дэва, пустил стрелу и убил его. Поблизости был дом того дэва. Копала узнал у матери дэвов где ее сыновья. Пошел навстречу возвращающегося с охоты старшего сына. Копала видит, что на вершине горы показался дэв. На одном плече он несет большое дерево чинара, на другом – оленя. Копала пустил в него стрелу и убил. Покатился дэв вниз и полгоры за собой потащил.

Узнал об этом девятиголовый дэв и пошел сражаться с Копала. Сражались они в течение целого дня. Копала остался победителем. Отрубил он дэву все девять голов.

Собрались дэвы и задумали запрудить реку Арагви, чтобы стала она морем и затопила Пшави. Узнал об этом Копала, пришел и перебил всех дэвов [Грузинские народные предания и легенды, 1973. С. 83 85].

Дэвы поймали кузнеца Пиркуши (другого хвтисшвили) и отвели его в Хуш-хеви. Узнал об этом Копала и помчался на помощь Пиркуши. Перебил Копала дэвов и освободил его. Убил он и знаменитого дэва – Верхвельского бугая. Тогда же Копала наполнил ущелья и долины трупами дэвов, полил их кровью всю землю [Грузинские народные предания и легенды, 1973. С. 85 – 86].

Как видно, в статуэтках воинов-лучников запечатлен образ воинствующего общинного божества, борца с дэвами Копала. А статуэтки воинов иллюстрируют подвиги хвтисшвили с нечистыми силами – дэвами.

Статуэтки обнаженных воинов в гребенчатом шлеме обнаружены на культовом месте Берак, у сел. Арчо Ахвахского района (Рис. 28, 2). У воинов в правой руке остатки копья. Аналогичные статуэтки происходят из Чечни (Рис. 28, 4 – 6). Анало-

гичные, но лучше сохранившиеся статуэтки происходят из окрестностей армянского селения Паравакар (Рис. 28, 7 – 11). Все они имеют подчеркнuto выраженные фаллические признаки. На культовом месте Берак найдена и третья статуэтка (Рис. 28, 3). Она изображает бородатого мужчину с выраженными фаллическими признаками. Но он не воин. Выше мы отмечали, что название культового места у сел. Арчо происходит от имени божества плодородия Берика. Также отмечалось, что Берикаоба, связана с земледельческим культом оплодотворения и размножения, культом языческих божеств Квириа и Телефа.

Квириа, в грузинских мифах – божество, предводитель локальных общинных божеств – хвтисшвили, посредник между верховным богом Гмерти и людьми, вершитель суда. Его эпитеты – каравиан ("имеющий шатёр"), хметмоурави ("правитель суши"). Квириа – мужское божество плодоносящих сил природы. Ему посвящался цикл ранневесенних праздников, включавших восемь отдельных ритуалов; во время праздников строилась хижины из зелёных веток, снежные башни, устраивались состязания между соседними деревнями, пелись гимны и разыгрывались действия, в которых наглядно подчёркивалась фаллическая природа божества. В ряде песнопений горцев западной Грузии Квириа выступает также как высшее божество, ведающее небом и небесной водой. Гимн Квириа пели во время засухи, чтобы вызвать дождь [Сургуладзе И., 1997.С. 631].

Тулепиа-Мелиа, в грузинской мифологии божество – покровитель плодородия. По своим функциям Тулепиа-Мелиа близок к божеству хеттов Телепинусу и адыгскому божеству Глепш.

Культ Тулепиа-Мелиа постепенно слился с культом Квириа. Праздник Тулепиа-Мелиа, связанный с культом воскресающей природы, в качестве самостоятельного элемента входил в ритуалы, посвящённые Квириа. Ему соответствовали празднества адрекилаи, агбалаграл, берикаоба и др. [Сургуладзе И., 1997а.С. 533].

Статуэтки воинов, обнаруженных на культовом месте Берак и чеченских горах иллюстрируют образы божества Квириа-Телефа. Тоже самое следует сказать о статуэтке итифаллического воина в гребенчатом шлеме из окрестностей сел. Мачада Шамильского района (Рис. 17, 5).

Для выяснения природы этого божества интересно привести сведения о родственном божестве Телепинусе из хеттских мифов. Телепинус у хеттов бог плодородия, сын бога грозы (Тару) и богини-матери, главный персонаж цикла об исчезающем и возвращающемся боге. Исчезновение Телепинуса связывается с его гневом. В неистовстве он надевает правый сапог на левую ногу, а левый на правую. С уходом Телепинуса из дома очаги и жертвенные столы окутывает дым, домашний скот перестаёт приносить потомство, начинается засуха, в полях не растут злаки (Телепинус унес с собой богиню зерна и полей). Боги собираются на пир, но не могут утолить голод и жажду. Они тщетно пытаются найти Телепинуса, бог солнца посылает за ним орла, но и он не находит бога. На поиски отправляется бог грозы, он разбивает рукоятку своего молота о ворота города – резиденции Телепинуса, но не может их открыть. Тогда богиня-мать посылает на поиски пчелу. Пчела находит Телепинуса спящим на поляне у священного города Лихцина. Она жалит Телепинуса, он пробуждается ещё более разгневанным и навлекает разрушение и уничтожение на людей, скот и всю страну. Однако богиня Камрусеп, совершив обряд заклинания, смягчает гнев Телепинуса. Телепинус возвращается, принося с собой плодородие и

процветание, возрождение жизни [Луна, упавшая с неба, 1977. С. 55 – 61; Бендукидзе Н. А., 1973].

Большой интерес представляет статуэтка танцора, найденная около сел. Хупри Цунтинского района (Рис. 39, 4). Она передает образ юноши, танцующего лезгинку. По описанию она напоминает одного из близнецов Диоскуров, принимавших участие в празднике в честь божества плодородия типа Берика – берикаоба. Надо сказать, что название танца "лезгинка" условное. Этот танец широко распространен на Кавказе. А в горном Дагестане представлены его разные варианты. Ранее мы обращали внимания на позы разных статуэток. В сочетании друг с другом некоторые из них составляют позы танцевальной пары лезгинки [Давудов О.М., 1974.С. 93]. Так, если сопоставить мужскую итифаллическую статуэтку с копьем и щитом в руках из культового места Берак, приписываемую нами Квириа – мужскому божеству плодоносящих сил природы с женской статуэткой Богини - Матери с руками в «позе объятия», то они напоминают нам позы пары мужчины и женщины, танцующей лезгинку. Причем, рисунок самого танца «лезгинка», по которому движутся танцоры, напоминает лабиринт. Это наводит на мысль о том, что в основе «лезгинки» лежали мистерии с шествиями богов. В этом шествии принимали участие плодоносящие силы природы и их применяли на праздниках в честь пробуждения природы.

Весьма интересны бронзовая статуэтка женщины с признаками животных и биметаллическая статуэтка двуликого воина из окрестностей чеченского селения Шатой. О.А. Брилева подробно описывает и иллюстрирует различным демоническим существам, включая Алмас (Ал-Бастык), Елан-Виджал, Гам-Ведьма, хозяев зверей и т.д. [Брилева О.А., 2006. С. 166 –167]. Надо заметить, что хозяева зверей не относятся к демонам. Принадлежность «двуликого» статуэтки демоническим существам не вызывает возражения. Только к каким? Двуликих сверхъестественных существ на Кавказе не отмечено, а поблизости от Кавказа их не так уж и много. Это шумерский бог Изимуд и бог древнеримской мифологии Янус – бог дверей, входов, выходов, различных проходов, а также начала и конца. Естественно к нашей статуэтке они не имеют никакого отношения. Наша биметаллическая статуэтка, как отмечает О.А. Брилева, действительно характеризует черты двойственности, имеет зловещие признаки демона. При подборе подходящих для сопоставления персонажей О.А. Брилева упустила самых важных демонов, играющих большую роль в идеологии горцев Восточной Грузии, Западного Дагестана и Грузии – Дэвов. С ними косвенно связаны многие изображения из нашей пластики. Им уделяется большое внимание в популярной на Кавказе мифологии. Такой важный для подчеркивания силы, как многоголовость мастер мог передать путем изображения двух лиц, обращенных в противоположные стороны. К тому же усеченный нос, разбитое лицо, сломанные руки и ноги обеих статуэток указывают на какие-то ритуальные насильственные действия, применявшиеся к ним. Предположение О.А. Брилевой о том, что эти повреждения нанесены на уровне лепки не убедительны. В этом случае была бы деформирована внешность и не были бы сломаны и трещины.

Дэв в грузинской мифологии – это лесной человек, воплощающий злое начало. Он представляется многоголовым существом, тяжесть которого с трудом выдерживает земля. Дэвы пожирают людей. Наиболее знатными девами были Муза и Бегела. В грузинских сказаниях говорится, что Муза был царем дэвов, а Бегела была красивой женщиной-дэвом [Грузинские народные предания и легенды, 1973. С. 88]. Дэв

велик ростом, тело у него покрыто густой щетиной. Он днем прячется и по ночам выходит на охоту на людей и животных. Он похож на человека, но безобразен, выше пояса покрыт щетиной [Грузинские народные предания и легенды, 1973. С. 83.– 88.]. Среди дэвов есть Бакбак-Дэви.

Из образа статуэток и мифологических сюжетов о дэвах можно выделить совпадения: большой рост, огромная сила и многоголовость, переданная через двуликость. Эти признаки указывают на принадлежность статуэтки двуликого воина дэву Музе, а статуэтки женщины с признаками животного – Бегеле. Эту точку зрения можно принять, пока не будут найдены другие более убедительные доводы.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении разнообразные статуэтки отражают смысл древних мифологических сюжетов. Они передают образы божеств, обожествленных Героев и демонов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение антропоморфной пластики Северо-Восточного Кавказа позволило поставить и решать целый ряд вопросов древней и средневековой истории и археологии. Решение этих вопросов осуществлено на основе довольно большого количества статуэток, накопленных к настоящему времени, мифов и фольклорных данных. После присоединения Дагестана и Чечни к России интерес к истории и материальной культуре Дагестана был большой. Любители антиквариата активно собирали статуэток людей и животных. В тоже время выдвигались примитивные, порою фантастические и ничем не обоснованные рассуждения при интерпретации этих статуэток. Более достоверные и научно обоснованные исследования появились значительно позже (А.А. Захаров, А.А. Иессен, А.П. Круглов, И.В. Мегрелидзе, В.И. Марковин, Д.М. Атаев, М.М. Маммаев, М.С. Гаджиев, Р. Ченсинер, О.А. Брилева и др.). В ходе исследований нами формировались и решались разные побочные проблемы металлопластики. Рассмотрена история изучения мелкой пластики Северо-Восточного Кавказа, дана их характеристика и характеристика мест их обнаружения, классификация фигурок, предложена хронология и семантика. Для решения вопроса о хронологии статуэток требуется строгая систематизация артефактов. К настоящему времени с учетом предлагаемой в этой работе накопилось пять классификаций. По технологическим признакам статуэтки делятся на объемные, отлитые по восковым моделям и на плоские или плоско-вогнутые, отлитые в односторчатые формы. С учетом всех особенностей статуэтки классифи-

цированы по категориям, отделам, группам, типам и вариантам. Это позволило предложить хронологию категорий статуэток, основанную на археологических материалах и письменных источниках. Основная масса статуэток относится к III в. до н.э. – времени появления ислама в высокогорном Западном Дагестане. Самая многочисленная группа статуэток адорантов представлена плоско-вогнутыми и небольшим числом – объемными фигурками.

На Каратинском могильнике в разрушенном погребении были обнаружены 4 плоско-вогнутые статуэтки женщин и одну статуэтку мужчины вместе с ритуальной ложечкой с утолщениями в виде куба со срезанными углами в конце и середине ручки. Из погребения на хуторе Беледи происходят объемная антропоморфная мужская фигурка с поднятой вверх одной и опущенной вдоль туловища другой руками и шлемом, увенчанном ромбовидным окончанием на голове, фигурка козла и вместе с ними такая же ритуальная ложечка, как и на Каратинском могильнике. Они, эти ложечки датируются в рамках VII - XII вв. В это время в Дагестане прекращают производство объемных статуэток и начинается производство плоских статуэток. По материалам Бежтинского могильника эту дату можно сузить до VIII в. Следовательно дата плоских статуэток размещается в пределах времени, начиная с VIII в. до появления ислама в Западном Дагестане, при котором идолопоклонство было запрещено.

При этом отметим, что исходя из степени стилизации плоские статуэтки аронтов и фертов относятся к трем хронологическим этапам. Естественно предположить, что наиболее стилизованные статуэтки могут быть отнесены к позднему времени, а наиболее реалистичные и объемные к раннему времени, т.е. до VIII в. Промежуточное положение занимают статуэтки, найденные в Каратинской «разрушенной могиле». Более поздние «аронты» имеют гипертрофированные руки, а ферты – весьма условно переданные фигуры.

Изображения людей, переданных в позе аронтов встречены в зооморфной композиции бронзового браслета, найденного в окрестностях высокогорного селения Хушет Цумадинского района. К тому же времени, когда стали производить плоские фигурки, т.е. к VIII в. относится и хушетский браслет.

Объемные статуэтки, воина из окрестностей сел. Гигатли по фасону кафтана отнесено к позднесасанидскому времени. К этому же времени относятся статуэтки, обнаруженные вместе со статуэткой гигатлинского воина. Из этой группы статуэтка всадницы, восседающей на коне "в позе амазонки" имеет особый признак, позволяющий отнести ее к раннему средневековью – жесткое седло появившееся в хазарское время. В кафтан сасанидской воинской знати одет лучник из Чечни. К ним близки химоевская статуэтка, Каратинская статуэтка, статуэтка лучника из Кидидашан, итифаллические статуэтки воинов из культового места Берак у сел. Арчо и статуэтки воинов из Чечни, опубликованные А.П. Ипполитовым. При этом последние находят аналогии с находками эпохи раннего железа Закавказья. Также в Закавказье и Передней Азии эпохи раннего железа находят аналогии объемные статуэтки молящейся женщины с ладонями, приложенными друг к другу, женщины-ферт с тремя головами, женщины с руками в позе "объятия", женщин с сосудами, женщин с младенцами в руках, гермафродит с руками, согнутыми в локтях, гермафродит из Чадаколов в гребенчатом шлеме, композиция по сторонам сосуда из Чадаколов, всадницы "в позе амазонки", фигурки одиночных всадников, парных фигур близнецов, Эти статуэтки могут быть отнесены к тому же времени, что и основная группа – к III в. до н.э. – VII в. н.э., но исключить их датировки эпохой раннего железа мы не можем.

Из чадаколюбского святилища происходят бляхи с изображениями картин мироздания. В центр полусферической бляхи помещен солярный знак, а в его окружение – три заключенные друг в друга зоны с обтекающими спиральками – символы продвигающегося солнца. Поперек бляхи помещен кошачий хищник, хвост которого опирается в солярный знак в центре бляхи, а мордой выступает за ее край. Кошачий хищник поедает быка, отмеченного солярным знаком на лбу. Картина передает смену времени. Вместе с тем она напоминает общее для всех кавказских народов представление о мироздании: он состоит из трех миров, верхнего, нижнего и среднего. На краю мира растет древо жизни, по которому можно проникнуть из одного мира в другой. Человек из одного мира в другой может переместиться с помощью коней или баранов. Момент перемещения из одного мира в другой иллюстрирует статуэтка всадника на баране, обнаруженную в Чечне.

Статуэтки адорантов – молящихся людей, орантов и фертов принадлежат низшим божествам, покровителям общин, рода, семьи, общинника. Их изображают постоянно молящимися верховному божеству за тех, кому они покровительствуют, за тех, кто их изготовил и поместил в культовое место, вымаливая для них удачу, блага, изобилие, благоприятную погоду. Изображение орантов на головах животных хушетского браслета указывает на их связь с животными. У аваро-андо-дидойских народов Дагестана отмечены предания о горных духах, покровителях диких животных, известных под именем будуалал. Это имя мусульманских святых, покровителей, людей, которые проводят все свое время в молитвах и поминании Аллаха. До появления ислама они, видимо, были известны под именем Дали – божества охоты.

Изображения воинов представлены фигурками с мечами и отрубленными головами врагов, лучников, копьеносцев, а также героев с шлемами. Статуэтки воинов с отрубленными головами и статуэтки лучников изображают божеств Иахсари и Копала и иллюстрируют их подвиги, совершенные по уничтожению дэвов. Статуэтки воинов с копьями найдены на культовом месте Берак и культовом месте Чечни, где справляли обряд берикаоба, а также статуэтки обнаженных людей в шлемах связаны с земледельческим культом оплодотворения и размножения, культом языческих божеств Квириа и Телефа.

Различные статуэтки женщин изображают Великую мать в различных ее ипостасях. Это статуэтки женщин с расprostертыми руками, с руками в позе "объятия", с ладонями, приложенными друг к другу у подбородка, ферта с тремя головами, женщин с сосудами в руках, женщин с ритонами, беременных женщин, массирующих живот, беременной женщины с плачущим ребенком в утробе, женщин с младенцами, гермафродитов, всадницы "в позе амазонки", женщины, восседающей на стуле. Изображение трехголовой женщины по древневосточным мифам имеет иконографические признаки богини, создающей людей из глины. С богиней плодородия связан сосуд изобилия. Образы женщины, подающей рог связаны с образом богини плодородия. Участники сцены чадаколюбской композиции изображают саму процедуру приобщения богиней плодородия избранника к божеству, власти и богатству, процедуру заключения сакрального брака. Соответственно все статуэтки гермафродитов принадлежат божеству плодородия типа Иштар - Шавушка и оно у аварских племен именовалось Бечед. Изображения женщин с младенцами на руках, по всеобщему признанию, передают образ богини – прародительницы, всеобщей божественной матери.



Статуэтки парных фигур всадников или стоящих людей передают образы близнецов. Также встречаются изображения мужчин – всадников и всадницы "в позе амазонки". Их появление на Кавказе, в том числе в Дагестане относится к началу I тысячелетия до н.э. и связано с индоевропейской миграцией.

Среди статуэток имеется фигурка танцора. Она, видимо, изображает близнеца, участника праздника возрождения природы – берикаоба.

Бронзовая статуэтка женщины с признаками животных из Дагестана и биметаллическая статуэтка двуликого воина из окрестностей чеченского селения Шатой изображают демонических существ, скорее всего царя дэвов Музу и красивую женщину дэв Бегелу.

По статуэткам можно видеть характерную для той эпохи одежду, головные уборы и обувь. Верхняя одежда представлена кафтанами, среди которых встречаются образцы с боковыми вырезами подола и выемками спереди и сзади. Встречаются статуэтки в рубашках, заправленных в брюки. Причем, брюки прямые, широкие. Встречаются шлемы типа шишаки, гребенчатые (разных форм), короны (пятитубчатые, в виде ободков, колпаков, шапочки конических, цилиндрических с шишечкой на вершине форм, женский убор в виде "чохта" и др. Обувь представлена сапогами. Особенно интересны сапоги с загнутыми вверх носками, характерные для хеттов, народов Закавказья и Горного Дагестана. Украшения представлены изображениями сложных ожерелий, подвесками. Встречаются шейные гривни, ручные и ножные браслеты. Также встречаются пояса, портупейные ремни. Женщины изображены с толстыми сплетенными косами.

Как видно, изучение статуэток проливает свет на сложный мир материальной и духовной культуры древнего и средневекового населения Западного Дагестана.

ЛИТЕРАТУРА

Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993. 325 с.

Абакаров А.И., Магомедов Р.Г., Исмаилов М.-С.И. Новые находки из разрушенных погребальных комплексов раннесредневекового времени Западного Дагестана // Древности Северного Кавказа. Махачкала, 1998. С. 105 –112.

Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М. – Л., 1966. 224 с.

Аварские сказки. Пер. с аварского и сост. М. Саидов и У. Далгат. М.: Худ. лит., 1965. 327 с.

Агларов М.А. Из верований народов Западного Дагестана (божество ЦЮб) // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1988. С. 67 – 71.

Агларов М.А. Языческое святилище на вершине горы Бахарган // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 36 – 42.

Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У. Хроника Иманмухаммада Гигатлинского - текст XIX в. об истории Имамата. Махачкала, 2010. 208 с.

- Амброз А.К.* Стремена и сёдла раннего средневековья как хронологический показатель (IV-VIII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81 – 98.
- Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства. М.: Искусство, 1963. 274 с.
- Амиранашвили Ш.Я.* Серебряный кубок из Триалети // Вестник древней истории. № 2. 1947. С. 151.
- Антонова Е.В.* Антропоморфная скульптура древних землевладельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1977. 269 с.
- Анучин Д.Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года // Известия Русского географического общества. СПб., 1884. Вып. 4. С. 444–445.
- Арутинский-Долгоруков Н.В.* Годовой отчет исправляющего должности секретаря Общества любителей кавказской археологии с 9 декабря по 1 января 1875 г. // Записки Общества любителей Кавказской археологии. Тифлис, 1875. Кн.1.
- Армянская география VII в. по р.х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Перевод и подготовка издания К. П. Патканова. СПб., 1877.*
- Артамонов М.И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АС. Л., 1961. Вып. 2.
- Артамонов М.И.* Отчет о работах Северокавказской экспедиции в Дагестане в 1937–1938 гг. // РФ ИИЯЛ. Д.
- Архив ИА. 1906. Д.115.
- Архив ЛОИА. 1914. Д. 296.
- Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. 256 с.
- Атаев Д.М.* Некоторые вопросы истории искусства народов Дагестана // Искусство Дагестана. Махачкала, 1965. С. 115–117.
- Атаев Д.М.* Новые данные о металлообрабатывающих очагах в средневековом Дагестане. VII МКАЭН. М.: Наука, 1964. 8 с.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.
- Афанасьева В. К.* Искусство Древнего Ближнего Востока // Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н. Искусство Древнего Востока. Сер. Малая история искусств. М.: Искусство, 1976.
- Афанасьева В.К.* Шумеро-аккадская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. 2. М.:РЭ, 1997. С. 647 – 653.
- Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана. М.: Наука, 2008. 455 с.
- Багаев М.Х., Виноградов В.Б.* Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 80 – 86.
- Бардавелидзе В.В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси, 2006. 270 с.
- Безсонов С.В.* Бронзовые статуэтки из Саракамыша // Изв. Института наук и искусств ССР Армении. Ереван, 1930. С. 57-74.
- Беленецкий В.Д.* Хутгальская лошадь в легенде и историческом предании // СЭ, 1948. С. 162-167.
- Бендукидзе Н. А.* Хеттский миф о Телепийну и его сванские параллели // Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник. Т. 4. Тбилиси, 1973.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983. 138 с.

Блэк В.Б. Стилистическая общность пластики Южного Кавказа и хеттохуритского круга эпохи бронзы и раннего железа (к проблеме реализма) // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Тез. докладов конференции. М., 1981.

Брентъес Б. От Шанидара до Аккада. М., 1976. 359 с.

Брилева О.А. Антропоморфная пластика Абхазии // XXIII Крупновские чтения по археологии Кавказа. М., 2004. С. 28–29.

Брилева О.А. Неизвестные мотивы антропоморфной пластики из Бамборского клада // Четвертая кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 26–28.

Брилева О.А. Отражение этнографических материалов в археологических данных на примере антропоморфной пластики Кавказа // Полевая этнография. Материалы II Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2005а. С. 65–66.

Брилева О.А. Антропоморфная пластика из Бамборского клада. Новый взгляд. // Первая Абхазская Международная археологическая конференция памяти Ю.Н. Воронова. Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Материалы конференции. Сухум, 2006. С. 125–129.

Брилева О.А. Классификация антропоморфной пластики Кавказа // XXIV Крупновские чтения по археологии Кавказа. Нальчик, 2006а. С. 29–31.

Брилева О.А. Отражение этнографических материалов в археологических данных на примере антропоморфной пластики Кавказа // XXIV Крупновские чтения по археологии Кавказа. Нальчик, 2006. С. 29–31.

Брилева О.А. Памятник древних культов Чечни // Чеченская республика и чеченцы. История и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: Наука, 2006. С. 166–167.

Брилева О.А. Классификация антропоморфной металлопластики Кавказа (XV–III вв. до н.э.) // Российская археология. 2007. № 4. С. 155–169.

Брилева О.А. Периоды развития и половое распределение антропоморфной металлопластики Кавказа // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере. Сб. научных трудов. Краснодар, 2007. Вып. 4. Т. 3. С. 363–366.

Брилева О.А. Стилистический анализ плоской односторонней антропоморфной пластики Кавказа // Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2007а. С. 106–111.

Брилева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа. Автореф. дисс. кандидата ист. наук. М., 2008. 22 с.

Брилева О.А. Проблемы культурной интерпретации антропоморфной пластики Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железного века // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 67–70.

Брилева О.А. Свидетельства всаднического культа на Кавказе // Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной

конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. М.: ИВРАН, 2009. С. 28–30.

Брилева О.А. Сравнительный анализ набора антропоморфной пластики Центрального, Западного и Восточного вариантов кобанской культуры // КСИА. 2009а. 223. С. 172–183.

Брилева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). М.: Таус, 2012. 424 с.

Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки. Изд. Чистый лист, 2013.

Вахушти. География Грузии. / Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашивили // Записки Кавказского отдела ИРГО. Тифлис, 1904.

Веймарн Е.В. Скалистинский склеп 420. // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. / КСИА. Вып. 158. М.: 1979. С. 34–37.

Виноградов В.Б. Раннесредневековый могильник у сел. Харачой в горной Чечне // СА. 1970. № 2. С. 244 – 252.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный: Чеч. инг. кн. изд-во, 1972. 189 с.

Виноградов В.Б. Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.

Виноградов В. Б. Зооморфные «превращения» в искусстве древних горцев // Природа. 1979. № 2. С. 118 – 119.

Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (Материалы к археологической карте) // Тр. ЧИНИИ. Грозный, 1966. Т. 10. 150 с.

Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С. 34 – 35.

Вирсаладзе Е.Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976. 360 с.

Вирсаладзе Е.Б. Нартекский эпос и охотничьи сказания в Грузии // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 250 – 251.

Вольная Г.И. О некоторых традициях антропоморфной бронзовой пластики Кавказа // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 7 археологического семинара. Краснодар, 2000.

Гаджиев М.С. О хронологии и интерпретации бронзовых статуэток Северо-Восточного Кавказа // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX «Крупновские чтения». Тез. докл. М., 1996. С. 49–50.

Гаджиев М.С. Две бронзовые статуэтки из Дагестана (к хронологии культовой пластики) // Российская археология. 1997. № 2. С. 222–228.

Гаджиев М.С. Бронзовая статуэтка из Гигатля (Дагестан) // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Тез. докл. III Международной археологической конференции. Самара, 2000. С. 34–37.

Гаджиев М.С. К интерпретации бронзовой статуэтки из Гигатля (Дагестан) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 1. Материалы III Международной археологической конференции. Самара, 2001. С. 76–86.

Гамбашидзе О.С., Гамбашидзе И.О. Работы Месхет-Джавахетской экспедиции // ПАИ в 1983 году. Тбилиси: Мецниереба, 1986. С. 18-29.

Гернот Вильгельм. Древний народ Хурриты. Очерки истории и культуры. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1992. 158 с.

Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы /пер. с англ. М. С. Неклюдовой. М. РОССПЭН, 2006. 572 с.

Гоголадзе Э.М. К вопросу о хронологии и периодизации памятников колхидской культуры (по материалам Носири-Мухурча) // ВГМГ. Т. XXXV-В. Тбилиси, 1984.

Гоголадзе Э.М., Панихава Л.Н., Дариспанашивили М.В. Работы Носири-Мухурчской археологической экспедиции в 1974 – 1975 гг. // АЭГМГ. Том V. Тбилиси, 1977. С. 60-68.

Гоголадзе Т.А. Грузинская любовная мифология и фольклорные образы любви // Актуальні проблеми слов'янської філології. 2013. С. 225 – 230.

Голан А. Миф и символ. М.: «Русслит» – Иерусалим: «Тарбут», 1994. 371 с.

Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах // Сб. сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1.

Горелик М.В. Раннее скульптурное изображение скифского воина // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Кировоград, 1987. С. 50–53.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тыс. до н.э. – IV в. до н.э.). М.: Наука, 1993. 347 с.

Городцов В.А. Типологический метод в археологии. Рязань: Общество исследования рязанского края, 1927. Вып. 6. Серия историч.

Гоян Г.О. Театр древней Армении. Т. 1. М.: Искусство, 1950.

Гоян Г.О. Театр древней Армении. Т. 2. М.: Искусство, 1952.

Граков Б.Н. Скифы. М. 1974. 132 с.

Грузинские народные предания и легенды. Сост. перев., предислов. и прим. Е.Б. Версаладзе. М.: Главная редакция восточной литературы изд. "Наука", 1973. 367 с.

Давудов О.М. Еще раз о пряжках бежтинского типа // Сб. Древности Дагестана. Махачкала. ДагФАН СССР, 1974. С. 106–120.

Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала: Изд. ДагФАН СССР, 1974. 192 с.

Давудов О.М. Новые исследования Южнодагестанской экспедиции // АО-1977. М., 1978. С. 115–116.

Давудов О.М. К датировке некоторых фольклорных сюжетов народов Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Материалы по археологии Дагестана. Т. 8. 1978. С. 108-119.

Давудов О.М. Хосрехское святилище в высокогорном Дагестане // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. М., 1980. С. 20 – 21.

Давудов О.М. Хосрехское святилище (Дагестанская АССР) // Скифо-Сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 277–285.

Давудов О.М. Святилище у высокогорного селения Хосрех // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983. С. 43–56.

Давудов О.М. О контактах населения древнего Дагестана с киммерийцами и скифами // Киммерийцы и скифы. (Тез.докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И. Тереножкина). Кировоград, 1987. Ч. I. С. 55 – 57.

Давудов О.М. О дагестанских женских статуэтках с ритонами в руках // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. (Тез.докл.). Махачкала, 1988. С. 35–36.

Давудов О.М. Некоторые культовые места горного Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991. С. 62 – 86.

Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала, 1996. 428 с.

Давудов О.М. О контактах древнего населения Дагестана с ираноязычными кочевниками // Кавказ и степной мир в древности и средние века: Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2000. С. 26–63.

Давудов О.М. Взаимосвязи народов Дагестана и Передней Азии в древности (по археологическим материалам) // Культурно-исторические и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее и будущее. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 80-летию Института ИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2004. С. 3–7.

Давудов О.М. Изучение мелкой пластики Северо-Восточного Кавказа // Северный Кавказ в древности и средние века. Махачкала, 2008. С. 102–128.

Давудов О.М. Бронзовые статуэтки воинов из Западного Дагестана и Горной Чечни // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2012. № 44. С. 38–42.

Давудов О.М. Статуэтки воинов из Западного Дагестана и Горной Чечни // Новые открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVIII Крупновские чтения. Махачкала, 2012. С. 308–310.

Давудов О.М. Хронология антропоморфных статуэток Северо-Восточного Кавказа // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2012. № 1 (29). С. 104–132.

Давудов О.М. Археологические находки из селения Чадаколюб // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 2 (34). С. 84–97.

Давудов О.М. О хронологии археологических находок из Чадаколюб (Дагестан). // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-4. С. 795-800.

Давудов О.М., Маммаев М.М. Типология и художественно-стилистические особенности средневековых зооморфных пряжек из Западного Дагестана // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005. С. 166–195.

Давудов О.М., Маммаев М.М. Художественный металл Западного Дагестана (Зооморфные пряжки). Махачкала, 2011. 150 с.

Дагестанский сборник. Темир-хан-Шура, 1902. Вып.1. 730 с.

Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004. 240 с.

Декоративное искусство Дагестана. Автор и составитель Д. Чирков, введ. Р. Гамзатов. М.: Советский художник, 1971. 278 с.

Джавахишвили Г.А. Пластические изображения человека в древней Грузии. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Тбилиси, 1981. 20 с.

- Джавахишвили Г.А.* Антропоморфная пластика в языческой Грузии (неолит – позднеантич. эпоха). Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. 117 с.
- Джапаридзе О. М.* Археология Грузии (каменный век и эпоха бронзы). Тбилиси, 1991 (на груз., языке с рус. резюме).
- Дирр А.* Божество охоты и охотничий язык у кавказских горцев // СМОМПК. 1915. Т. 44. Отд. IV. С.2 – 13.
- Дмитриева Н.А., Виноградова Н.А.* Искусство Древнего мира. М., 1989. 207 с.
- Доманский Я.* Древняя художественная бронза Кавказа в собраниях Государственного Эрмитажа. М.: «Искусство», 1984. 240 с.
- Доманский Я., Пиотровский Ю.* Археологический комплекс бронзовых вещей из Дагестана // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 49. Л., 1984. С. 36–38.
- Древности. Тр. Московского археологического общества. М., 1906. Т. XXI, I. Протоколы.
- Дударев С.Л.* Очерки древней истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. 85 с.
- Дьяконов И. М.* Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990. 247 с.
- Дьяконов И.М.* Очерки истории древнего Ирана. М., 1961. 444 с.
- Еремян С.Т.* Страна "Махелония" надписи Кааба-и-Зардушт // ВДИ, 1967. 4. С. 48-57.
- Есяян С.А.* Скульптура древней Армении. Ереван: изд. АН Арм. ССР, 1980. 76 с. + 65 илл.
- Есяян С.А., Мнацаканян А.О.* Находки новых бронзовых статуэток в Армении // СА. 1970. № 2. С. 157-168.
- Засецкая И.П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. М.: Наука, 1979. № 158. С. 5 – 17.
- Захаров А.А.* Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир // Труды секции археологии Научно-исследовательского института искусствознания. Т. 2. 1928. С. 180-191.
- Иванов В.В.* К изучению следов хеттского влияния на древнегреческую культуру // Античная балканистика. Предварительные материалы. М., 1975.
- Иванов В.В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от Aśva – “конь” (жертвоприношение коня) и дерево aśvattha в древней Индии // Проблемы истории, языка и культуры народов Индии. М., 1974.
- Иессен А.А.* Работы на Сулаке. Отчет о работах // Известия ГАИМК. М.-Л., 1935. Вып. 110. С. 29-39.
- Известия Археологической комиссии. Вып. 10. Прибавление. М., 1904.
- Иллюстрированная история религии в двух томах. М., 1992. Т. I. Изд. второе.
- Иллюстрированная история религии в двух томах. М., 1992. Т. II. Изд. второе.
- Ипполитов А.П.* Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 49–52.
- Исаков М.И.* Археологические памятники Дагестана (Материалы к археологической карте). (Сокращенный вариант). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966. 160 с.
- Искусство Дагестана. М., 1981.
- Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 315 с.

История Дагестана. М., 1967. Т. I. 432.

История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. 624 с.

Кавказско-иберийских народов мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 томах. Т. 1. С. 603 – 607.

Кажлаев Д. Экспонаты рассказывают Ъ Ред. М. Амаев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. 104 с.

Кажлаев Д. Дорогие реликвии Ъ Ред. Т. Левашова. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. 208 с. 204 с.

Каталог археологических материалов Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1955. Т. II (1904–1920).

Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. М. 1990. 156 с.

Клейн Л.С. Археологическая типология, Ленинград: ЛНИАО, 1991, 448 с.

Кленгель-Брандт Эвелин. Путешествие в древний Вавилон / Пер.с нем. Б. С. Святского. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. 260 с

Ковалевская В.Б. Антропоморфные амулеты VI-IX вв. на Северном Кавказе // КСИИМК. Вып. 176. 1983. С. 43-48.

Ковалевская В.Б. Кавказ, скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. 398 с.

Козенкова В.И. Антропоморфные статуэтки из Сержень-юрта // КСИА. М.,1966. Вып. 108. С. 74–78.

Козенкова В.И. Об одном типе кобанских булавок // КСИА. М.,1972. Вып. 132. С. 12–15.

Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант // САИ. М., 1982. Вып. В2-5. 147 с. + илл.

Комаров А.В. Краткий обзор археологических находок в Кавказском крае за 1882 год // Известия Кавказского общества истории и археологии. Тифлис, 1884. Т.1. Вып. 2. С. 13-21.

Комаров А.В. Пещеры и древние могилы в Дагестане // V AC. Тр. предварительных комитетов. М., 1882. С.436 – 437.

Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. 1. Махачкала, 1959. С. 121 –156.

Котович В.М. Антропоморфные образы в древних наскальных рисунках горного Дагестана // Studiapræhistorica. София. 1986.

Котович В.М. Древние писаницы горного Дагестана. М.: Наука, 1976.

Крамер С.Н. История начинается в Шумере. М.: Наука, 1965. 256 с.

Крамер С. Н. Мифология Шумера и Аккада // Мифология древнего мира. М.: Наука, 1977. С. 122 – 161.

Кривицкий В. В. Некоторые произведения кобанскойметаллопластики из собрания Государственного эрмитажа и Государственного исторического музея // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980.

Круглов А.П. Культовые места горного Дагестана // КСИИМК, М.-Л., 1946. Вып. XII. С. 31-40.

*Кузьмина Е.Е.*Навершиесо всадниками из Дагестана // СА. 1973. № 2. С.178–183.

*Кузьмина Е.Е.*Конь в религии и искусстве саков и скифов.

// Скифы и сарматы. Киев: «Наукова думка». 1977. С. 96-119.

Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого света // Средняя Азия в древности и Средневековье (история и культура). Под ред. Б.Г. Гафурова, Б.А. Литвинского. Изд. «Наука», Главная редакция восточной литературы, М., 1977. С. 21 – 52.

Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. I. 400 с.

Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941. 231 с.,+126 илл.

Лесков А. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972.

Лисициан С. “Святыни” у перевалов // СЭ. 1936. №№ 4 – 5. С. 210 – 212.

Лордкипанидзе О. Аргонавтика и древняя Колхида. Тбилиси, 1986.

Лордкипанидзе О. Наследие древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 435 с.

Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // Тр. ОИПК ГЭ. Л., 1941. Т. I. С. 1-68.

Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М.: «Искусство». 1977. 232 с.

Луконин В.Г. Памятники культуры сасанидского Ирана. Л., 1960.

Луна, упавшая с неба. М., 1977. 320 с.

Лэнг Д. Грузины – хранители святынь. М.: Центрполиграф, 2004. 224 с.

Любовь и эрос в античной культуре. Каталог выставки. М.: ГИМ, 2006.166 с.

Магомедов Д.М. Древние религиозные воззрения дидойцев (цезов) // CahiersduMonderussetsoviétique. 1988. XXIX.

Майсурадзе В.Г., Панцхава Л.В. Святылище Шильда. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 114 с. + илл. I–LXXXV.

Майсурадзе В.Г., Инанишвили Г.В. Святылище Шилда, культовый памятник из Кахетии (Грузия) // РА. 2004. № 4. С. 38-51.

МАК, I. 212 с.

Макалатия С.И. Культ фаллоса в Грузии // Мимомхелвели, Т. 1. Тбилиси, 1926. С. 122-136. (на груз, яз.. резюме на рус.яз.).

Макалатия С.И. Хевсури. Историко-этнографический очерк дореволюционного быта. Тбилиси: Грузинское краеведческое общество, 1940. 229 с.

Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. Вып. 21. С. 281 – 305.

Мамаев Х. Некоторые вопросы изучения раннесредневековых некрополей горной зоны Северо-Восточного Кавказа (к датировке погребения 4/4 1958 г. Бежтинского могильника) // Материалы научной конференции. Археология, Этнология, Фольклористика Кавказа Сб. кратких содержаний докладов. Тбилиси: Меридиани, 2010. С. 186 – 188.

Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала, 1989. 346 с.

Манцевич А.П. Мастюгинские курганы. По материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. Л., 1973. [Вып.] 15. С. 12-46.

- Манцевич А.П.* О пластине из кургана Карагодеуашх. К толкованию сюжета // АСГЭ.Л., 1964. Вып. 6. С. 128-138.
- Марковин В.И.* Материалы по археологии горной части восточной Чечни // АЭС. Изв. ЧИ НИИ ИЯЛ. Грозный, 1966. Т. VII. Вып. 1. История. С. 128–131.
- Марковин В.И.* В стране вайнахов. М.: «Искусство», 1969. 119 с.
- Марковин В.И.* Рец. на кн.: Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974 // Сов. археология. М., 1976. № 3. С. 345–348.
- Марковин В.И.* Культовая пластика VII–V вв. до н.э. в верованиях населения Кавказа // V Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении: тез. докл. Ереван, 1982. С. 358–359.
- Марковин В.И.* Антропоморфная культовая пластика Кавказа // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами: тез. докл. Тбилиси, 1984.
- Марковин В.И.* Дорогами и тропами Дагестана. Серия Дороги к прекрасному. М.: Искусство, 1988. 184 с.
- Марковин В.И.* Бронзовые «терафимы» Кавказа и их почитание // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 213.
- Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии // СА. 1964. № 1. С. 158 – 164.
- Марр Н. Я.* Кавказские племенные названия и их местные параллели. Пг., 1922. (Российская академия наук. Труды комиссии по изучению племенного состава населения России. № 5). 39 с.
- Массой В.М.* Средняя Азия и Древний Восток. / АН СССР. ЛОИА. Л.: Наука, 1964. 467 с.: ил., карт.
- Массон В. М., Сарианиди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М.: Наука, 1973. 208 с. + илл.
- Мегрелидзе И.В.* Археологические находки в Дидо // СА. 1951. XV. С. 281 -291.
- Микаилов Ш. И.* Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов./ Даг. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и литературы им. Гамзата Цадаса. Махачкала, 1958. 159 с.
- Микаилова Р.Ш.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана // Искусство Дагестана. М.: Советский художник, 1981. 346 с.
- Микеладзе Т.К.* К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы – раннего железа). Тбилиси: АН ГССР, 1990. 128 с.
- Микеладзе Т.К., Мигдисова Н.П., Папуашвили Р.И.* Исследования колхидской археологической экспедиции // ПАИ 1981 г. Тбилиси, 1984.
- Миллер А.А.* Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 1.-Л., 1927. С. 17-23.
- Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 томах. Т. 1. М.: РЭ, 1997. 672 с.
- Мозолевский Б.Н.* Курган “Толстая могила” близ г. Орджоникидзе на Украине: (предвар. публ.) // СА. 1972. № 3. С. 268 – 308.
- Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Т. 2. Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. 408 с. + ил.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. 132 с.

Мошинский А.П. Штандарты из Кобанского могильника Гастон-Уота // Исторический музей - Энциклопедия отечественной истории и культуры. Тр. ГИМ. Вып. 87. М., 1995. С. 27 - 39.

Мошинский А.П. Образ хозяина зверей в кобанской пластике // Между Азией и Европой, Кавказ, VI - I тыс. до н.э. СПб, 1996. С. 111-113.

Мошинский А.П. О правомерности выделения Дигорской культуры // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Кисловодск, 2000. С. 78 - 79.

Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII-IV вв. до н.э. // Тр. ГИМ. Вып. 154. М.: ГИМ, 2006. 208 с.

Мошинский А.П. Древние бронзы Кавказа. М., 2010.

Мужухоев М.Б. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.

Нечушкина З.И. Женская скульптурка из селения Корода // Сообщение Государственного музея искусств народов Востока. М.: Наука, 1978. С. 13-23.

Онайко Н.А. Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 166 - 179.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1903 г. СПб, 1906.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1905 год (1908)

Отчет Императорской археологической комиссии за 1906 г. Пг., 1909. С. 87, 1071.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1913-1915 гг. Пг., 1918.

Пантюхов Д.И. О пещерах и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896. 166 с.

Панцхава Л. Сулава Н. Папуашивили Р. Колхидская, кобанская или колхидо-кобанская? // Кавказоведение. 2003. №4. С. 102-117.

Панцхава Л.Н. Рец. на кн.: Брилева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. - X в. н.э.). М.: Таус, 2012. 424 с. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. Бюллетень. М., 2014. 1(74). С. 250-252.

Пикуль М.И. Результаты археологических исследований 2-го отряда ДАЭ в 1956.. Отчет. Ч.1. // РФ ИИЯЛ. Ф. 32. Д. 11.

Пилосаиди К. Мифология иранских племен на основе семантики антропоморфных, зооморфных статуэток и сосудов (Конец II - начало I тыс. до н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2015.

Письмо главнокомандующего гражданской частью на Кавказе от 15 декабря 1886 г. № 35 // Архив ЛОИА,

Пицхелаури К. Н., Раскопки святилища Мели-Геле // АО -1967. М.: Наука, 1968. С. 299- 302.

Пицхелаури К.Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV-VII вв. до н.э. Тбилиси: АН ГССР, 1973. 164 с.

Пицхелаури К.Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979. 144 с.

Пицхелаури К.Н. Основные направления социально-экономического развития кавказских обществ эпохи бронзы и железа // Труды Кахетской археологической экспедиции. Т. VIII. Тбилиси, 1988. С. 218-225. (На груз.яз, резюме на рус. яз.).

Плиний. VI, 29,30

Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977. 248 с.

Попова Е.А. Рельеф с городища «Чайка» // С А. 1974. № 4. С . 222 – 230.

Псевдо-Арриан. Обезд Эвксинского Понта. 50 (9).

Птолемей К. V, 8,7-25

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. 216 с.

Редер Д.Г. Мифы и легенды Древнего Двуречья. М.:Наука, 1965. 114 с.

Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре.

// ИАК. № 49. СПб., 1913. С. 133-140.

Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. № 1. 24 – 47.

Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. № 2. С. 13 – 33. .

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. 608 с.

С.Р. Из Тифлиса // Московские ведомости. 1886. 10 мая. № 129. Археологической комиссии № 6. 1886.

Сагитова М.Д. Культурная гора Кидилашани. Новые находки // Древний Кавказ. Ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 2004. С. 175–177.

Седов М.В. Ювелирные изделия из Ярополча Залесского // КСИА, М.: Наука, 1972. Вып. 129. С. 70 – 76.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1927 гг. // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1928. Т. 1. С.39 – 44.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963. 160 с.

Семенов Н.С. Загадочные могилы // Кавказ. 1887. 8 дек. № 325.

Сефербеков Р.И. Верховные боги (громовержцы) у народов Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2005 № 4. С. 66 – 92.

Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана. (типология, характеристика, персонификация). Махачкала: Динэм, 2009. 407 с.

Сидорова Н.А. Искусство эгейского мира. М.: Искусство, 1972. 228 с.

Сказки народов Дагестана / Сост.Х. М. Халилов. М., 1965.

Скаков А.Ю. Рец. на кн.: Брилева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э.– X в. н.э.). М.: Таус, 2012. 424 с. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2014. Вып. 6. С. 45–48:

Смирнов Я.И. Отчет о поездке по Крыму и Кавказу летом 1889 г. // Архив ЛОИА. Ф-1. 1889.

Сулейманов Я. Этимологические изыскания // Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Сер. филологическая. Махачкала, 1964. Т. XIII.

Сургуладзе И. К. Квириа // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М.: РЭ, 1997. С. 631.

Сургуладзе И. К. Тулепия-Мелиа // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: РЭ, 1997. С. 533.

Тацит. Соч. 1887.

Тацит. Анналы. II.

Теория археологической классификации. Санкт-Петербург, 1991. 112 с.

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III-VII веков. М.: «Искусство», 1987. 240 с.

Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. - VII в. н. э. М.: Л.: Изд. АН СССР, 1959. 391 с.

Уварова П.С. Museum Caucasium: Коллекция Кавказского музея, обработанные совместно с учеными специалистами и изданные Г.И. Радде. Тифлис, 1902. Т. 5. Археология.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып. VIII. 672 с.

Укрепление Хунзах // Кавказ, 1883. 24 августа, № 187.

Умаханова А.М. Элементы архаической пластики в хореографии народов Дагестана // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала, 1988. С. 112 – 123.

Ушаков П.Н. Хеттская проблема. К вопросу о генезисе и взаимоотношениях индоевропейских и картвельских языков // Труды Тбилисского государственного университета им. Сталина. XVIII. Тбилиси, 1941.

Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.

Халидова М.Р. Об эволюции мотивов культа близнецов в дагестанском фольклоре // Поэтика фольклора народов Дагестана. Махачкала, 1981.

Халидова М.Р. Образ покровителя охоты, зверей в преданиях и легендах народов Дагестана // Дагестанская народная проза. Махачкала, 1982.

Цитланидзе А.Г. К некоторым вопросам казбекского клада // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1963. С. 63-67.

Цитланидзе Л. Г. Археологические памятники Хеви: (Казбекский клад). Тбилиси, 1976. 155 с.

Чиковани М. Я. Прикованный Амирани, Тбилиси, 1947, на груз. языке.

Чиковани М. Я. Прикованный Амирани. Тбилиси, 1968.

Чубинишвили Т.Н. Из истории культа плодородия (опыт датировки одного магического обряда) // Вопросы археологии Грузии. Вып. 1. Тбилиси, 1978. С. 16

Чишев Х.Т. Раскопки Адайдонского могильника Кобанской культуры в 2006 – 2007 гг. Предварительные итоги исследования // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной научной конференции. Владикавказ, 2008. С. 376 – 381.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

Шульц П.Н., Навротский Н.И. Прикубанские изваяния скифского времени // СА. 1973. № 4. С. 189 – 204.

7000 ans d'art en Iran. Paris, 1961.

Adorantenfigur und idol // Kunst der welt in den Berliner Museum, Museum für wölkercunde. Bd. 2. Stuttgart. Zürich, 1980. Из каталожной записи: Кавказ. Дарестан. Ассахо. Дидо. Бронза. Н=7 см. бсм.

Ventiles Skythen Prähistoriedel'arten U.R.S.S. Paris, 1979. 290 p.

Bapst G. § Souvenirs de deux missions au Caucase: Fouilles sur la grande Chaîne // Revue Archaeologique. Paris, 1885. III Serie. Vol. V. P. 38-40.

Briffault R. The Mothers. A Study of the Origins of Sentiments and Institutions. London, 1927. vol. III. .

Chenciner R. Ancient copper alloy figurines // Antiquaries Journal. 1999. Vol. 79. P. 75.

Courcelle-Seneuil I. L. Les dieux Gaois. D'après les monuments figurés. Paris, 1910.

Cumont F. Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. T. I. Brussels, 1899.

Cumont F. The mysteries of the Mithra. New York, 1956.

Darmesteter J. Le Zend-Avesta. Traduction nouvelle avec commentaire historique et philologique par J. Darmesteter. Paris, 1892. vol. II.

Davudov O.M. Kimmerier, Skythen und Dagestan. Ein hochalpinisches Feuerheiligtum im Kontext der reiternomadischen Vorderasienzeit. // Hamburger Beiträge zur Archäologie. 18. 1991. Verlag Philipp von Zabern: Mainz, 1996. S. 47–56.

De Morgan G. Mission scientifique au Caucase (Études archéologiques-historiques). Paris, 1889. T. 1. P. 179-181.

Dumézil G. Myth et Épopée (I). Paris, 1968.

Gadjiev M.S. Interpretation of a Bronze Figurine of Warrior from Gigatl' (Daghestan) // Ērānūd Anērān. I Studies Presented to Boris Il'ich Boris I. Maršak on the Occasion of His 70th Birthday. Ed. by Matteo Comparetti, Paola Raffetta, Gianroberto Scarcia. Venezia, 2006. P. 199–212.

Ghirshman R. Iran. Protoiranien. Meder und Achämeniden. München, 1964.

Ghirshman R. Fouilles de Sialk. Pres de Kashan. 1933, 1934, 1937. Paris, 1939. T. II.

Gimbutas M. The Gods and Goddesses and Gods of Old Europe: 7000-3500 B.C., Thames and Hudson. London, 1974.

Gray L.H. The foundation of the Iranian religions // The Journal of the K. R. Cama Oriental Institute. 1929. № 15. ...p.

Hančar F. Kaukasus – Luristan // ESA. IX. 1930.

Hančar F. Die Nadelformen des prähistorischen Kaukasusgebiets // ESA. VII. 1932.

Hančar F. Ross und Reiter im Urgeschichtlichen Kaukasus // Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. 1935. 1.

Herzfeld E. Zarathustra // AMI. 1929/30. I.

Hubert H. Le mythe d'Epona // Melanges linguistiques offerts à M. J. Vendryes. Paris, 1925.

Krause W. Religion der Kelten unter Berücksichtigung der vorkeltischen Bewohner Westeuropas. Leipzig, 1933 (Bilderatlas zur Religionsgeschichte. 17 Lief).

Lanthier R. Keltische Mythologie // Wörterbuch der Mythologie, hrsg. von H. W. Haussing. I. Abt. , 5. Lief. Stuttgart. n. d.

Licheli V. The statue of the Colchian knight on the Samos island – accidental or reasonable // PONTICA 2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the international Conference, 21-th – 26-th April 2008. Abstracts, Krakov –British Archaeological Reports International Series 2240. Ed. by E. Papusi –Wladyca, M. Vickers, D. Braund 2008.

Lienard J. Bronzes of Iran and Luristan // Evocations metallurgiques. XIII.

Lommel H. Die Väst's des Avesta. Göttingen – Leipzig, 1927. ...s.

Mellart I. Excavation at Hacilar, Forth Preliminary Report // AS. 1961. T. XI.

Menardi H., Zemmer-Plank L. Archäologie und volkskunst aus Dagestan völker zwischen Kaukasus und Kaspischen Meer. Katalog zur Ausstellung in Tirollervolkskunst-museum und im Vorarlberger landesmuseum. 12, August bis 7. November 1999. 12 Februar bis 9 april 2000. Vorarlberger Landesmuseum. Tiroler volkskunstmuseum, 1999, katalog 47.

Mikeladse T. Grosse kollektive graberulen der fruhen eisen zeit // Archaologischeranzeiger. 1995. helt 1.

Möbius H. Mobius H. Uber Form und Bedeutung der sitzenden Gestalt in der Kunst der Orients und der Griechen // Mitteilungen des deutschenarchaologischen Instituts. Athenisehe Abteilung, 1916. 41. jg||

Papuashvili R.I. Anthropomorphic sculptures from Tsaishi // Cultural-historical researches. Tbilisi, 2010. P. 50-58 (нагруз. яз.).

Reinach S. Cultes, Mytheset religions. Paris, 1905. I.

Reinach S. Encore Epona // Revue archéologique. Paris, 1898. III ser. T. XXXIII.

Reinach S. Epona // Revue archéologique. Paris, 1895. III sér., T. XXVI.

Robinson D.M. Excavations at Olinthos // Baltimore. 1941. Vol. 10.

Schaeffer C.F.A. Stratigraphiecompareetchronologie de l'Asieoccidentale (IIIe et IIemillénaires). Oxford, 1948.

Septmilled' Art en Iran. Paris, 1962.

Tallgren A. Kaucasische anthropomorphe Figuren und der vorderasiatishekulturkreis. Berlin, 1930.

Tallgren A. Caucasian monument: The Kazbek Treasure // ESA. Helsinri, 1930. Vol. V.

Van den Berghe L. Luristan Bronzes // Evocations metallurgiques. Vol. XII. III. § I III- ■ III

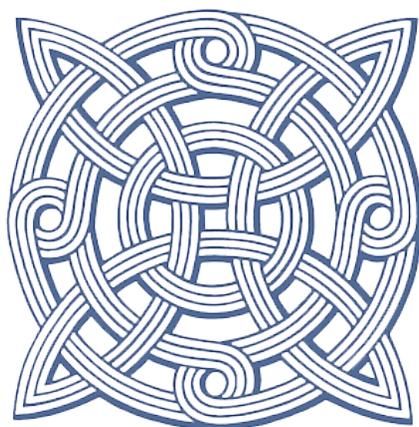
Vendryes J. Les religion des celtes // Mana. Introduction a l' histoire des religions. Paris, 1948. 2. III.

Voyatzis M. Votive Riders Seated Side-Saddle at Early Greek Sanctuary Sites // The Annual of the British School of Archaeology at Athens 87 (1992). P. 259-279.

Vries J. de. Keltische Religion. Stuttgart. 1961. (Die Religionen der Menschheit. Bd. 18).

Zakharov A. A. Materials for the arkhaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes // Swiatowit, Warszawa, 1933. P. 65 – 115.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 1. Статуэтка мужчины, изготовленная из железа с двумя лицами из бронзы. Найдена в 1911 г. жителем чеченского селения Шатой М. Гаирбековым во время охоты в пещере. Хр. в ГИМ, инв. № Б 1335/2 (а – по А.А. Zakharov, б,в – по О.А. Брилевой).

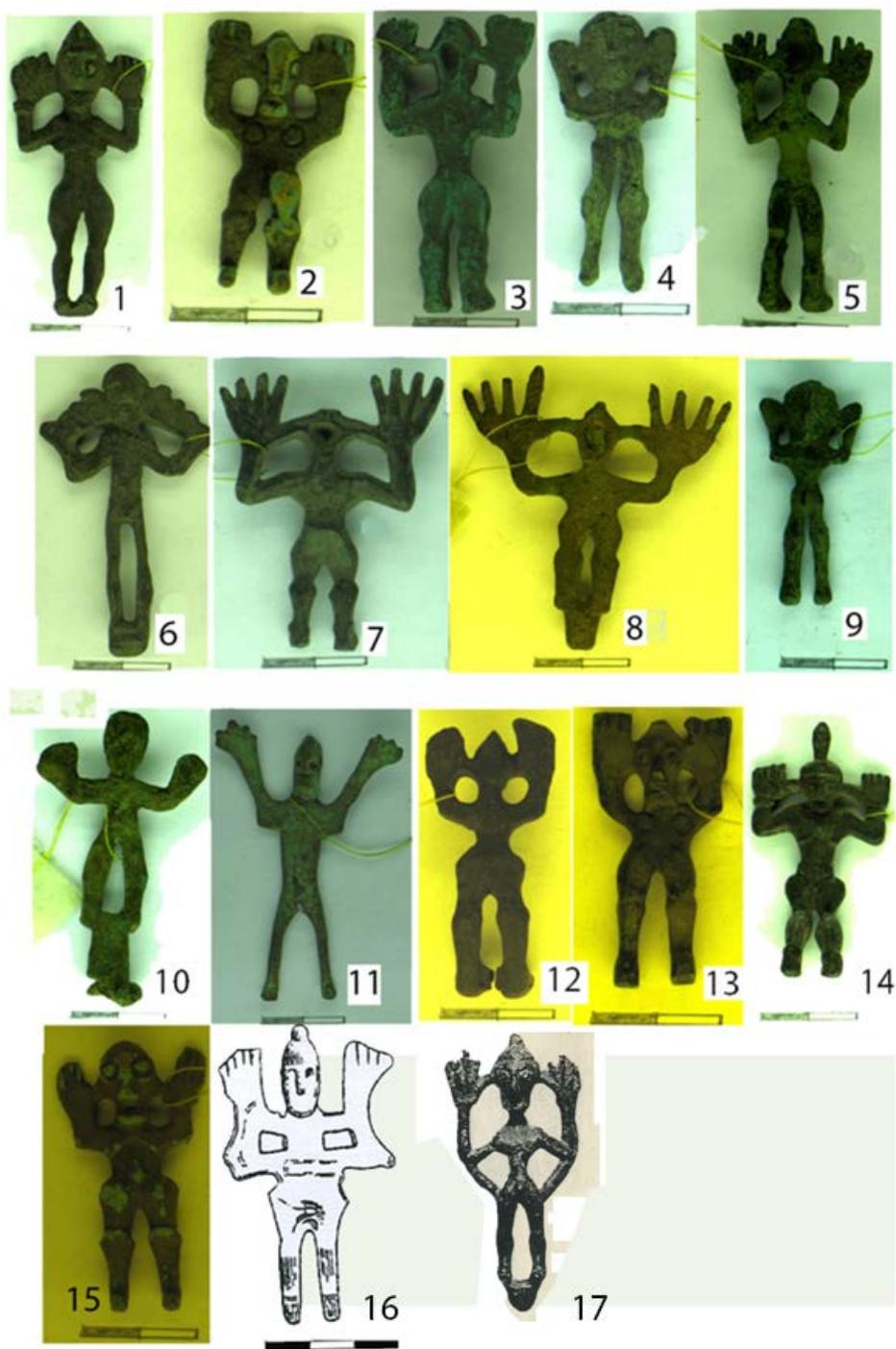


Рис. 2. Бронзовые плоско-вогнутые статуэтки мужчин и женщин из Цунтинского района Дагестана, переданные в позу адорации (1-Коллекция В.С. Харитонов. Фотографии переданы мне О.А. Брилевой).



Рис. 3. Бронзовые плоско-вогнутые статуэтки мужчин и женщин из Цунтинского района Дагестана, переданные в позе ферта (Коллекция В.С. Харитонов. Фотографии переданы мне О.А. Брилевой).

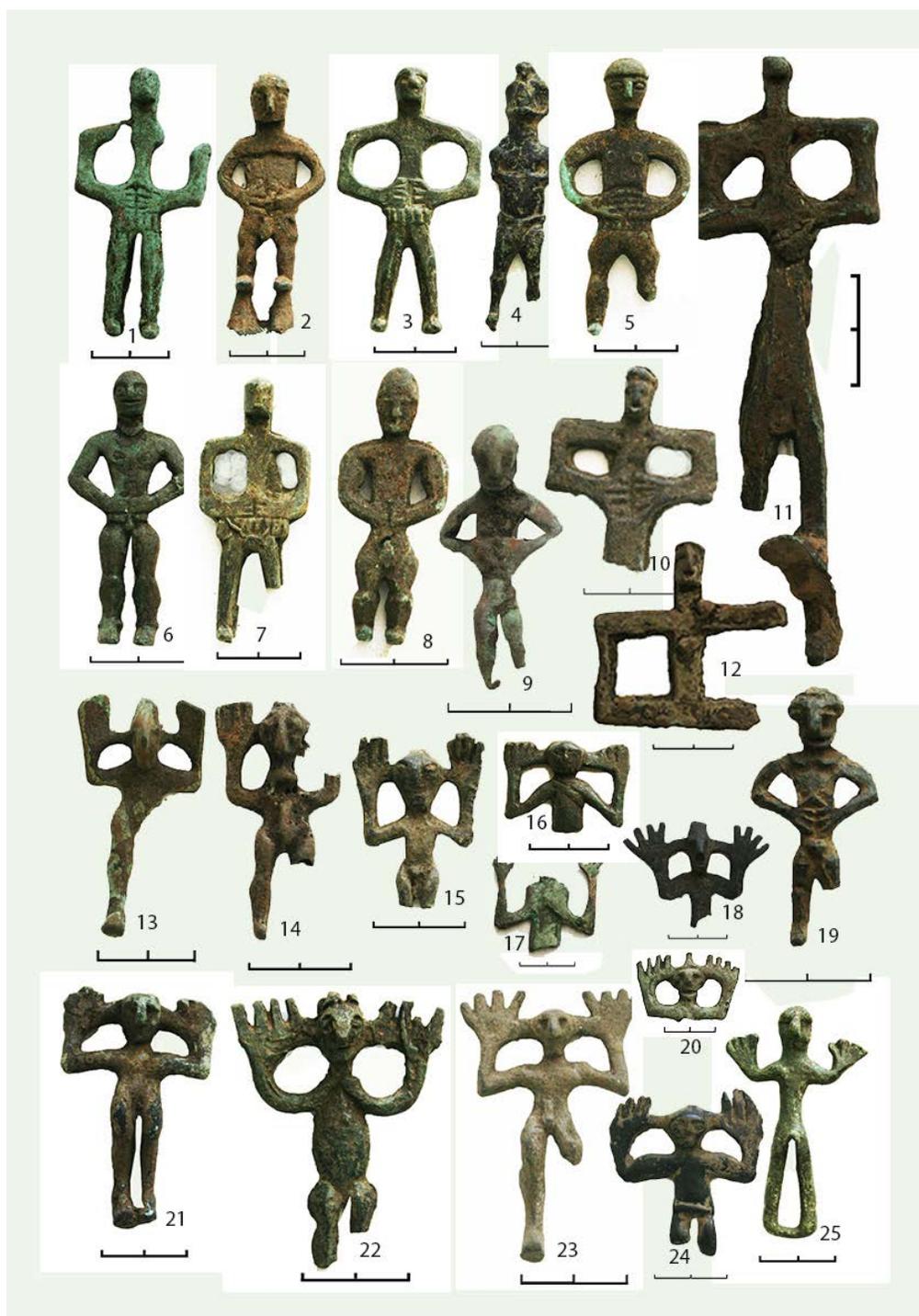


Рис. 4. Бронзовые плоско-вогнутые статуэтки мужчин и женщин из Цунтинского района Дагестана, переданные в позу адорации и ферта (Коллекция Хапалаева Р.Ю. Фотографии переданы мне О.А. Брилевой).

	Адоранты		Ферты	Ферто-адоранты
	С руками, поднятыми вверх и отведенными в стороны от головы	С руками, поднятыми вверх и прижатыми большими пальцами к ушам	С руками на поясе	С руками на поясе и у головы
Плосковогнутые				
Объемные				

Рис. 5. Классификация бронзовых статуэток адорантов (аронтов, фертов и ферто-адорантов).

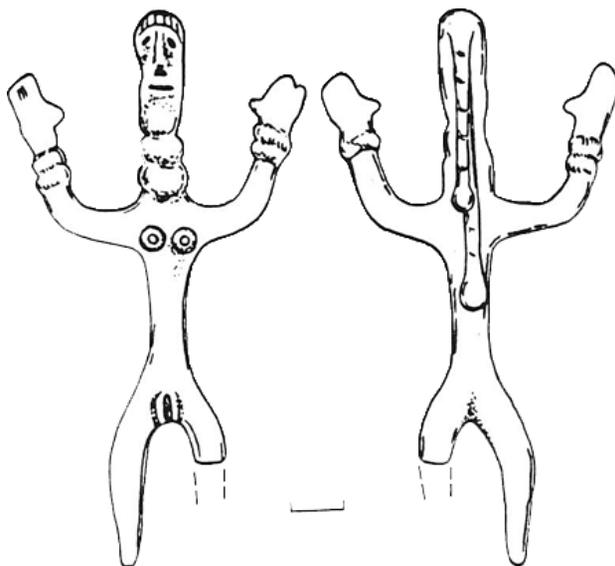


Рис. 6. Объемная бронзовая статуэтка обнаженной женщины ("адорант") с руками, поднятыми вверх из культового места на горе Соссуго у сел. Инхоквари Цумадинского района Дагестана. Сборы А.Л. Млокосевич 1914 г. Хр. в ГЭ, инв. № Кз 1769. По А.А. Zakharov. Fig. 79-80.



Рис. 7. Объемная бронзовая итифаллическая статуэтка обнаженного мужчины с руками на животе ("ферт") «из Дагестана». Хр. в ГИМ, инв. № Кр 10.278. По А.А. Zakharov. Fig. 69-70) и плоская бронзовая статуэтка из Берлинского музея, доставленная из Дагестана немецким ученым Эккертом..



Рис. 8. Плоские бронзовые статуэтки адорантов из Дагестана (по А.А. Zakharov, Fig. 72 –76).



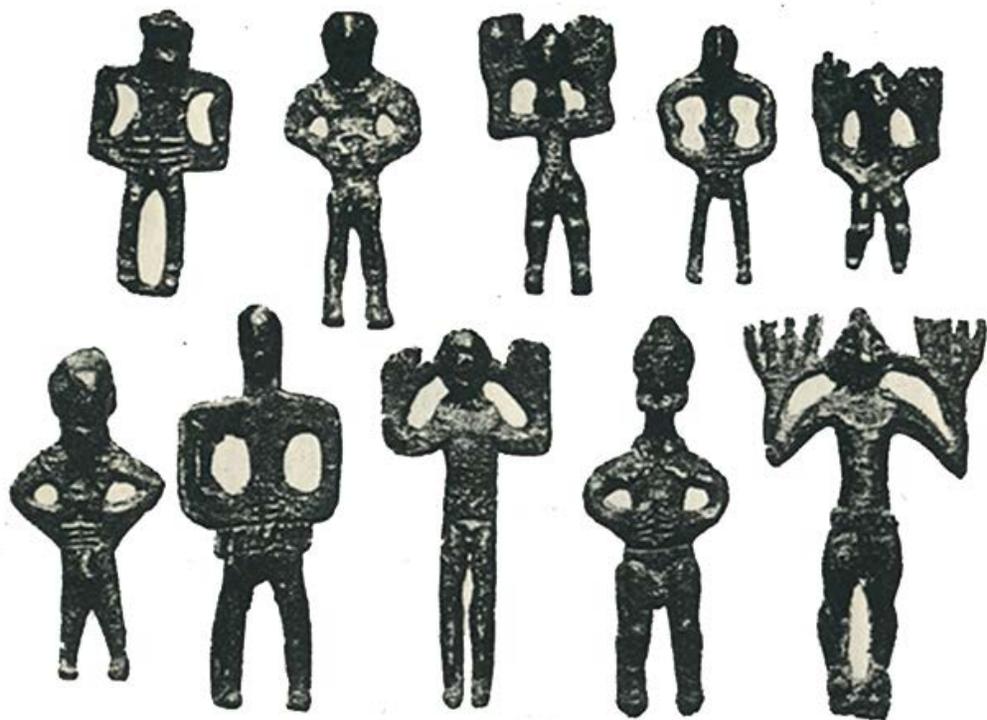
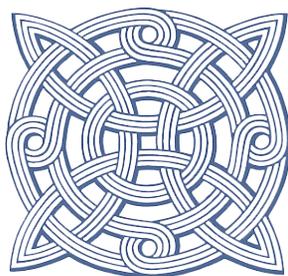


Рис. 9. Плоские бронзовые статуэтки фертов из Дагестана (по А.А. Zakharov. Fig. 71).

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**



instituteofhistory.ru



Рис. 10. Плоские бронзовые статуэтки из Цунтинского района (Фотографию принес мне учитель средней общеобразовательной школы сел. Мокок Цунтинского района Дагестана).

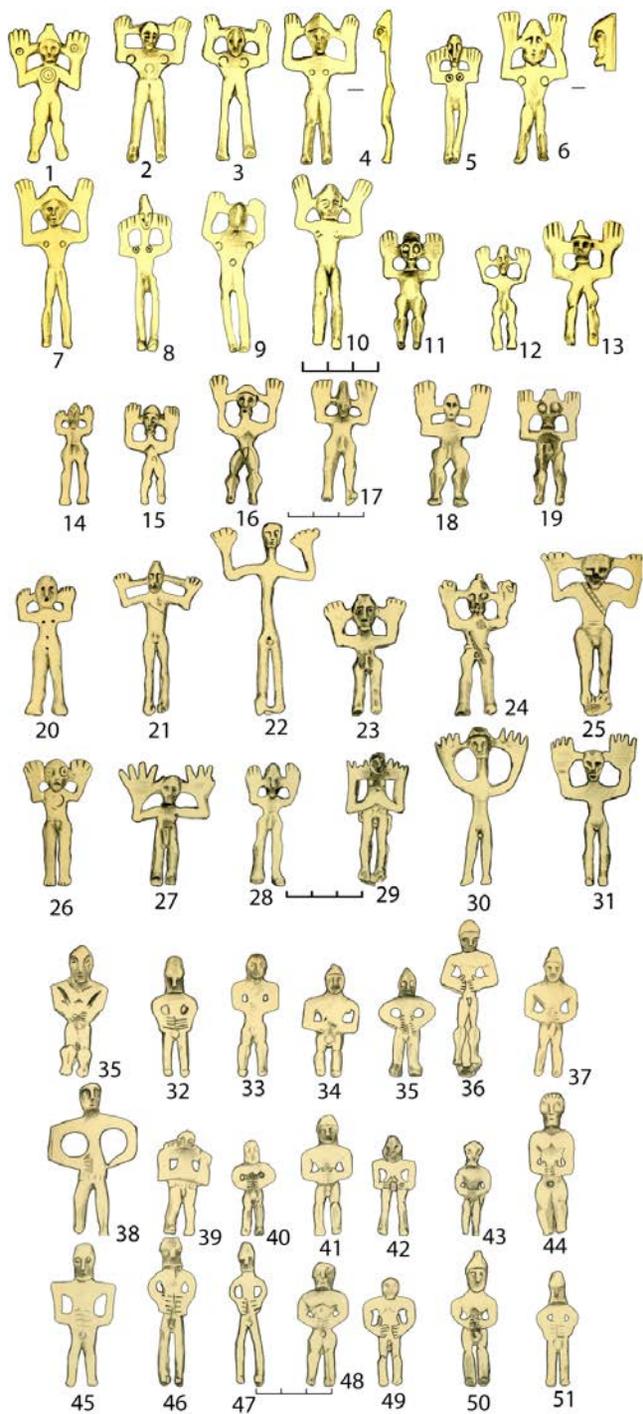


Рис. 11. Плоские бронзовые статуэтки адорантов и фертов из Дагестана (по А.А. Zakharov. Fig. 56, 57).

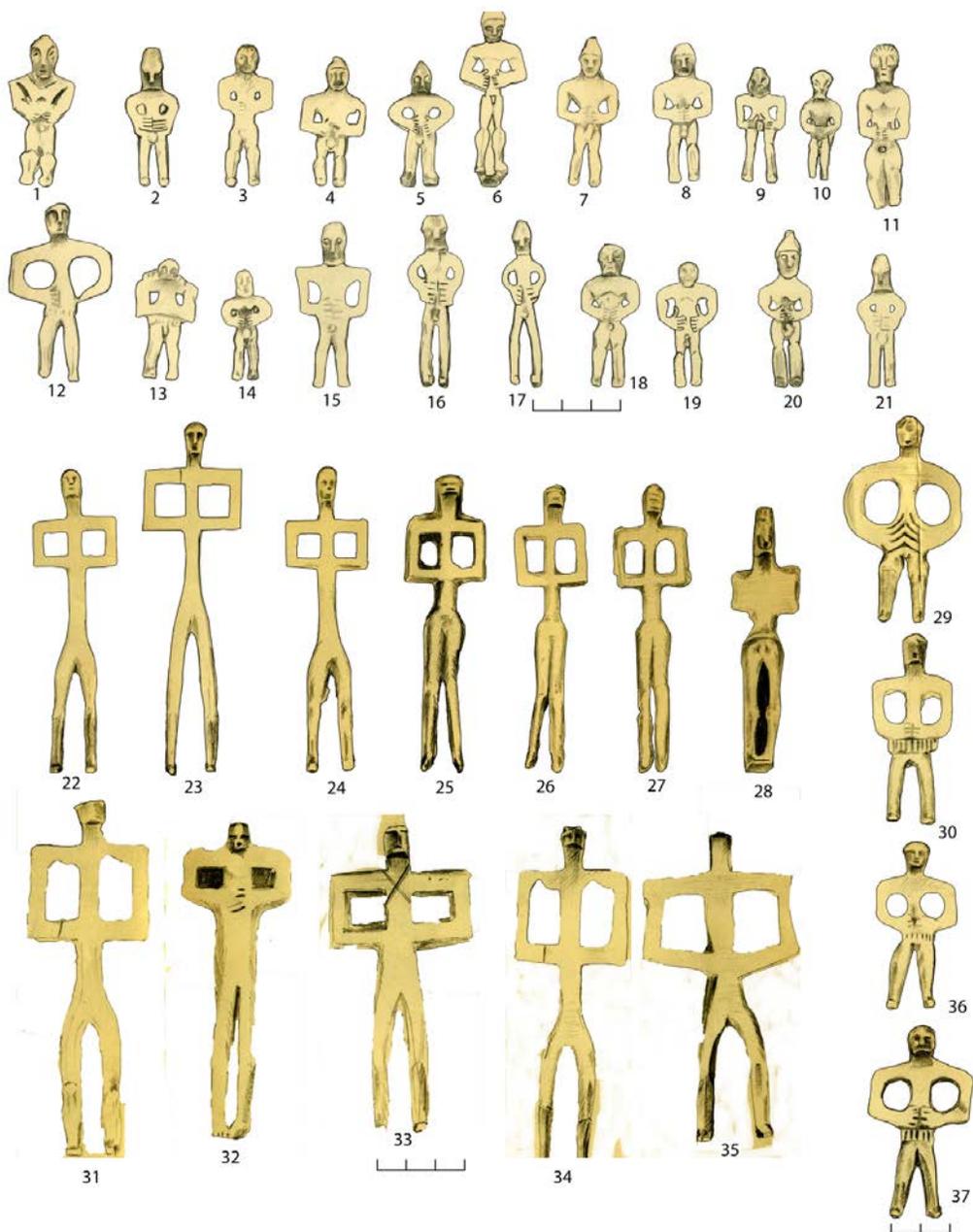


Рис. 12. Плоские бронзовые статуэтки фертов из Дагестана (по А.А. Zakharov. Fig. 57, 58).

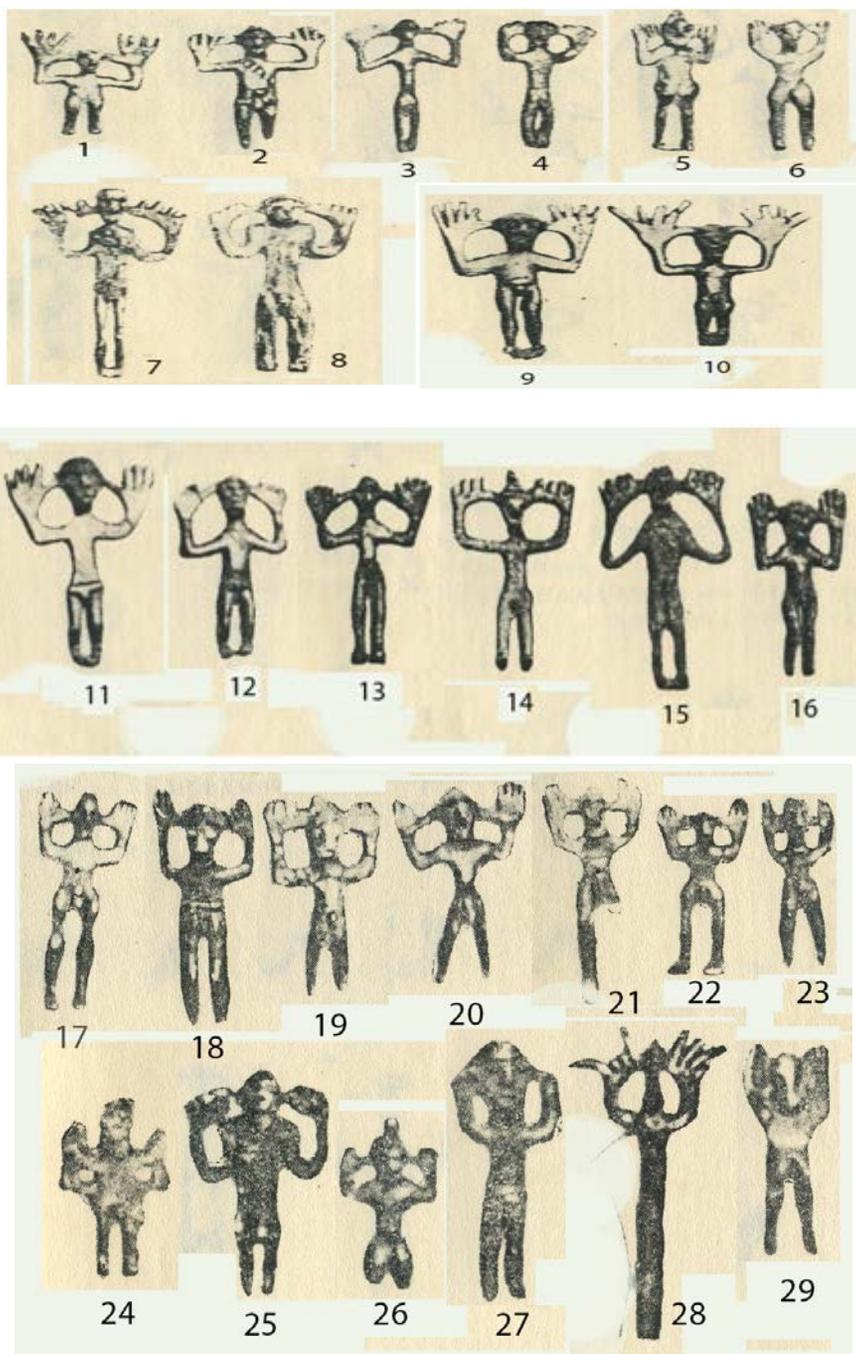


Рис. 13. Плоские бронзовые статуэтки адорантов из Цунтинского района Дагестана (по И.В. Мегрелидзе).

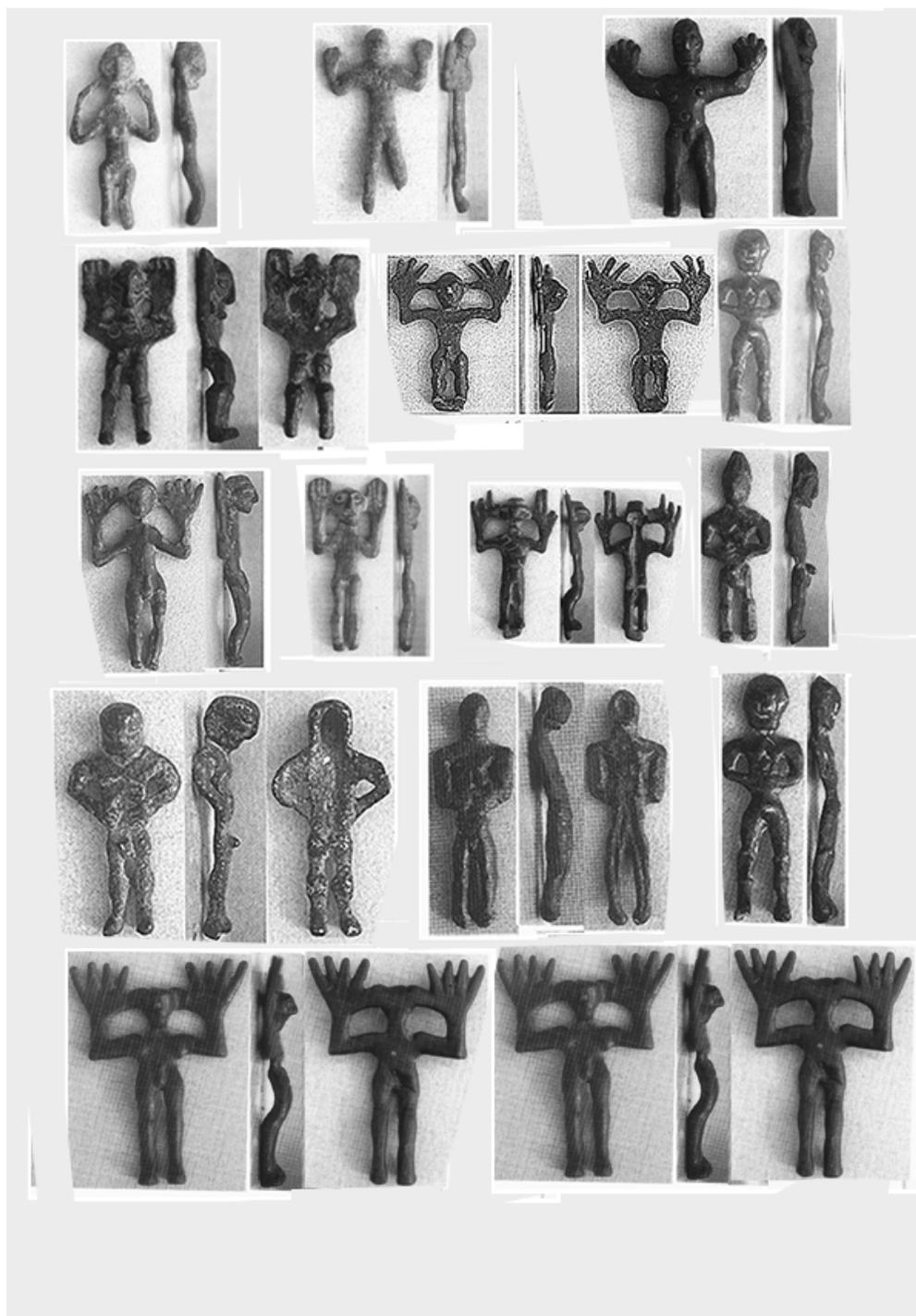


Рис.14. Плоские бронзовые статуэтки адорантов и фертов из Цунтинского района Дагестана (по Р. Ченснер).

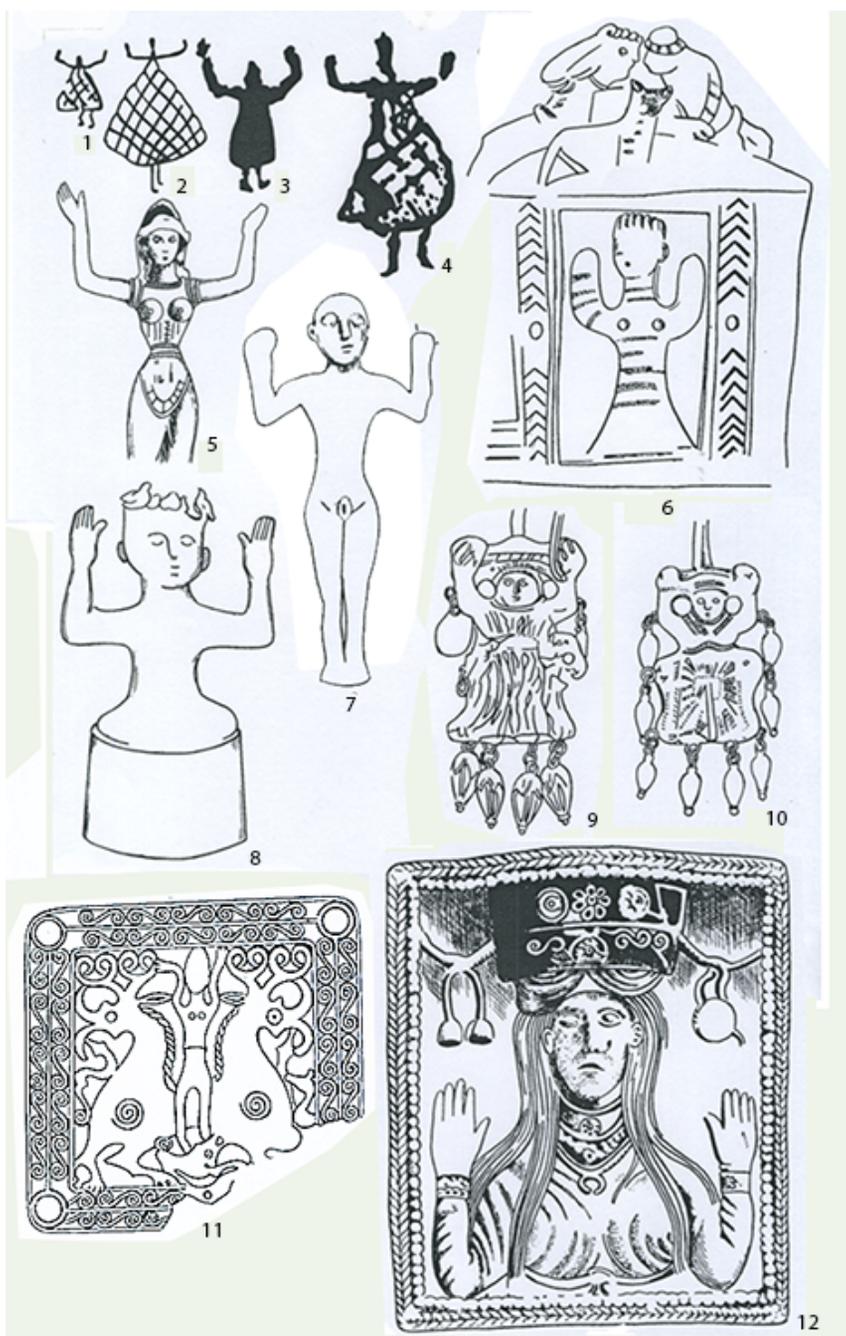


Рис. 15. Изображения адорантов в различных культурах.

1 – 4 – наскальные изображения Дагестана; 5, 6, 8 – материалы из эгейских памятников; 7 - статуэтка из Ирана; 9, 10 – скифские серьги; 11 –бляха из Грузии; 12 – изображение богини Кибели на бронзовой пластинке из местечка Малк Жук Разградско (Болгария), (1 – 4 –по В.М. Котович, 5, 6, 8 – по Г. Соколову, 12 – по BouzekJ., 1978).

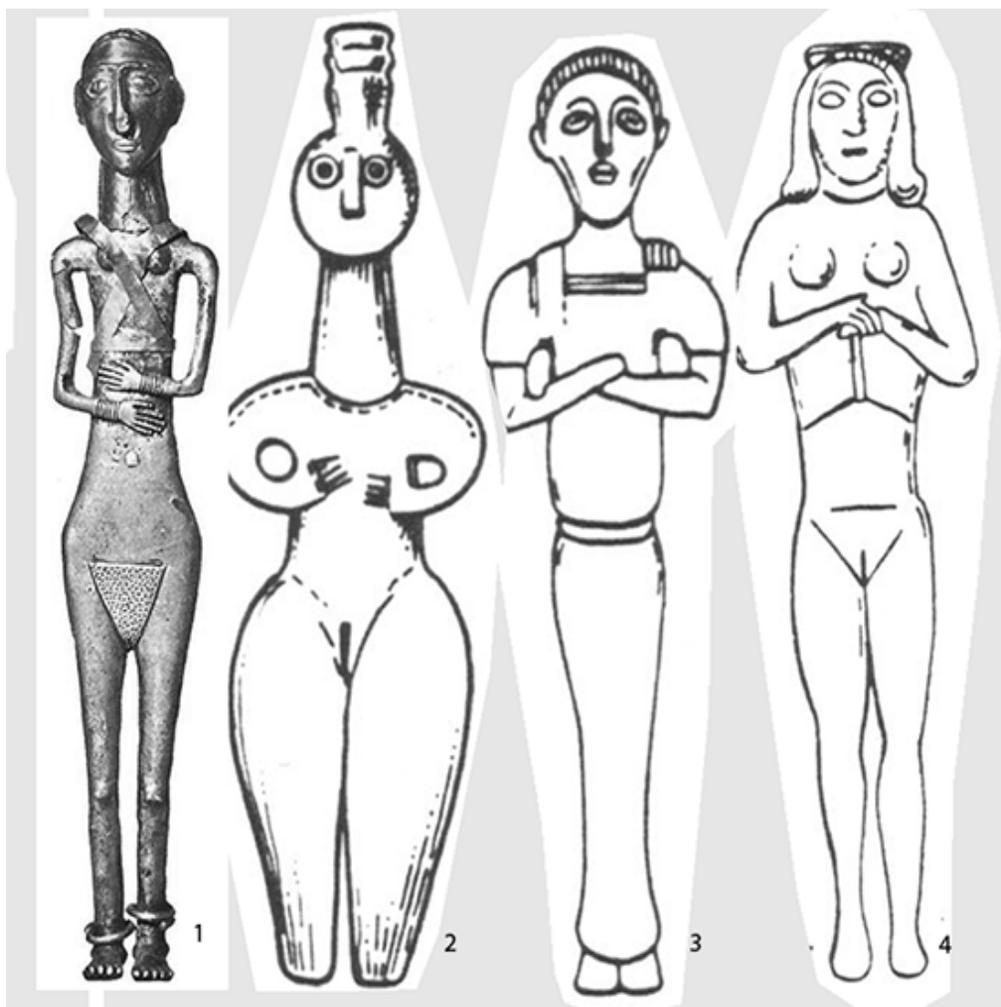


Рис. 16. Изображения "фертов" в различных культурах Евразии.
1 – из Хорз-тепе (Турция); 2, 4 – из Ирана; 3 – из Испании (по В.И. Марковину).



instituteofhistory.ru

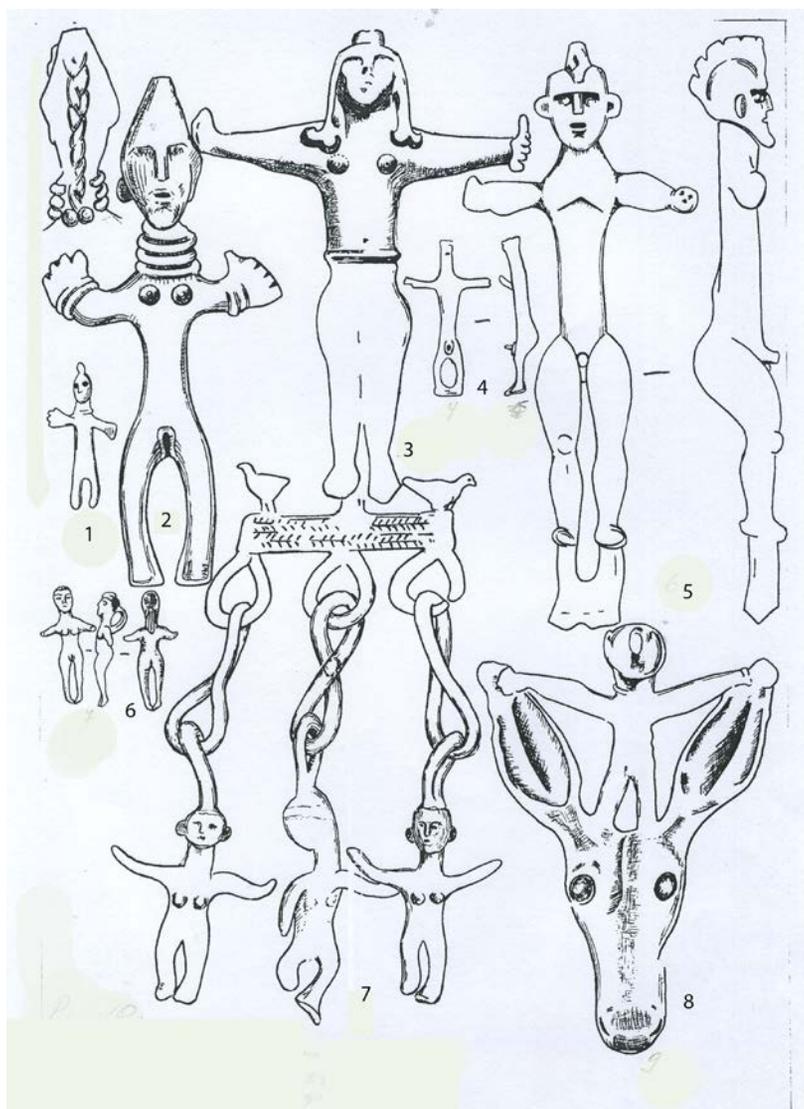


Рис. 17. Бронзовые статуэтки обнаженных женщин и мужчин с распростертыми руками и подчеркнуто выраженными половыми признаками.

1 – точное место нахождения не известно, из собрания Г.А. Вертепова. 2 – из культового места у сел. Гигатль Цумадинского района Дагестана. Хр. в ДГОИАМ, инв. № 18315 (по В.И. Марковину, 1986. Рис. 6,2). 3 – «из Дагестана», доставлена Г.Д. Дидебулидзе в Общество истории и этнографии Тбилисского университета. Хр. в Музее Метехи, инв. № VII 65 (по Б.А. Куфтину, 1950. С. 59). 4 – из сел. Ибрагимгаджиали (по З.И. Ямпольскому). 5 – из сел. Мачада Шамильского района Дагестана. 6 – из Кобанского могильника (по П.С. Уваровой). 7 – из Кобанского могильника (Северная Осетия), собр. К.И. Ольшанского. Хр. в ГЭ, инв. № 1731/142. По П.С. Уваровой, 1900. Табл. XXIX, 6. 8 – из Кобанского могильника (Северная Осетия), Собр. А. Бобринского. Хр. в ГЭ, инв. № 1360/578. По П.С. Уваровой, 1900. Рис. 75.



Рис. 18. Статуэтка трехголового человека в позе ферта (1), найденная Ф.А. Афанасьевым в гробнице во время раскопок в Буйнакском районе (по А.А. Zakharov, Fig. 86) и изображение богини-мать Нинту. Терракотовая плакетка 2 тыс. до н.э. Багдад, Иракский музей.

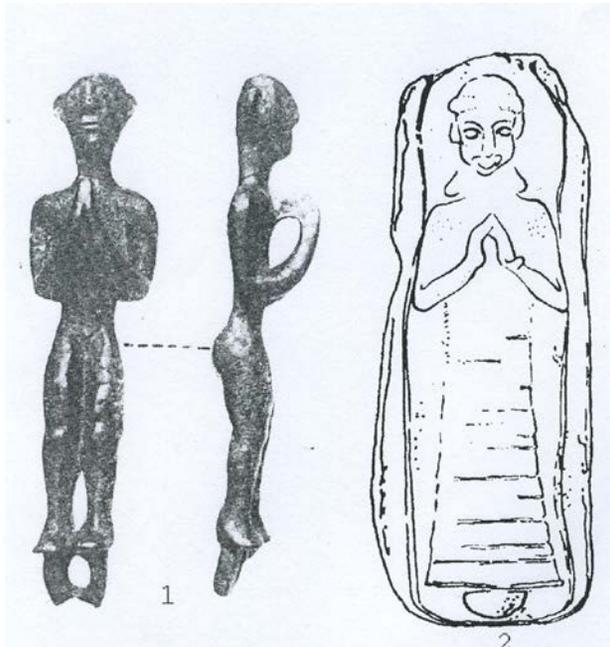


Рис. 19. Статуэтка молящегося человека с приставленными друг к другу у груди ладонями рук.

1 – «из Дагестана». Приобретена ГЭ у кубачинца Расула Магомедова. Хр. в ГИМ, инв. № 544304. По А.А. Zakharov, 1932/1933. Fig. 115 – 116. 2 – Алтарная плакетка из храма Иштар – Шавушки в нузийском доме Техип-Тилли. Рис. по Start. Vol. 2. Pl. 100b.

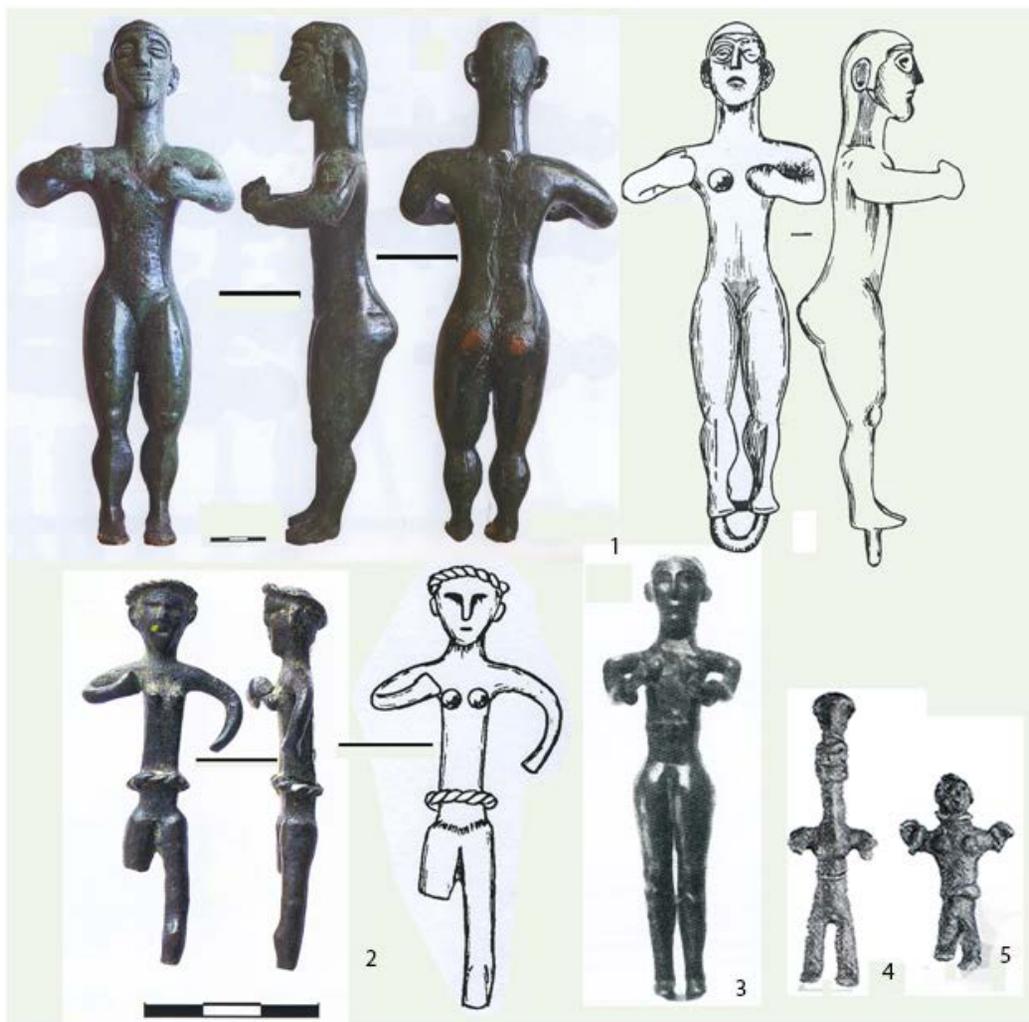


Рис. 20 Бронзовые статуэтки обнаженных женщин с руками, поднятыми на уровень груди в виде разомкнутого полукруга или «в позе объятия».

1 – из культового места Росдал-меэр у сел. Согратль Гунибского района Дагестана. Хр. в ДГОИАМ (по А.П. Круглову, 1946. Рис. 14). 2– из сел. Хупри Цунтинского района, доставил в Историко-этнографический музей Даггосуниверситета студент Исамагомедов. Инв. № 8754/1. 3 – «из Дагестана», в 1939 г. была приобретена на аукционе Кристи от Н. Куталакиса. Хр. в MANE, 1939 -7-5.1 (Pl. 13) (по Curtis, 2004. Fig. 165 и Брилевой О.А., кат. 559). 4, 5 –из святилища Мели-Геле – Грузия (по К.Н. Пицхелаури).

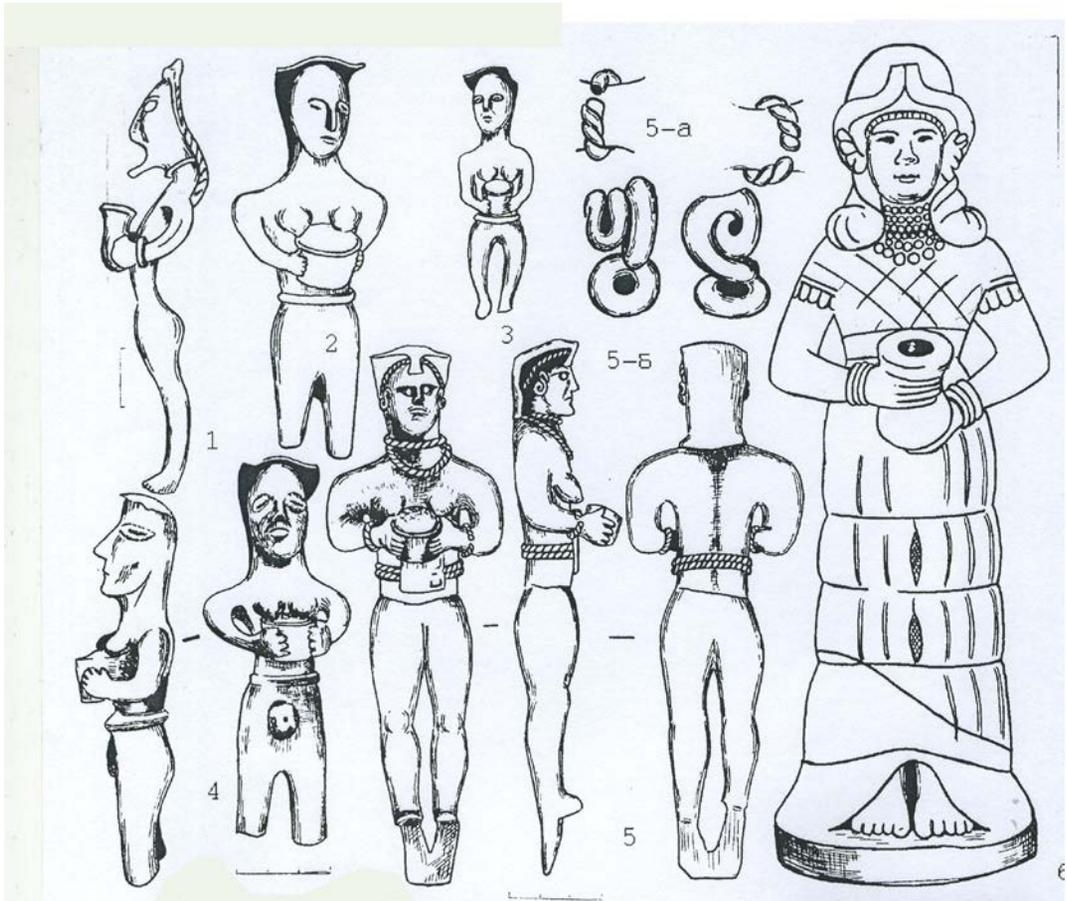


Рис. 21. Статуэтки стоящих обнаженных женщин с сосудами в руках.

1— из сел. Анди Ботлихского района Дагестана. Хр. ГРМ в секции этнографии, инв. № 2034-535 (по А.А. Zakharov, 1932/1933. Fig. 83). 2 — из Цумадинского района Дагестана в ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР доставил в 1955 г. В.Г. Котович. 3— из Дагестана. 4— из культового места Хурци-Раал близ сел. Согратль Гунибского района Дагестана. Обнаружена в 1935 г. местным жителем Османом Тавак. Хр. в ДГОИАМ (по М. Исакову, 1966. Табл. 7,1)). 5—из сел. Тинди (Цумадинский район Дагестана) была приобретена А.М. Завадским. Хр. в ГИМ, инв. № 57 771 (по А.А. Zakharov, 1932/ 1933. Рисю100-102). 6— Статуя богини Иштар из храма в Мари. XVIII в. до н.э. Халеб, Национальный музей. Прорисовка О.М. Давудова по фотографии.



instituteofhistory.ru

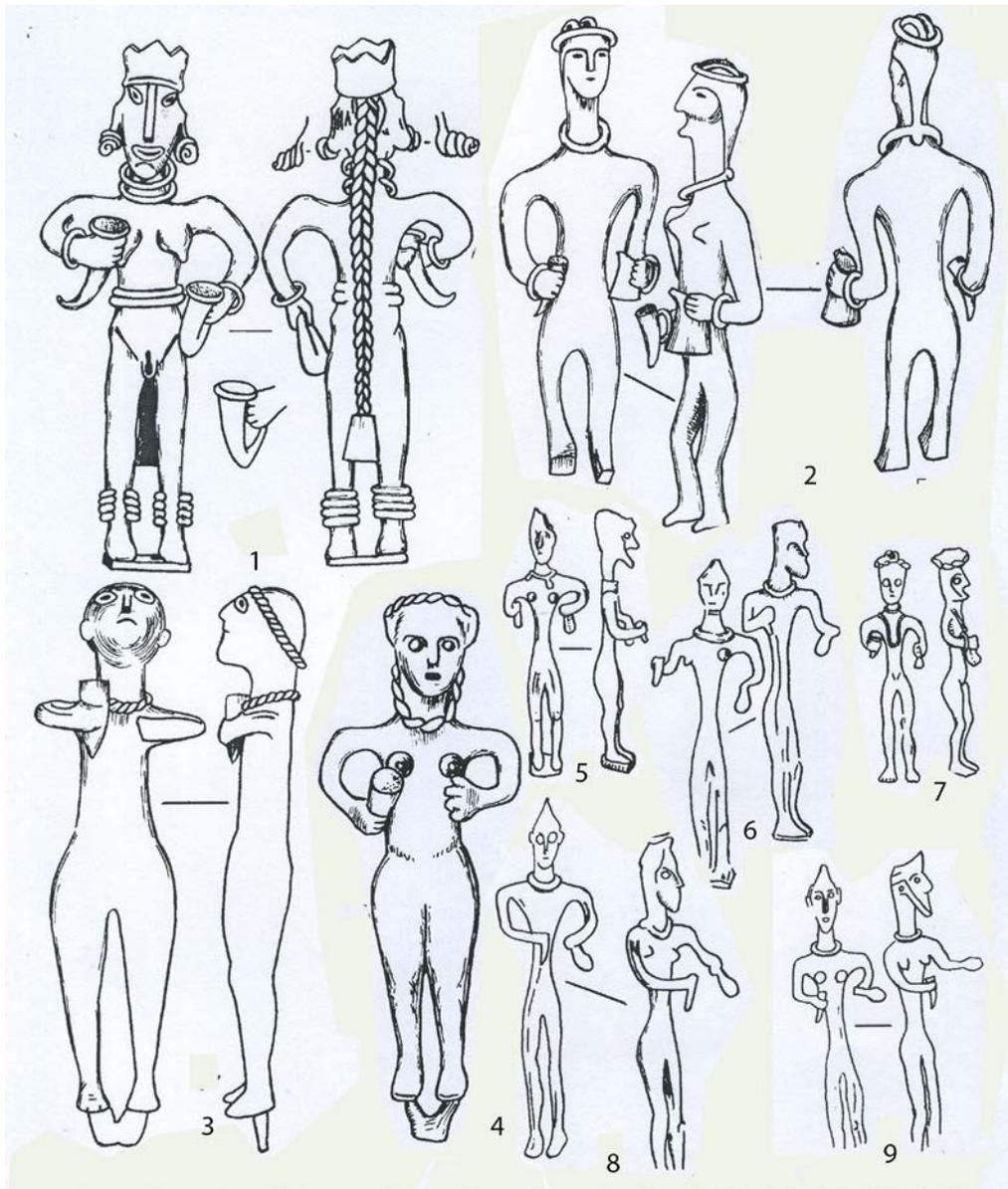


Рис. 22. Статуэтки обнаженных женщин с ритонами в руках.

1 – из культового места у сел. Гигатль Цумадинского района Дагестана. Хр. в ДГОИАМ, инв. № 18 313. 2 – «из Дагестана», собр. А.К. Сержпутовского. Хр. в ГЭ, инв. № 1782/ 8. 3 – "Из Дагестана", приобретена у кубачинца Расула Магомедова в 1914 г. Хр. в ГЭ, инв. № Кз-5896 (по А.А. Zakharov, 1932,1933. Fig. 113-114). 4 – из окрестностей сел. Корода Гунибского района Дагестана. Хр. в ГМНВ, инв. № 5618, рис кат. 48. 5 – 9 – из Армении (погр. близ ст. Айрум). По С.Т. Есяну.

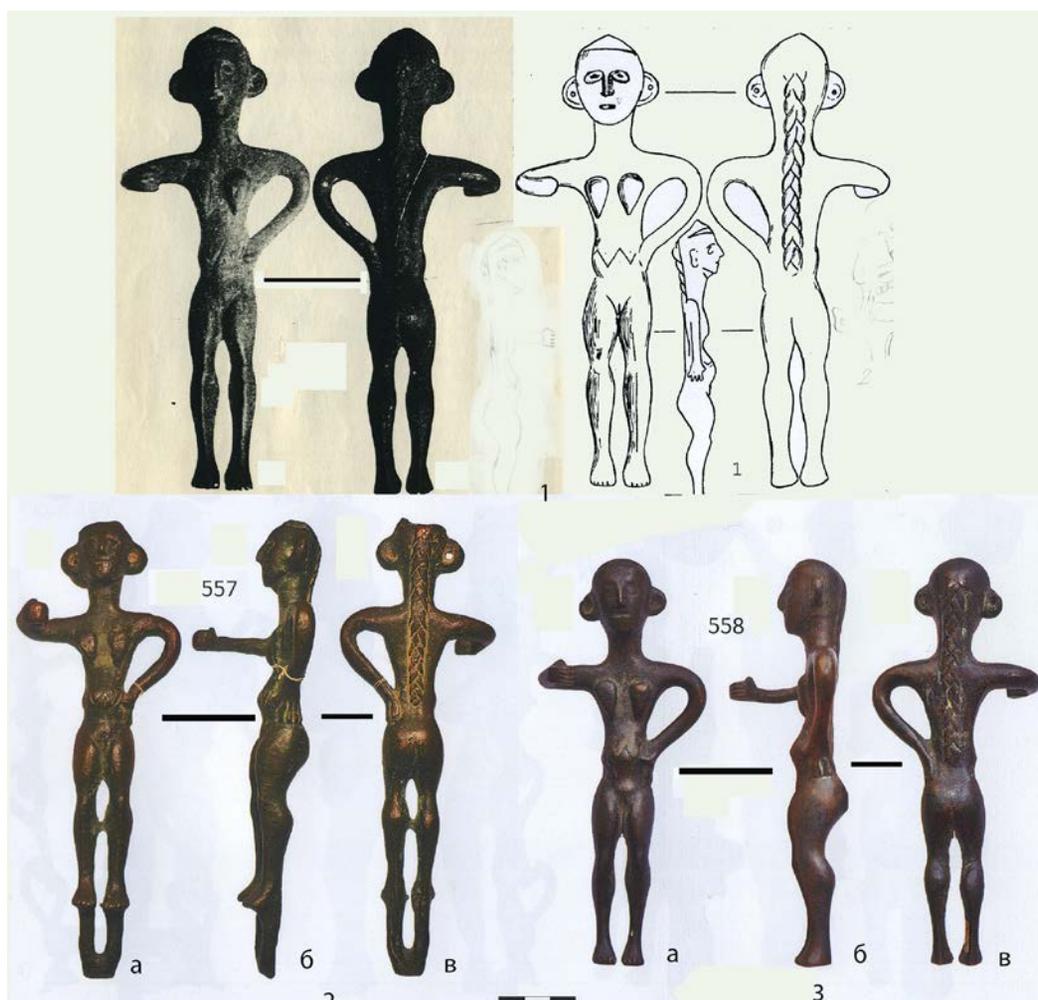


Рис. 23. Статуэтки стоящих беременных женщин с выставленной вперед на уровне груди и согнутой в полукруг правой рукой и левой рукой, массирующей живот. 1—«из Дагестана». Куплена ГИМ у кубачинца Расула Магомедова. Инв. № Б 428/1 (по А.А. Zakharov, 1932/1933. Fig. 119-121). 2—«Из Дагестана». Приобретена Госторг в 1927 г. Хр. в ГЭ, инв. № 5899. Фото приведены по О.А. Брилевой, кат. 557. 3— «из Грузии», Куплена в Горийском районе, на базаре у крестьянина художником А.Д. Гудеашвили. Хр. в НМГ, инв. № 7-49/5 (по О.А. Брилевой, кат. 558).

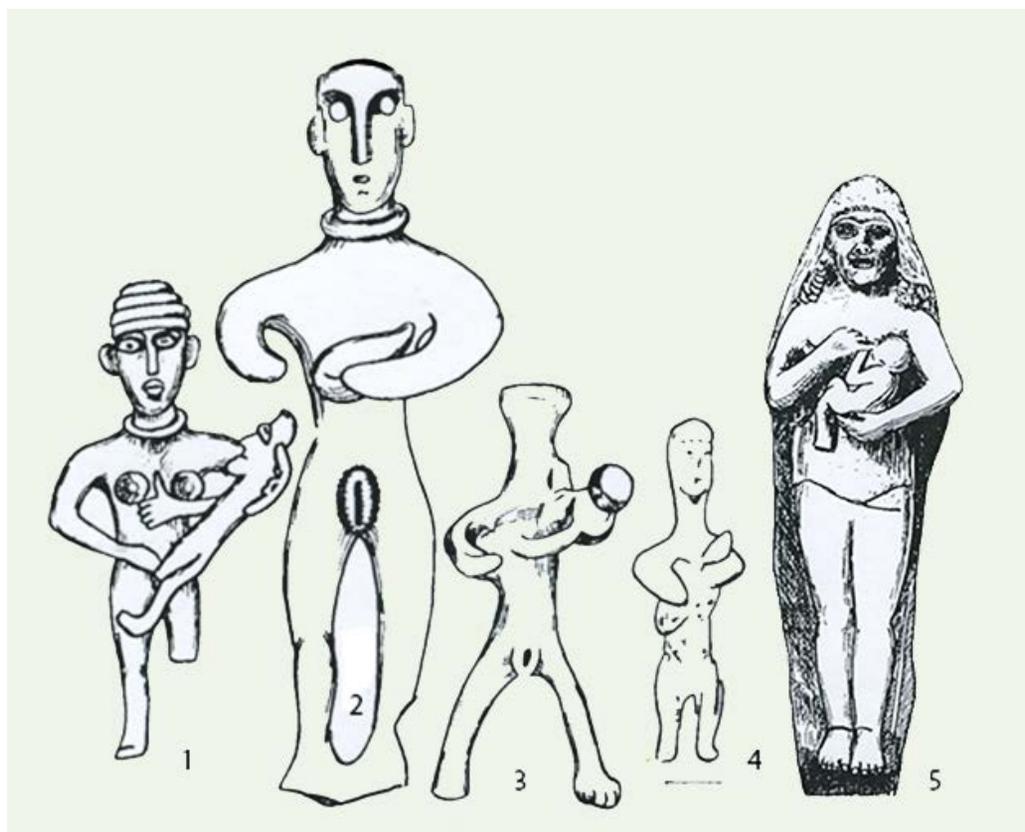


Рис. 24. Статуэтки обнаженных стоящих женщин с младенцами в руках.
 1— из сел. Анди Ботлихского района доставил Д.М. Атаев в Историко-этнографический музей Даггосуниверситета, инв. № 905. 2— Из сел. Хутрах Цунтинского района доставил в Историко-этнографический музей Даггосуниверситета студент Исагагомедов, инв. № 875/1. 3— из сел. Бомбори Гудаутского района Абхазии в составе клада. Хр. в ГИМ, инв. № Б 1675/2 (по Лукину, 1941. Табл. XIX, 1). 4— из Кобанского могильника Северной Осетии (по Доманскому Я.В., 1984. Табл. XXVI). 5— плакетка из Вавилона, сер. I тыс. до н.э.

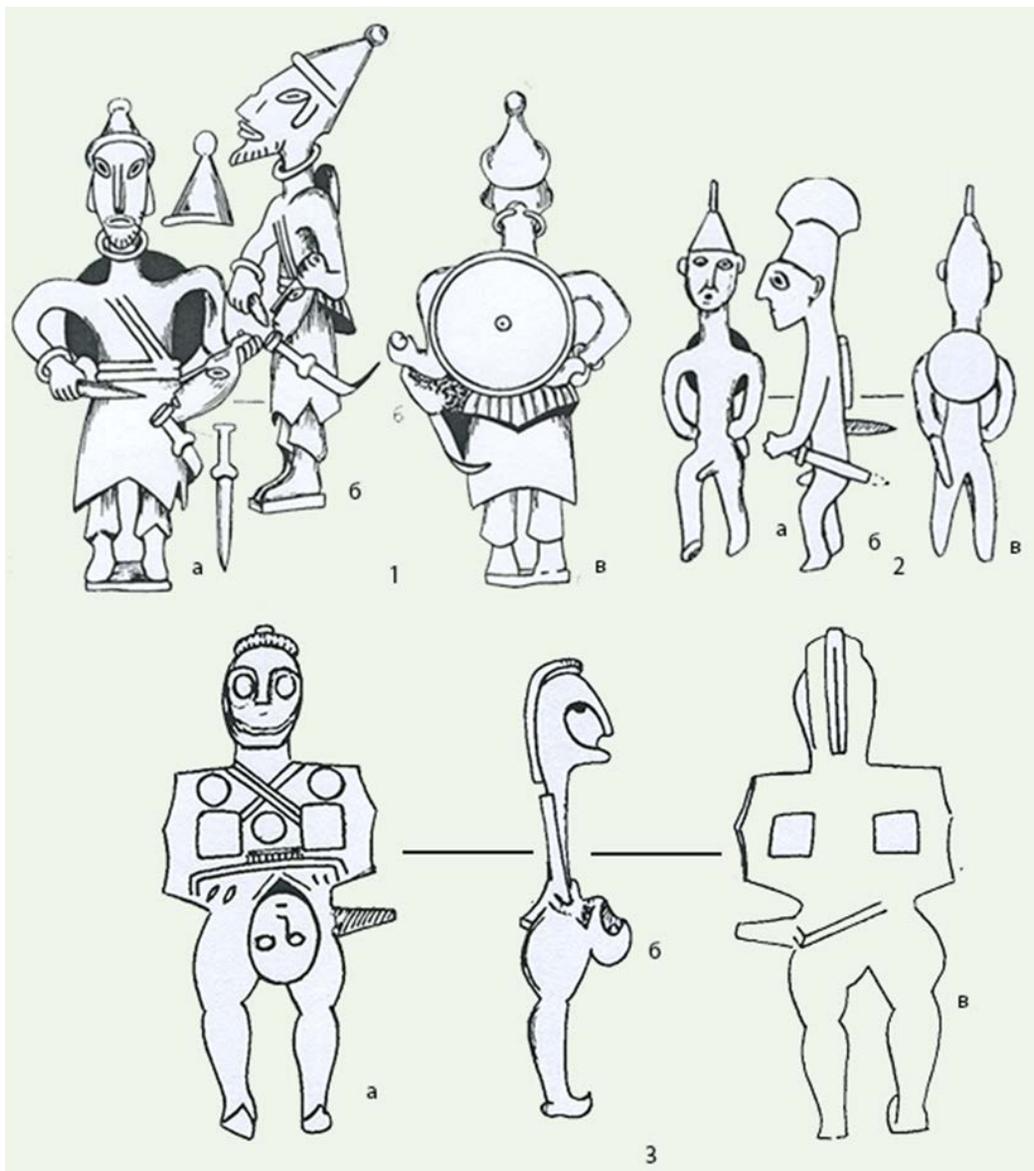


Рис.. 25. Статуэтки воинов с мечами.

1– из культового места у сел. Гигатль Цумадинского района Дагестана. Хр. в ДГОИАМ, инв. № 18312 (по В.И. Марковину, 1986. Рис. 12, 24). 2– из сел. Химой Чеченской республики, Собр. А.А. Бобринского, Хр. в ГРМ, инв. № К.Р. 10552 (по А.А. Zakharov, 1932/1933. Fig. 61-62). 3– из сел. Карата Ахвахского района, кол. А.К. Сержпутовского, хр. в РЭМ, инв. № 2881-2 (по А.А. Zakharov, 1932/1933. Fig. 81-82).

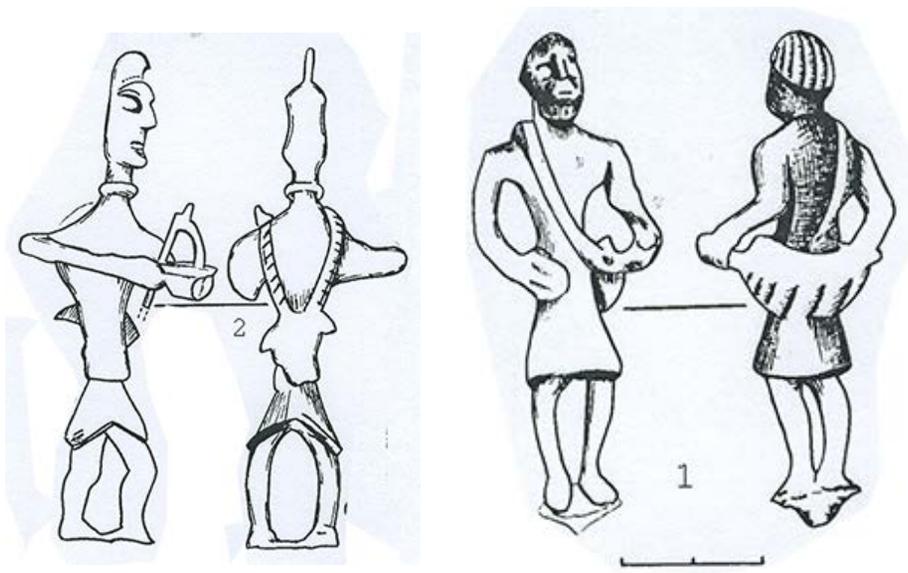


Рис. 26. Статуэтки воинов-лучников, облаченных в длинные перетянутые поясами кафтаны.

1 – из Аргунского ущелья Чечни, "подарок Его императорского высочества Михаила Николаевича". Хр. в НМГ, инв. № 6–02:143. Копия хранится в ГИМ, инв. № Б 409/1 (по Уваровой П.С., 1902. Рис. 47). 2 – из культового места Кидиашан в Цунтинском районе Дагестана (по И.В. Мегрелидзе, 1951. 12).



Рис. 27. Сасанидское серебряное с позолотой блюдо из ГЭ с изображением шаха ХосроваАнуширвана1 (годы правления – 531 - 579 гг) среди своих военачальников.



Рис. 27 а. Сасанидское блюдо с изображением шаха Ирана Пероза (правил в 483/484 гг) на охоте.



instituteofhistory.ru

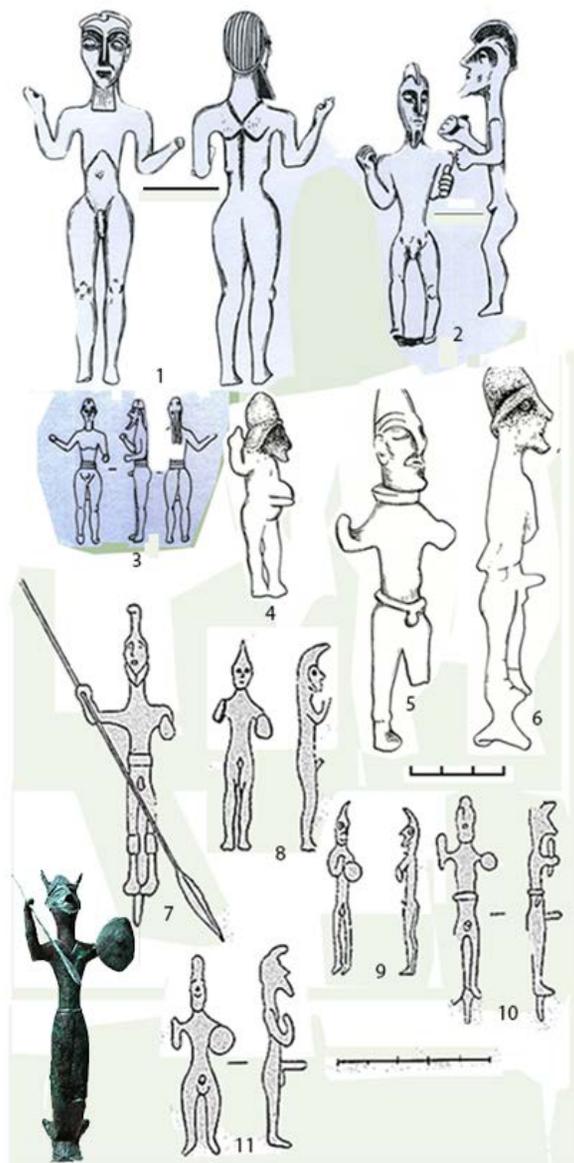


Рис. 28. Статуэтки итифаллических воинов с занесенными для удара копьями. 1 – из культового места Берак у сел. Арчо Ахвахского района Дагестана. Хр. в ГЭ, инв. № 2163/15 (по А.П. Круглову, 1946. Рис. 13). 2 – из культового места Берак у сел. Арчо Ахвахского района Дагестана. Хр. в ГЭ, инв. № 2163/14 (по А.П. Круглову, 1946. Рис. 12). 3 – из культового места Берак у сел. Арчо Ахвахского района Дагестана. Хр. в ГЭ, инв. № 2163 (по А.П. Круглову, 1946. Рис. 1,1). 4 – 6 – из Чечни, водораздела между реками Андийское Койсу и Шароаргун (по А.П. Ипполитову. Зарисовки О.М. Давудова). 7 -11 – из Армении – сел.Паравакар (по С.А. Есянчу). 12 – статуэтка из Кипра. Хр. в Музее Никосии

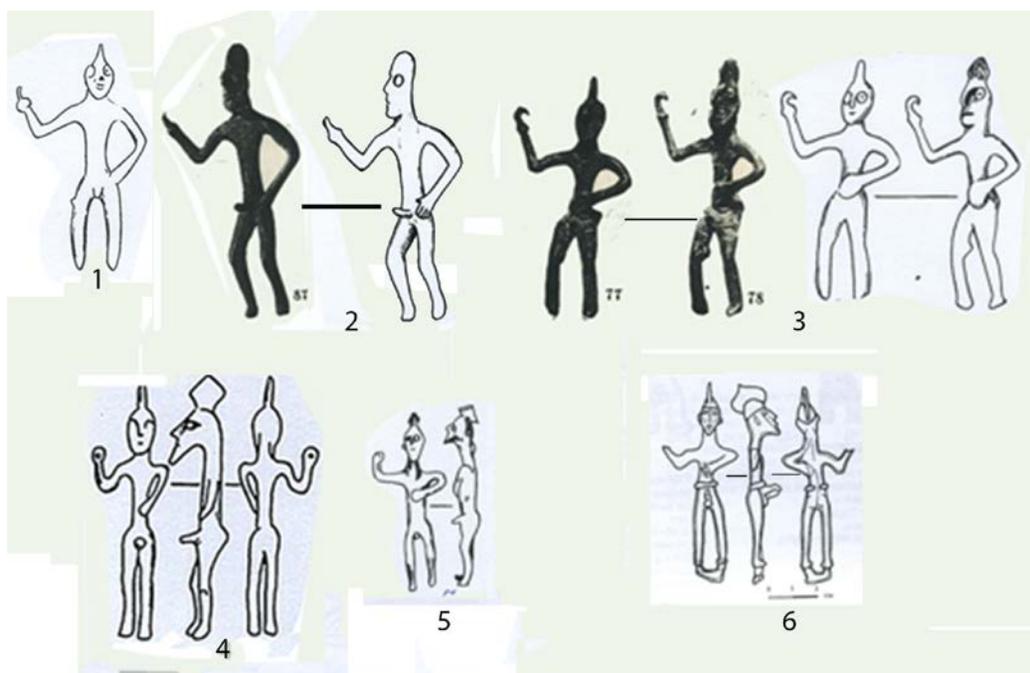


Рис. 29. Статуэтки обнаженных итифаллических воинов в шлемах с поднятыми вверх правыми руками и левыми, уложенными на животе.

1 –

2 – из Цунтинского района Дагестана, сборы Ж. Мурье 1885-1886 гг. Хр. в ГЭ, инв. № 2085/3. По А.А. Zakharov, 1932/1933. Fig. 87.

3 – "из Дагестана" колл. А.А. Бобринского. Хр. в ГЭ, инв. № Кз – 1787. По А.А. Zakharov, 1932/1953. Fig. 77–78.

4 – из каменного ящика на хуторе Беледи Ботлихского района Дагестана. Хр. в ДГОИАМ, инв. № 3783. По В.И. Марковину, 1986. Рис. 8, 2.

5 – из Аргунского ущелья (Шатоевский район Чечни), по В.Б. Виноградову, 1972. Рис. 48,5.

6 – из Ботлихского района Дагестана. По М.С. Гаджиеву, 1997. Рис. 2.



instituteofhistory.ru

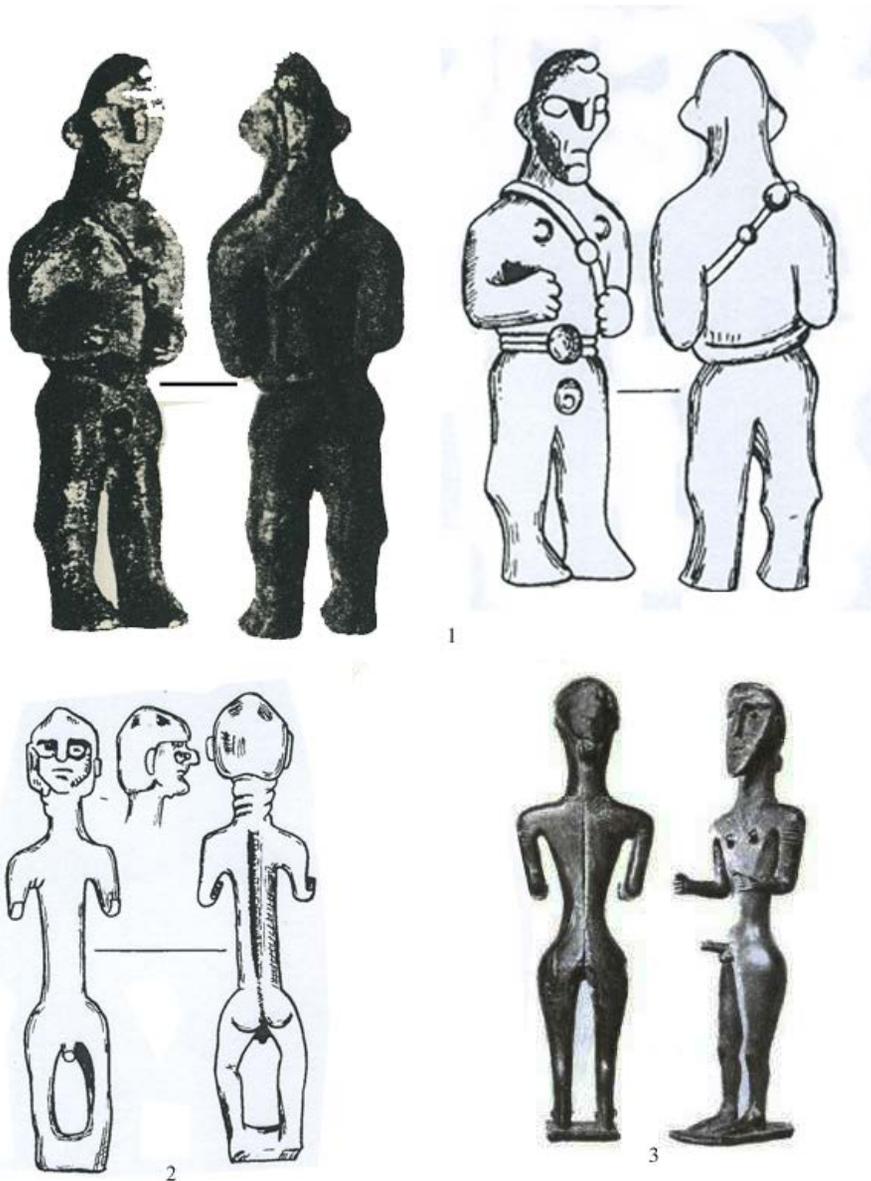


Рис.. 30. Статуэтки обнаженных мужчин с согнутыми в локтях и выставленными вперед параллельно друг другу руками.

1 – из сел. Тисси Цумадинского района Дагестана. Куплена А.М. Завадским в 1903 г. Хр. в ГИМ, инв. № Б 435/4 (по А.А. Zakharov, 1932/1933. Fig. 122–123). 2 – из сел. Анчих Ахвахского района Дагестана (по Магомедову Д., 1985). 3 – из Грузии (находка 1914 г. в сел.Зекари – Персати). По Макалатия, 1926, А.А. Zakharov, 1932/1933. Fig. 42-43.



Рис. 31. Бронзовая статуэтка человека с рогами козла из окрестностей сел. Гигатль Цумадинского района. Хр. в ДГОИАМ, инв. № 18269.

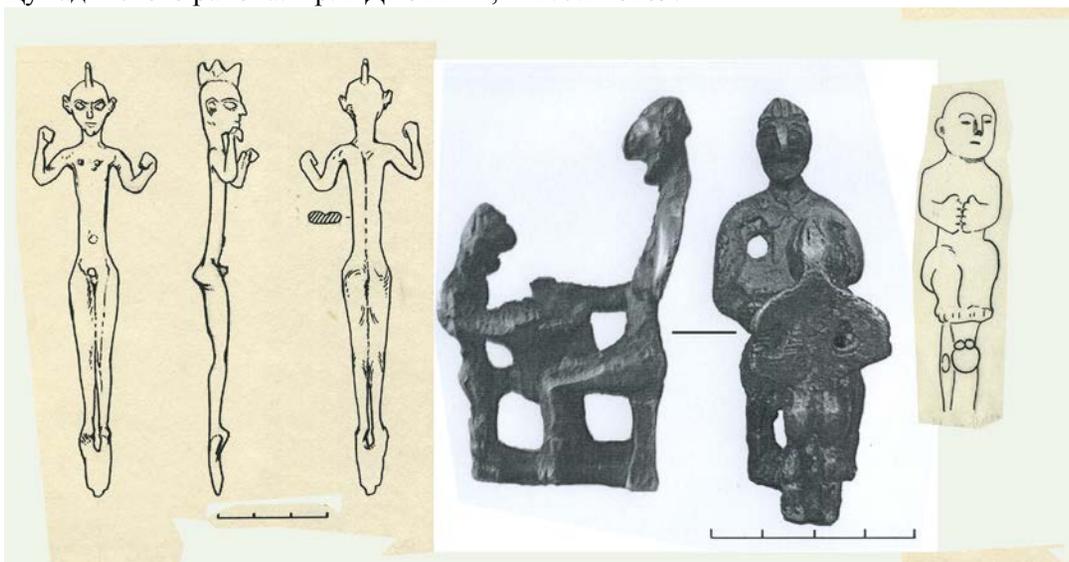


Рис. 32. Статуэтки гермофродитов.
 1 – из окрестностей сел. Чадаколюб Тляратинского района Дагестана. 2 – из окрестностей сел. Чадаколюб Тляратинского района Дагестана. 3 – из святилища близ сел. Чадаколюб Тляратинского района Дагестана.

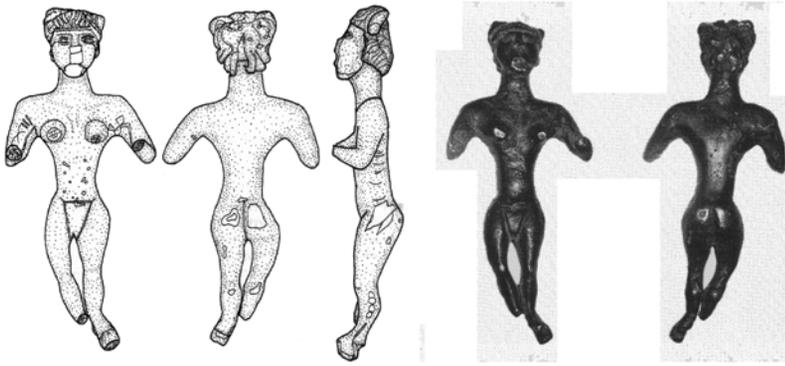


Рис. 33. Статуэтка женщины с признаками животного. Найдена жителем сел. Шатой Чечни М. Гаирбековым в 1911 г. в пещере во время охоты. Хр. в ГИМ, инв. № Б 1335/1 (по А.А. Zakharov, 1932/1933. Fig. 128; О.А. Брилевой, 2005. С. 162 – 167).

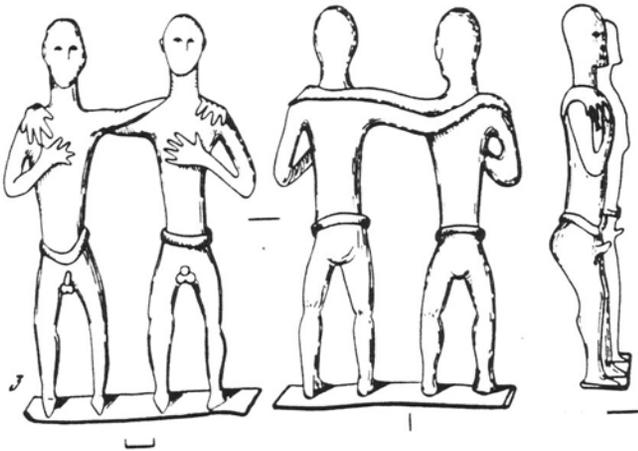


Рис..34. Статуэтки «побратимов» из окрестностей сел. Шали Чеченской республики (по В.Б. Виноградову, 1972. Рис. 37).

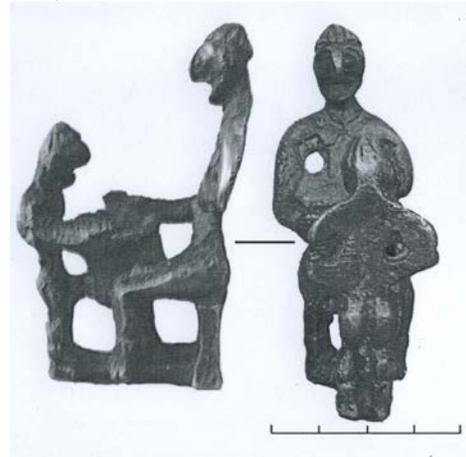


Рис. 35. Скульптурная композиции восседающего на "троне" божества и впереди стоящего мужчины из окрестностей сел. Чадаколов Гляртинского района Дагестана.

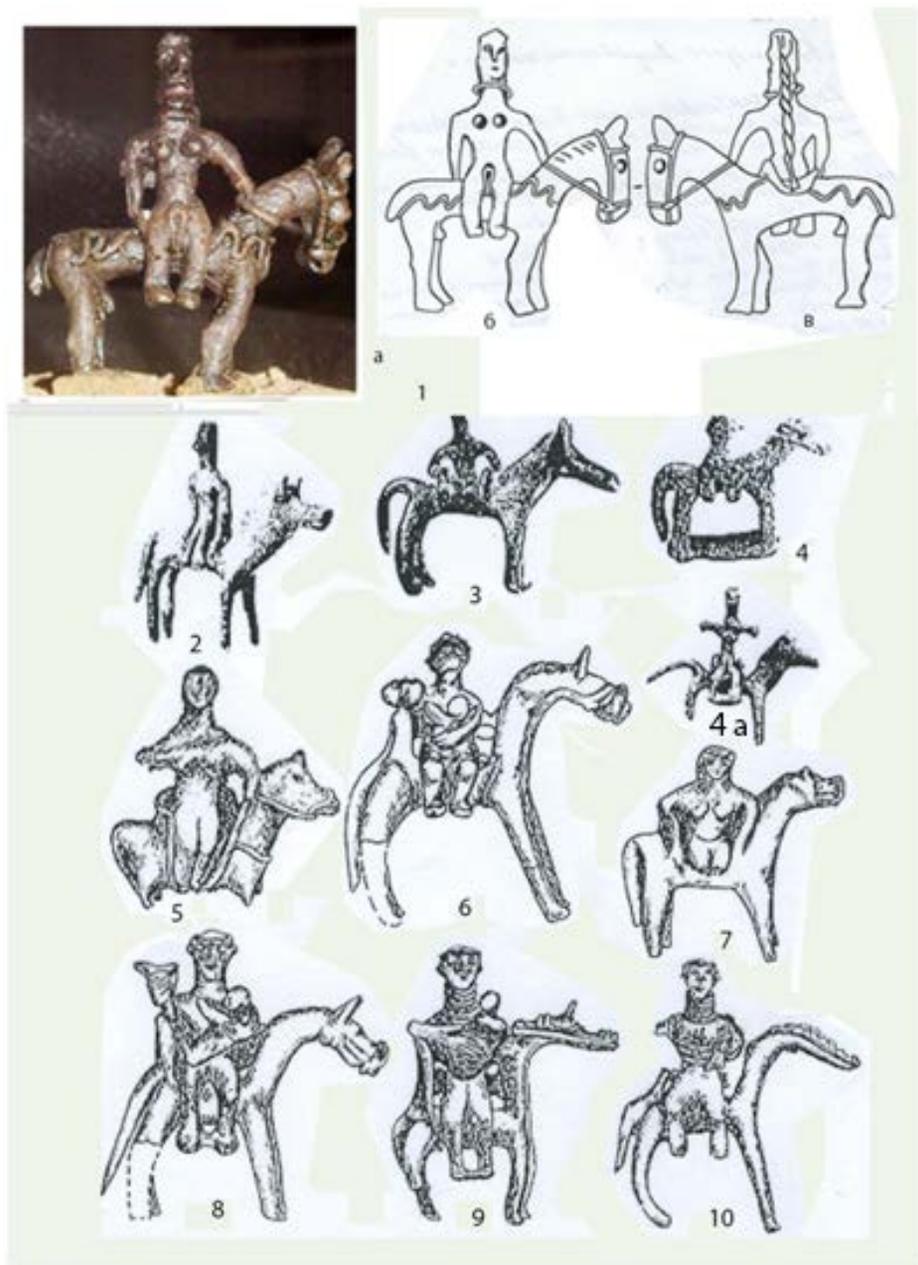


Рис. 36. Статуэтка женщины - всадницы, восседающей на коне в позе амазонки и аналогичные ей находки из Закавказья (5, – 10) и Греции (2 – 4, 4а, 6). 1 – из культового места у сел. Гигатль Цумадинского района Дагестана. а – фото, вид справа коня или спереди всадницы. б – рисунок, вид с права коня или с переди всадницы; в – рисунок, вид с лева коня или сзади всадницы. 2, 3 – из Лоусоя, 4 – из Тегия, 4 а —из Олимпа, 5 – Эргеди, 6 – из Самоса, 7, 8 – из могильника Цаиши, 9, 10 – из могильника Мухурча.

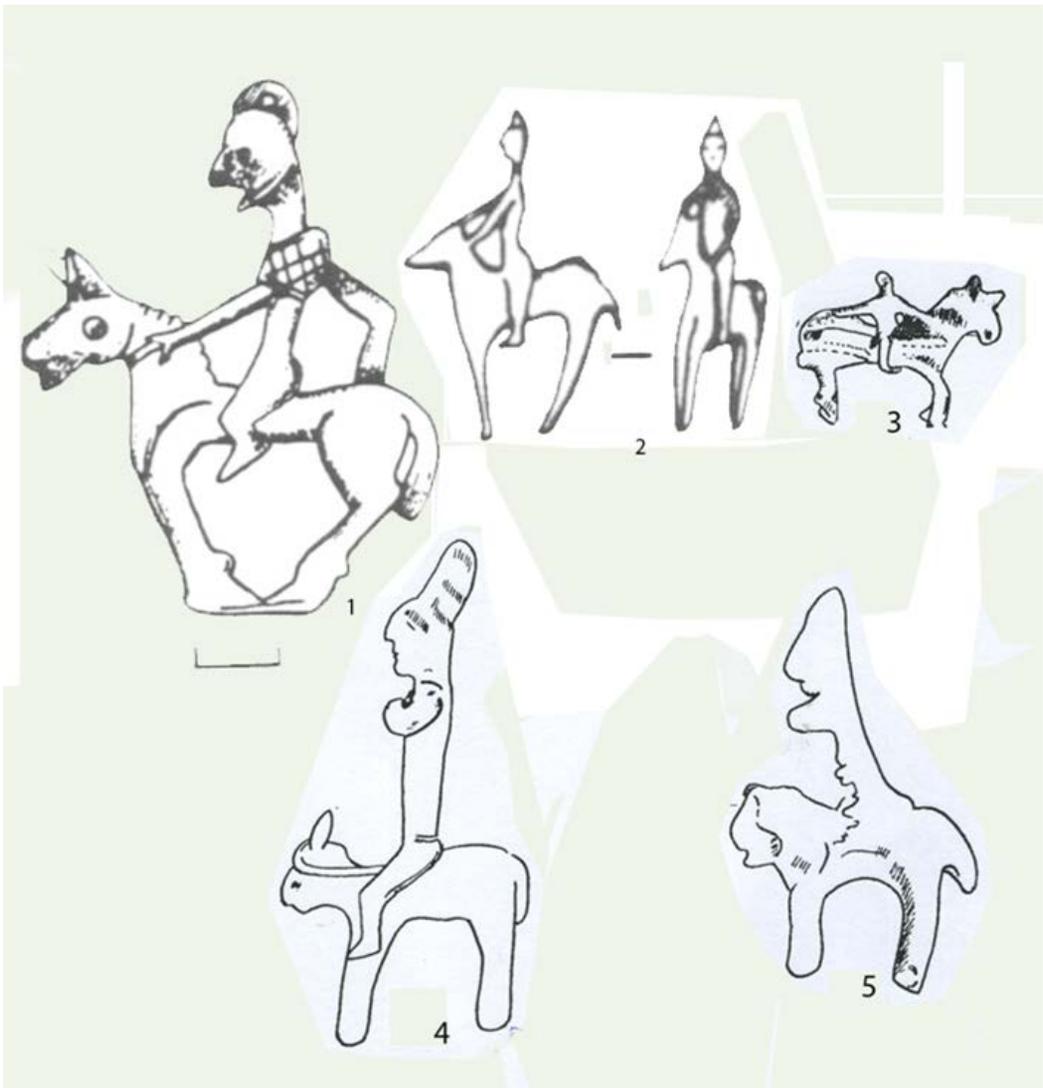


Рис. 37. Статуэтки всадников – мужчин.

1 – из Дидо (Цунтинский район Дагестана), сборы Ж. Мурье 1885-86 гг. Хр. в ГЭ, инв. № 2085/2 (По В.И. Марковину, 1986. Рис. 14,2). 2 – из сел. Симашки Чеченской республики (по В.Б. Виноградову, 1972. Рис. 48, 3).

3 –
4 –
5 –
6 –



Рис. 38 Всадник на баране из окрестностей сел. Химой Чеченской республики. Хр. в собрании Г.Д. Филимонова в ГИМ, инв. № Б 406/122.



instituteofhistory.ru



Рис. 39. Подвески с деталями в виде антропоморфных фигур.

1. в собрании 1914 г. А.Л. Млокосевич из культового места у сел. Инхоквари Цумадинского района Дагестана имеется подвеска с деталью в виде мужчины с руками, поднятыми вверх и отведенными от головы – адоранта. Хр. в ГЭ, инв. № Кз 1768 (по О.А. Брилевой, 2012. Кат. 188). 2. – в собрании 1914 г. А.Л. Млокосевич из культового места у сел. Инхоквари Цумадинского района имеется деталь украшения в виде человека - адоранта с руками, поднятыми вверх и отведенными от головы. Хр. в ГЭ, инв. № Кз1985 (по О.А. Брилевой, 2012. Кат. 267). 3 – в собрании 1914 г. А.Л. Млокосевич из культового места у сел. Инхоквари Цумадинского района имеется деталь украшения в виде человека - адоранта с руками, поднятыми вверх и отведенными от головы. Хр. в ГЭ, инв. № Кз 2285 (по О.А. Брилевой, 2012. Кат. 191). 4. – в Берлинском музее хранится деталь украшения в виде человека-адоранта с руками, поднятыми вверх и прижатыми большими пальцами к ушам (фотографию передал мне М.С. Гаджиев). 5. – в Историко-этнографическом музее Даггосуниверситета хранится деталь украшения в виде юноши в позе танцора лезгинки. Инв. № 853.

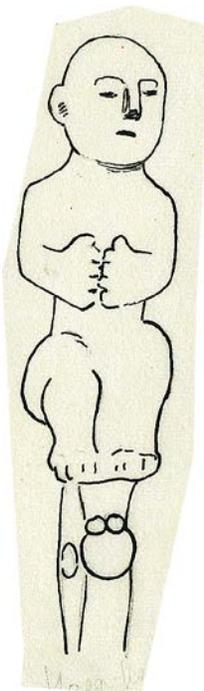


Рис. 40. Навершие головной булавки в виде обнаженной женщины с руками на поясе (ферт). Происходит из святилища близ сел. Чадаколюб Тлярятинского района Дагестана. Хр. в ГЭ, инв. № 2706/49 (по Я. Даманский, Ю. Пиотровский, 1984. С. 36–38. Рис. 3).

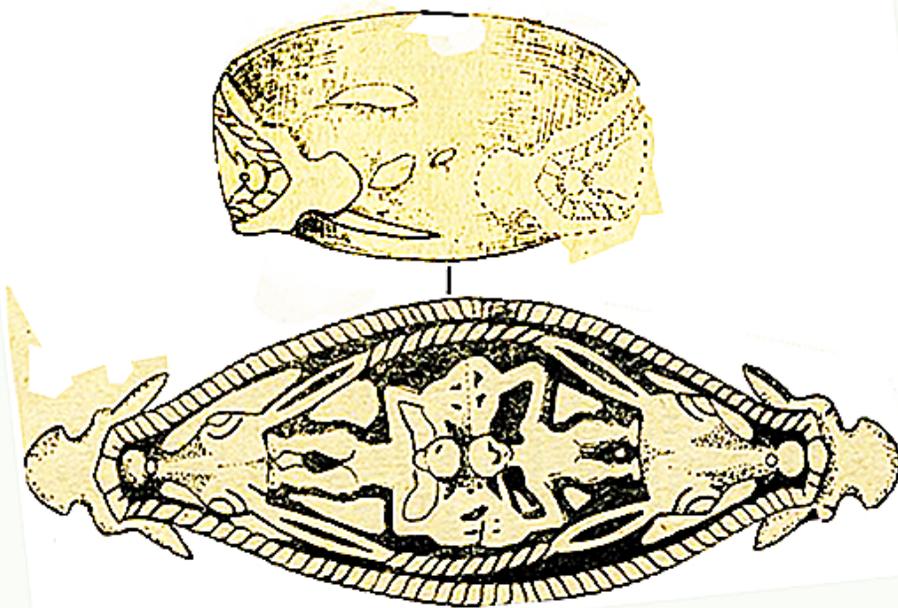


Рис. 41. Бронзовый ажурный зооморфный браслет с зеркальными изображениями людей, переданных в позе адорации из сел. Хушет Цумадинского района.

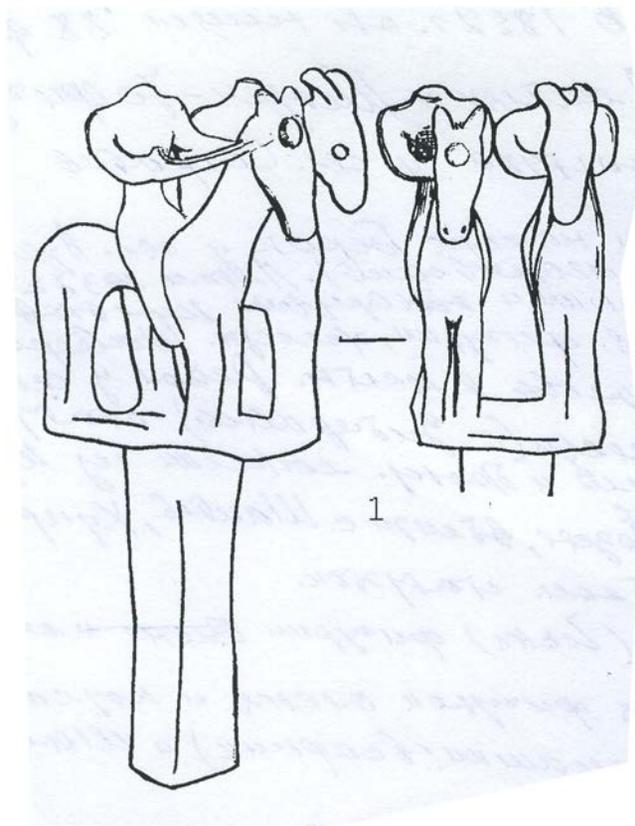


Рис.42. Навершие в виде скульптурной композиции с двумя обнаженными всадниками. Куплена ГЭ у кубачинца Саида Магомедова в марте 1926 г., инв. № 13761 (по Кузьминой, 1973. Рис. 1).

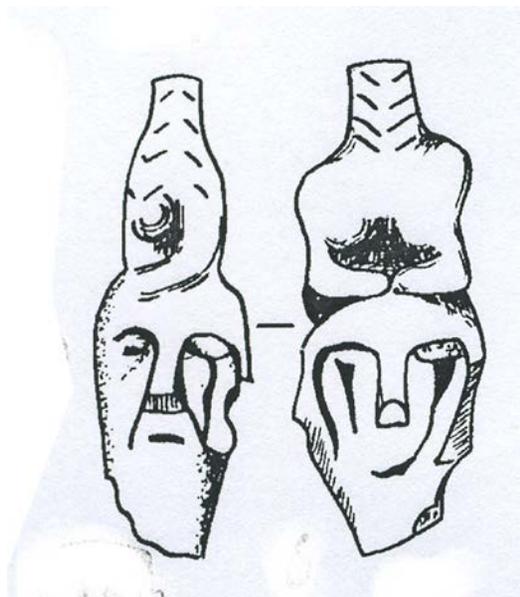


Рис. 43. Обломок бронзового навершия посоха² в виде фигуры беременной женщины ребенком в утробе. Хр. в Госмузей Грузии Доставлен из Хасавюрта или Казикумуха полковником Щетихиным. Хр. в НМГ, инв. № 3653.

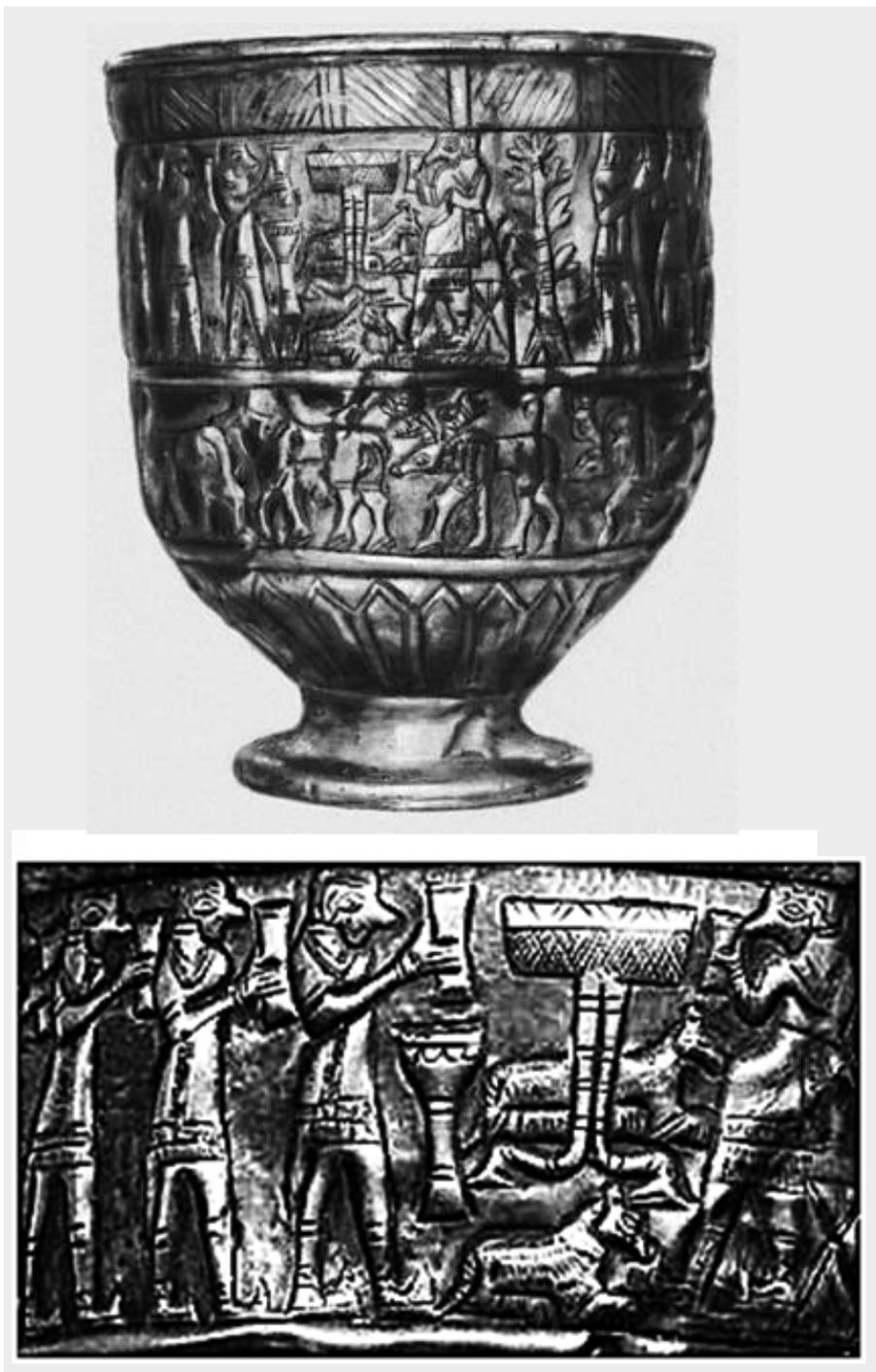


Рис. 44. Серебряный кубок из Триалетского кургана (1) с изображениями ритуальной сцены (2).

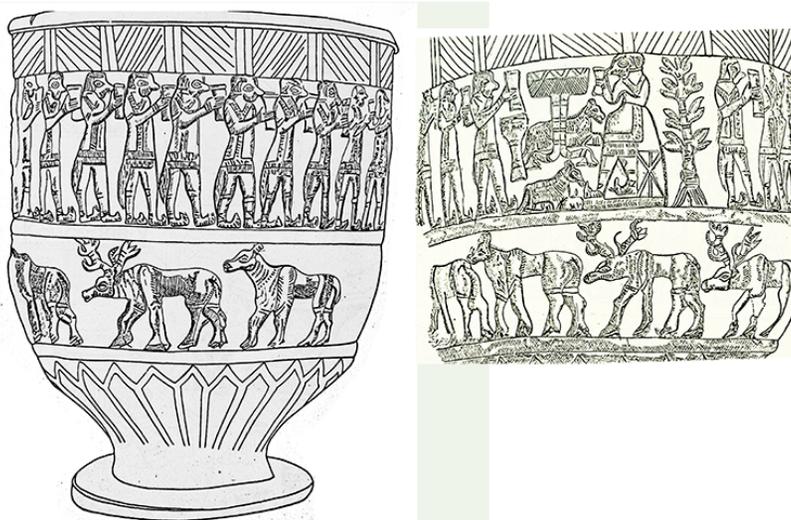


Рис. 44 (продолжение). Серебряный кубок из Триалетского кургана с изображениями ритуальной сцены (По Кл. Шаферу, 1948, Fig. 288).



Рис. 45. Головные уборы статуэток мужчин и женщин

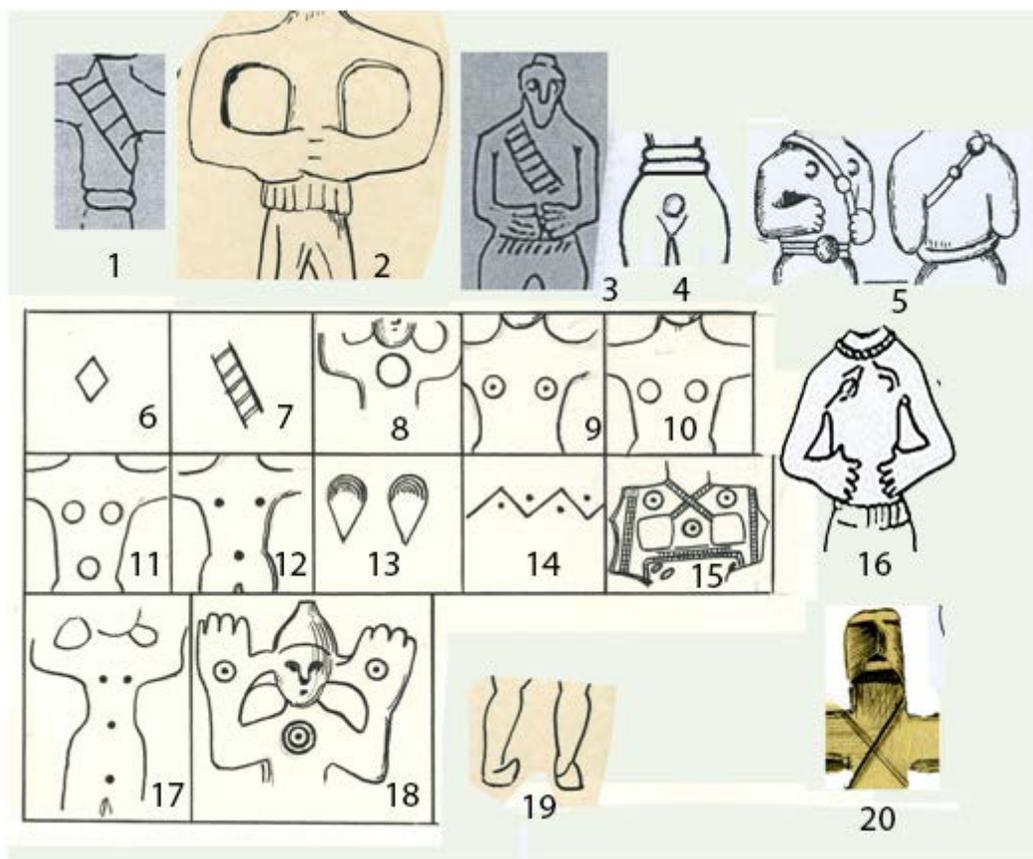


Рис. 47. Пояса изображения на теле и обуви статуэток.



instituteofhistory.ru

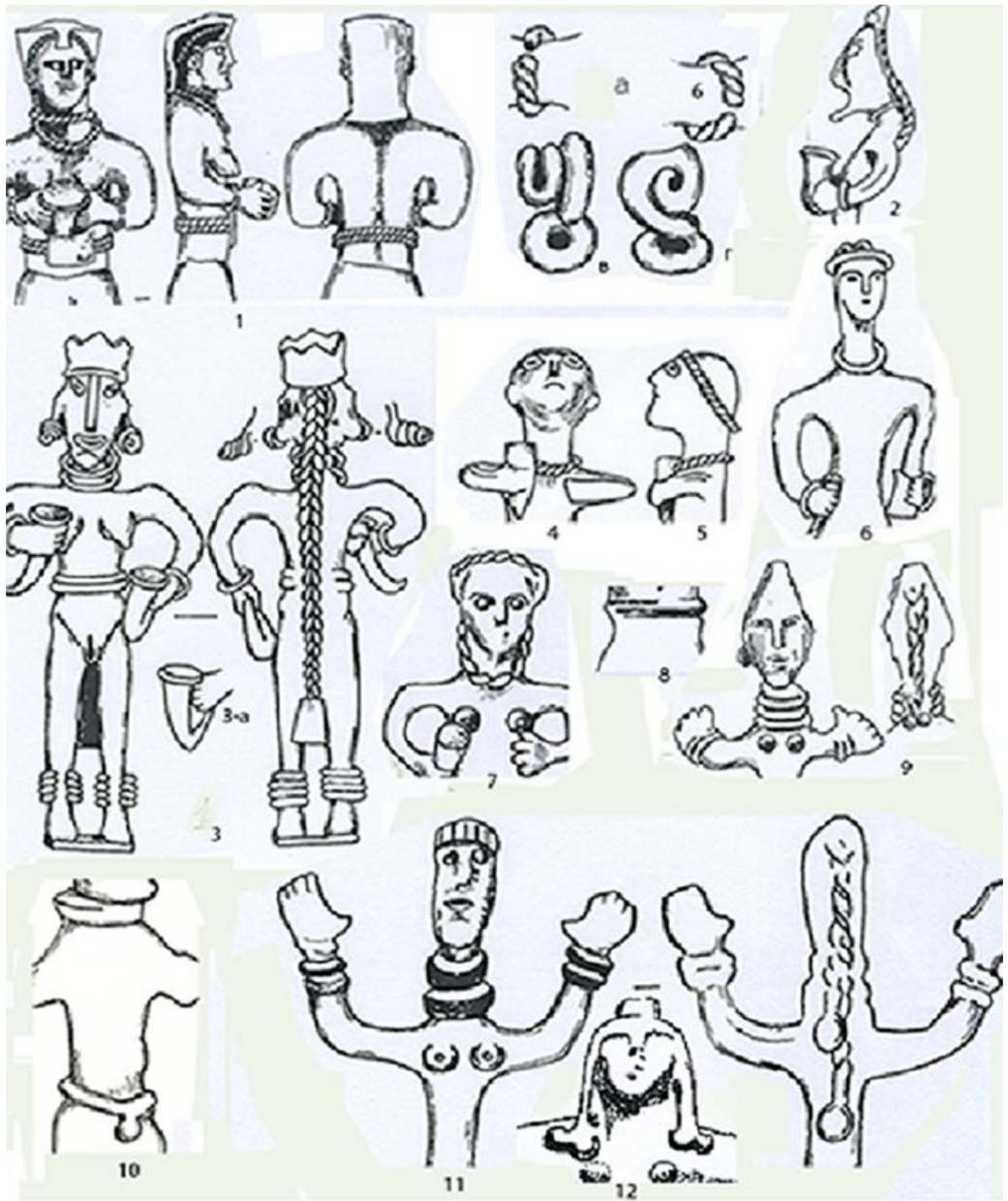


Рис. 48. Украшения и прически статуэток женщин.

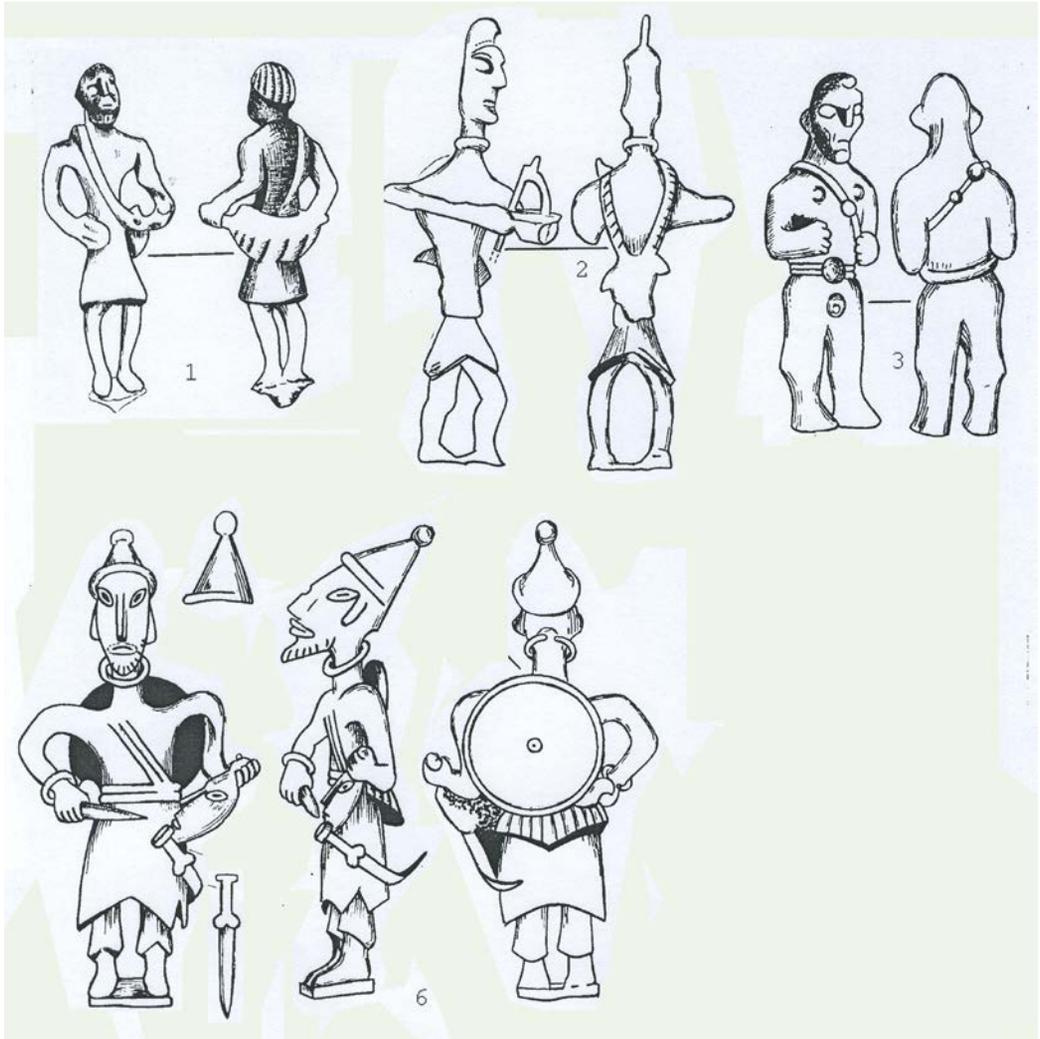


Рис. 49 Одежда статуэток воинов.



instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО, Архив ИА Архив ЛОИА.	Археологические открытия. М.: Наука. Архив Института археологии РАН. Москва. Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Ленинград.
АС	Археологический сборник Государственного эрмитажа. Л.: Искусство Ленингр. отд-ние.
V АС. Тр. предварительных комитетов. М., АЭГМГ	V Археологический съезд. Труды предварительных комитетов. М. Археологическая экспедиция Государственного музея Грузии. Тбилиси.
АЭС. Изв. ЧИ НИИ ИЯЛ	Археолого-этнографический сборник. Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института Истори, языка и литературы. Грозный
ВГМГ ВДИ Записки Кавказского отдела ИРГО Известия ГАИМК.	Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси. Вестник древней истории. Москва. Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис. Известия Государственной академии истории материальной культуры.
КСИА КСИИМК	Краткие сообщения Института археологии. Москва. Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л.
МАД МАК РА. РФ ИИЯЛ.	Материалы по археологии Дагестана. Махачкала. Материалы по археологии Кавказа. Москва. Российская археология. Москва. Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. Махачкала.
СА. САИ. М. СМОМПК	Советская археология. Москва. Свод археологических источников. Москва. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
ССКГ. СЭ. Тр. VII МКАЭН. М., 1970. Тр. ОИПК	Сборник сведений о кавказских горцах. Советская этнография. Москва. Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва, 1970. Труды отдела истории первобытной культуры. Государственный эрмитаж. Ленинград.
АМІ. AS ESA	Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Assyriological Studies Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
Глава I. Изучение мелкой пластики Северо-Восточного Кавказа	
Глава II. Местонахождения культовой пластики на территории Северо-Восточного Кавказа.....	
Глава III. Классификация.....	
Глава IV. Хронология.....	
Глава V. Семантика предметов металлопластики	
Заключение.....	
Литература.....	
Иллюстрации.....	
Список сокращений.....	

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН



instituteofhistory.ru

Научное издание

Омар Маламагомедович Давудов

**АНТРОПОМОРФНАЯ ПЛАСТИКА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА**

Подготовка оригинал-макета *Сулейманов О.А.*
Дизайн обложки *Керимов В.А.*

Подписано в печать 25.12.2016 г.
Формат 70x100¹/₁₆. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 10. Тираж 500 экз.



Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
367002, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50, 3 этаж
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru